

50 ЗНАМЕНИТЫХ

ЗАГАДОК СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

КЕМ БЫЛ КОРОЛЬ АРТУР? • «СТАРЕЦ ГОРЫ» И АССАСИНЫ •
ТАЙНЫ ТАМПЛИЕРОВ • «ЧЕРНАЯ СМЕРТЬ» •
ТУРИНСКАЯ ПЛАЩАНИЦА • ЗАГАДКА ОРЛЕАНСКОЙ ДЕВЫ •
НЕРАСКРЫТЫЕ ТАЙНЫ ОТКРЫТИЯ АМЕРИКИ

100 знаменитых

Мария Згурская

**50 знаменитых загадок
Средневековья**

«Фолио»

2018

УДК 94(100)

Згурская М. П.

50 знаменитых загадок Средневековья / М. П. Згурская —
«Фолио», 2018 — (100 знаменитых)

ISBN 978-966-03-8263-3

Средневековье в представлении современного человека зачастую ассоциируется с мрачным и жестоким временем. Между тем это ярчайший период в истории человечества, эпоха великих завоеваний и великих потрясений, которая хранит немало нераскрытых тайн. Кем на самом деле была Жанна д'Арк, ставшая ключевой фигурой в освобождении Франции? Где находилось таинственное восточное королевство пресвитера Иоанна? Существовало ли в действительности на Руси татаро-монгольское иго? Что происходило за стенами Запретного города в столице Поднебесной?.. Загадки, версии, гипотезы - их в книге достаточно, и это еще одна возможность лучше узнать историю Средневековья, самому разобраться в перипетиях далекой и загадочной эпохи.

УДК 94(100)

ISBN 978-966-03-8263-3

© Згурская М. П., 2018

© Фолио, 2018

Содержание

По странам и континентам	6
Средневековый бестиарий	6
Лapidарии: загадки драгоценных камней	15
Кем был король Артур и где был Камелот?	23
В поисках Святого Грааля	30
Таинственное восточное королевство Иоанна Пресвитера	35
Папесса Иоанна, или Шерше ля фам в Ватикане	40
Балтазар Косса: пират на папском престоле	47
Кровавые тайны рода Борджиа, или «Святое семейство»	54
Таинственные суфии	63
«Старец горы» и ассасины	71
Ересь альбигойцев	81
Тайны тамплиеров	92
Конец ознакомительного фрагмента.	93

50 знаменитых загадок Средневековья

Автор-составитель Мария Згурская

Серия «100 знаменитых» основана в 2001 году

Автор-составитель

М. П. Згурская

Художник-оформитель

Е. А. Гугалова

В оформлении обложки использована картина Чарльза Эрнеста Батлера «Король Артур»

© М. П. Згурская, составление, 2008

© О. А. Гугалова, художественное оформление, 2018

© Издательство «Фолио», марка серии, 2001

По странам и континентам

Средневековый бестиарий

Сон разума рождает чудовищ.
Франциско Гойя

Странные, страшные, мистические и чудесные создания населяли мир средневекового человека. Жутковатые обитатели средневековых бестиариев. Уродливые фигуры, сидящие на карнизах соборов. Зловещие тени, прячущиеся в глубине церковных хоров. Вервольфы, оборотни, амфисбены, василиски, химеры, мантикоры и единороги. В средневековой литературе различных жанров, бестиариях, энциклопедиях, в записках путешественников и миссионеров весьма часто описываются экзотические человекообразные и зооморфные существа. Они воспроизводятся в иконографии, скульптурах романских и готических соборов, книжных миниатюрах того времени. И сегодня о них написано множество художественных и даже научных книг, снято немало щекочущих нервы фильмов. Между тем факты из описанных как быль историй свидетельствуют о происшествиях, перед которыми многие из фильмов ужасов выглядят детскими сказками, рассказываемыми перед сном. На страницах потускневших от времени летописей порой можно найти упоминания о многом, что кажется чудесным, невозможным и необъяснимым.

В изображении всяких загадочных и странных созданий проявилась существенная черта образа мышления Средневековья: его любовь к чудесному и фантастическому. Средневековое воображение заселяло чудовищами дальние и неизведанные территории. География химерического концентрировалась на Востоке. Обитая, вообще-то, по всему свету, чудовища явно предпочитали Индию и Эфиопию (сливавшиеся в воображении средневекового человека почти воедино). Индия вообще со времен Александра Македонского рисовалась страной чудес. Однако сама традиция не ограничивается средневековым периодом – ее истоки следует искать ранее. Своих чудовищ Средневековье унаследовало в основном от античности. Версии можно видеть на арабском Востоке (рассказы о Синдбаде-мореходе), в позднесредневековой живописи (полотна Босха и Брейгеля).

Уже древние греки сублимировали многие инстинктивные страхи в образах мифологических чудовищ – грифонов, сирен и т. д., но также рационализировали их вне религиозной сферы: античные писатели придумали расы чудовищных людей и животных, которыми они заселили далекий Восток. Геродот в своих «Историях» рассказывал о сатирах и кентаврах, о красных муравьях-золото-искателях исполинского размера, о змеях с крыльями летучих мышей и пр. В IV веке до н. э. греческий писатель Ктесий Книдский описал сказочных чудовищ Индии. Около 300 года до н. э. другой грек – Мегасфен – собрал в трактате об Индии известные его времени сведения о чудовищах. В этих сочинениях впервые появляются описания диковинных народов и существ, которые потом будут так долго волновать воображение людей европейского Средневековья. Здесь и обитающие на Востоке безротые существа, питающиеся запахом жареной рыбы и цветочным ароматом (*леуманы*), и люди с длинными ушами и одним глазом, и люди с головой собаки, из пасти которых вместо человеческой речи вырывается собачий лай (*киноцефалы*). Средневековый человек не только не мыслил себя в отрыве от своих чудовищ – он даже признавал свое родство с ними. Было известно, что фавны – прямые потомки древних пастухов, а киноцефалы и вовсе наши братья по духу. Обсуждая с пресвитером Римбертом животрепещущий вопрос о том, стоит ли крестить псоголовых, монах Ратрамн

приходит к выводу, что, конечно же, стоит: ведь они по всем приметам обладают мыслящей душой и представлениями о нравственности¹.

Сведения этих писателей почти полтора тысячелетия были единственным источником знаний об Индии и других азиатских странах. Их позаимствовали в I веке Страбон и Плиний Старший в качестве основы географических описаний, а в III веке писатель Юлий Солин составил компиляцию из всех таких сочинений – «Собрание достопамятных вещей». В Средние века описаниям чудовищ были посвящены произведения специального жанра, так называемые бестиарии, повествующие о животных – вымышленных и реальных. Эти рассказы о чудовищах сопровождалась толкованиями в духе христианской символики. Традиции античной «химической» гибридизации в них иногда перекликаются с христианской догматикой. Например, трое из четырех евангелистов ассоциировались с животными: Иоанн – орел, Лука – бык и Марк – лев (символом Матфея был ангел). Заметим, что среди всех реальных животных наибольшую популярность в готических бестиариях имел лев. Образ этого существа некогда служил метафорой для восхваления ассирийских и персидских царей. Христианская церковь унаследовала эту традицию, отождествляя льва с Христом – «королем иудейским». Богословы сравнивали льва, который якобы заметал свои следы хвостом, со Спасителем, незримо странствующим среди людей. Считалось, что если львица родит мертвых львят, то через три дня к ним придет отец-лев и оживит их. Еще одним распространенным поверьем было то, что больной лев мог исцелиться, съев обезьяну (олицетворение зла в раннехристианском символизме). И наконец, люди полагали, что лев всегда спит с открытыми глазами, представляя собой образец бдительности и осторожности, – именно поэтому статуи львов охраняли памятники, могилы и входы в церкви, а также удерживали в зубах дверные ручки-кольца. Однако готический лев также мог обозначать и нечто негативное. Так, если львиная голова украшала дверные пороги либо держала в зубах ягненка, такой «царь зверей» был воплощением дикой злобы (в определенных случаях – гордыни, одного из смертных грехов). Другие символические животные из готического бестиария – овен (пастырь, ведущий стадо), собака (преданность), лиса (хитрость, искусственность, реже – смерть), обезьяны (грехопадение человека), коза (всеведение) и козел (плотский грех).

Описания животных черпались в основном из «Естественной истории» Плиния Старшего. Другой источник этих заимствований – возникший в Александрии во II веке «Физиолог», содержащий 49 рассказов об экзотических животных, деревьях, камнях и пр. В частности, эти сочинения были широко использованы Исидором Севильским в его «Этимологиях». В XII–XIII веках описания чудовищ становятся неотъемлемой частью энциклопедических трактатов (получавших название «Образ мира» или «Зерцало»). Цель подобных сочинений – воссоздать естественную историю мира со дня творения. В них включались специальные разделы о далеких странах, в частности об Индии, с соответствующими описаниями чудовищ. Так, например, разделы «О чудовищах» или «Об Индии и ее чудесах» можно найти у Рабана Мавра, Гонория Августодунского, Винцента из Бове, Альберта Великого, Гervасия Тильберийского, Варфоломея Английского, Брунетто Латини и др. В эпоху крестовых походов хронист Фульхерий Шартрский и писатель Жак Витрийский увлекались описанием сказочных животных, которых крестоносцы не замедлили открыть в Святой земле. В литературе того времени можно ознакомиться с генеалогией монстров, их физиологией и анатомией, особенностями поведения, питания и размножения. Даются и практические советы: как правильно охотиться на чудовищ (хелка надо ловить, когда он спит, а убить можно не иначе, как разрубив ему голову) и как использовать различные части их тел (там, где будет сожжен клочок шерсти крохотного слона, никогда не появится дракон, а пепел оноса, смешанный с его же кровью, – эффективное средство от сумасшествия и камней в мочевом пузыре).

¹ «Послание о киноцефалах» от монаха Ратрамна к пресвитеру Римберту (VIII в.).

Например Борхес в своей «Книге вымышленных существ» писал: «По своему многообразию мир фантастических существ должен был бы превосходить реальный, ведь фантастическое чудовище – всего лишь комбинация элементов, встречающихся у живых существ, а количество таких комбинаций практически бесконечно. Мы могли бы произвести на свет бесчисленное множество существ, созданных из рыб, птиц и рептилий. Нас ограничивали бы только два чувства – пресыщение и отвращение. Общее число чудовищ велико, но подействовать на воображение могут совсем немногие. Фауна людской фантазии гораздо беднее фауны Божьего мира».

Сознание средневекового человека было населено многочисленными образами различных мистических созданий, якобы существующих абсолютно реально. Чего стоит, например, гуль – жуткая тварь с мерзкой внешностью и запахом, гробокопатель и пожиратель разлагающихся останков, не гнушавшийся, однако, и какой-нибудь свежатинкой, скажем, странниками из торгового каравана, забредшего в посещаемые гулями местности (некрополи и кладбища, руины, подземелья, лабиринты). В особенно больших количествах гулей якобы можно встретить на местах схваток, недавних побоищ. Женская форма гуля способна принимать внешность прелестной девицы для того, чтобы без лишних хлопот приканчивать неосторожных. «Очаровательны» также гравейры с костяными гребнями на черепе, мощными зубами, которыми они дробят кости, и длинным тонким языком, чтобы вылизывать оттуда разложившийся мозг и жир.

А вот для особенных ценителей экзотики – скоффин, или кокатриксия, орниторептилия, то есть не пресмыкающееся, но и не птица. У него тело ящерицы, крылья нетопыря, а морда и нош, как у петуха. Ниже длинной шеи у него – кожистые бусины, огромные, в два раза превосходящие по размерам индюшачьи. В раскинутых крыльях в среднем больше четырех футов. Нападая, он атакует в прыжке, выставив когти, щелкая клювом, а также использует длинный хлыстообразный хвост, сбивая им с ног и орлиным клювом приканчивая жертву.

Диковинная живность в изобилии населяла сушу и море, воздух и огонь, поверхность земли и преисподнюю. Для средневекового человека, впрочем, саламандры и гарпии были ничуть не более вымышленными, чем крокодилы и гиппопотамы, с которыми они на страницах тогдашних трактатов и соседствуют. Люди же «черные телом, совсем как эфиопы», конечно, поражали воображение, но, в общем, были явлением одного порядка с панотиями (владельцами огромных, как одеяло, ушей), скиоподами и бамиями (у которых рот и глаза на груди), не говоря уже о давным-давно известных киноцефалах-песьеголовцах, – то есть чем-то совершенно естественным: живущими, как сказал монах Ратрамн, «на самом деле не вопреки законам природы, но выполняющими свое предназначение, ибо законы природы установлены Господом».

Вера в чудовищ оставалась чрезвычайно стойкой на протяжении всего Средневековья, поскольку велико было уважение к мудрости древних. Но с точки зрения христианства чудовища представляли собой загадку. Средневековый образ мира имел строго упорядоченный иерархический характер – мир мыслился Божьим творением, где все твари располагаются в символической иерархии. Чудовища занимают в этом универсальном миропорядке совершенно непонятное место, находясь за пределами упорядоченного мира. Над этой загадкой ломали голову многие Отцы церкви. Уже Августин утверждал, что чудовища – неотъемлемая часть тварного мира и созданы Творцом не по ошибке. А вот Бернар Клервоский отказывался размышлять над этой проблемой, полагая, что творение Бога так велико, что его не может вместить ум человека. Оставляя в стороне острый вопрос о том, создал ли чудовищ Бог или дьявол, средневековые авторы предпринимали немало усилий для того, чтобы придать им христианский колорит и морально-религиозные толкования.

На протяжении всего Средневековья отношение церкви к чудовищам было неоднозначным, оно колебалось между признанием их творениями Бога (некоторые, например киноцефалы, даже фигурируют в драмах литургических) и осуждением веры в них как языческого

предвзвуда. Античные химеры имели право вести в своем язычестве вполне хаотическое существование, но жизнь чудищ христианского мира была очень осмысленной: каждое что-нибудь символизировало. Стремясь вписать чудовищ в христианскую концепцию, их рассматривали как религиозные и моральные символы: великаны интерпретировались как воплощение гордыни, пигмеи – смирения, леуманы – монахов, киноцефалы – ссор; огромные чудовища были символом изобилия и т. д. Безносые люди обозначали «глупцов, лишенных носа разборчивости», а шестирукие жители Индии – «усердных, которые трудятся, чтобы обрести жизнь вечную». И даже бородатые женщины с «плоскими приплюснутыми головами» не оскорбляли взора, а напротив, символизировали «людей добропорядочных, которых с прямого пути церковных предписаний не склонить ни любовью, ни ненавистью».

В списке наиболее часто упоминаемых средневековыми писателями чудовищ – единорог, свирепое и дикое животное, которое, по словам Ктесия Книдского, может приручить только непорочная дева (потому единорог рассматривался как символ чистоты и даже символ Христа). Ктесий, а вслед за ним и средневековые авторы сообщали, что в Индии из рога этого животного делали сосуды, которые разбивались, когда в них наливали отраву. Именно поэтому синьоры стремились заполнить рог единорога.

Впрочем, некоторые чудовища оставались лишь знаком экзотического мира, как, например, мантикора – животное с головой женщины, туловищем льва и хвостом скорпиона; у нее голубые глаза, три ряда длинных зубов и красный острый язык, используемый как жало. К такому же миру чистой экзотики относится сциапод – существо огромных размеров, укрывающееся в пустыне от жары в тени собственной единственной ноги: во время проливного дождя или под палящими лучами солнца он ложится на землю и поднимает вверх ногу, которая служит ему зонтиком. При помощи своей ноги сциапод может также быстро передвигаться.

Перечисление экзотических животных дополнял список чудовищных народов: макробы (исполиных размеров люди, ростом от 10 до 12 футов, отличающиеся необыкновенным долголетием), ихтиофаги (жители Центральной Азии, питающиеся исключительно рыбой), ари-маспы (человекообразные существа с вывороченными вовнутрь ступнями, имеющие по 8 или 16 пальцев на каждой ноге), левкокроды (существа, превосходящие всех остальных по скорости передвижения, имеющие тело осла, львиную грудь и огромную пасть до ушей, а голосом подражающие человеку), гиппоподы (существа с лошадиной ногой, также обладающие способностью очень быстро передвигаться) и т. д.

Описания этих чудовищ были частично заимствованы из античной традиции, частично возникли в лоне средневековой культуры. Постепенно в Средневековье сформировалась традиция считать, что все твари созданы по образу и подобию Бога, а все, что отдалается от божественного образа, чудовищно. Бытовало мнение, что чудовищное обличье макробов, ихтиофагов – отражение их душ, которых, видимо, не коснулось слово Божье, и потому они скорее принадлежат царству зла. Этот стереотип легко срабатывал в сознании путешественников, знакомившихся с неизвестными народами. Людям, посещавшим Центральную Азию, достаточно было лишь отметить такую черту азиатских народов, как привычка питаться змеями или черепаками, чтобы воспринимать их как чудовищ. Так возникают образы чудовищных народов в трактатах путешественников и миссионеров.

Со временем образы чудовищ проникают и в иконографическую традицию. Европейская церковная архитектура XII–XV веков породила немало странных существ, внешний вид которых говорит о нездоровой, но, бесспорно, богатой фантазии древних зодчих. Эти каменные, металлические и деревянные чудовища являются теми немногими представителями средневекового зверинца несуществующих монстров, которые могут быть с полным правом названы готическими. Уже в X–XIII веках они изображаются на капителях и порталах романских соборов. Их можно видеть в скульптурном убранстве французских храмов в Везеле и Оне. На тимпане собора в Везеле изображено чудовище с огромными ушами; под изображением – ново-

заветная максима: «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всякой твари» (Марк 16, 15). С осуждением отзывался о подобных изображениях знаменитый Бернар Клервоский: «Что означает это смешное уродство?.. эти нечестивые обезьяны... чудовищные кентавры, играющие на арфе ослы... существо с несколькими телами и одной головой... или существо с несколькими головами и одним телом... здесь четвероногое существо со змеиным хвостом... там рыба с хвостом четвероногого?..». Критика и явный интерес – видимо, такое двойственное отношение к изображению всяческих странных бестий характерно для средневековой церковной традиции в целом.

Кого же изображали чаще всего?

Наиболее популярными готическими монстрами являются горгульи (франц. *gargouille*, англ. *gargoyle* – от позднелатинского *gargulio* – глотка) и химеры. Их часто путают, называя горгулий химерами и наоборот. Различие между ними весьма условно, однако оно скрывает в себе некоторые весьма любопытные секреты происхождения этих классических представителей готического бестиария.

Химера средневековых бестиариев – это не легендарное чудовище из древнегреческой мифологии, а скорее общеизвестный принцип создания фантастических существ путем соединения частей тела каких-либо несхожих животных в одно целое.

Самое известное упоминание о Химере содержится в шестой песне «Илиады». Там описывается огнедышащее существо – дочь Ехидны и Тифона, имевшее туловище козы, хвост змеи, а переднюю часть, как у льва.

О Химере говорится в седьмой песне «Энеиды» Вергилия. Комментатор Сервий Гонорат выдвинул гипотезу, согласно которой «химера» является метафорой, обозначающей одноименный вулкан в Ликий: у его основания живут змеи, на склонах пасутся козы, а наверху горит огонь и, вероятно, имеется логово львов.

Готические химеры совершенно не похожи на свой многоликий древнегреческий прототип. Они приобрели всемирную известность благодаря статуям, изображающим человекообразные фигуры с крыльями летучих мышей, козлиными рогами или змеиными головами, лебедиными шеями или орлиными когтями, установленным у подножия башен собора Парижской Богоматери. Древние греки считали, что Химера вызывает штормы, всяческие опасности на земле и на море. Средневековые архитекторы отошли от хтонической сущности этого чудовища, используя химеру в качестве аллегорического воплощения человеческих грехов (падшие души, которым был запрещен вход в церковь и которые были превращены в камень за все свои земные грехи). Слово «химера» употребляется также во многих европейских языках для обозначения ложной идеи, пустого вымысла, а также какого-либо фантастического существа-гибрида.

Готическая химера ничем не отличается от горгульи – это та же уродливая тварь с телом обезьяны (или человека-горбуна), козлиными рогами, крыльями летучей мыши и т. п. Разница заключалась в том, что горгулья представляла собой особый элемент архитектурного дизайна, призванный выполнять не только художественные, но и вполне бытовые функции. Горгульи прикрывают удлиненные водостоки готического собора (либо сами выступают в качестве таких, выводя осадочную влагу из пасти, – вспомним латинскую этимологию слова «горгулья»), благодаря которым дождевая вода льется на землю на определенном расстоянии от фундамента здания и не подмывает его. Иначе говоря, горгульи – это дренаж, оформленный в виде какой-либо гротескной фигуры.

Несмотря на то что горгульи являются типичными готическими чудовищами, их собственное происхождение уходит корнями в глубь веков – к Древней Греции и Египту. Цивилизация Древнего Египта знала рекордное по тем временам количество зооморфных богов, а египтяне были одними из первых народов, начавших активно применять образы подобных существ в живописи и архитектуре. Греческая мифология также активно эксплуатировала

истории о различных гибридных созданиях (не имевших, в отличие от персонажей египетских верований, статуса высших божеств). О Химере было сказано выше, также здесь будет уместно вспомнить гарпий, кентавров и грифонов (грифов). Статуи последних украшали крыши греческих хранилищ и даже простых домов – ведь считалось, что грифы охраняют легендарное золото Зевса в Скифии (территория северного Причерноморья) от аримаспов – бойких одноглазых людей, постоянно пытавшихся украсть его.

Водосточные желоба как элемент устройства домов Древней Греции встречались нечасто, однако в том случае, если они выходили не по углам крыши, а под ней (в середине стены), тогда водосток оформлялся в виде каменной головы льва с распахнутой пастью (позже лев стал одной из составляющих образа горгульи). Это символизировало могущество Греции, защищало жителей дома от врагов и отпугивало злых духов.

С достаточной долей уверенности мы можем предположить, что первые горгульи (в их хрестоматийном варианте) появились к началу XII века.

В мире нет ни одной горгульи, которая была бы похожа на другую, – ведь скульпторы пользовались полной свободой при выборе зоологических прообразов для изваяния очередного монстра. На протяжении всего готического периода истории европейской культуры облик горгулий был достаточно разнообразен. Первоначально они имели весьма скромные размеры, а в их внешности доминировали звериные черты. К XIII веку горгульи стали крупнее (до одного метра в длину) и человекообразнее. А XIV век ознаменовался для них увеличением числа мелких деталей – горгульи стали изящнее и легче, однако удельная доля гротеска и карикатурности в таких скульптурах заметно возросла. В XV веке горгульи потеряли часть своего демонизма, компенсировав эту утрату общей выразительностью мимики и большим разнообразием поз. Эволюция готического стиля в искусстве привела к тому, что горгульи постепенно выходили за рамки религиозной тематики и к XVI веку превратились в обычных каменных уродцев – отталкивающих, но уже почти не страшных для обывателя.

Существа же, не выполнявшие функции украшений водостоков, назывались химерами.

Достаточно обоснованными кажутся предположения, согласно которым горгульи, в соответствии со своим древнегреческим происхождением, выполняли обязанности по защите дома от злых духов. Это может объяснить их редкостную уродливость – каменные истуканы либо отпугивали силы тьмы, либо, возможно, заставляли их думать, что это здание уже занято другими адскими тварями.

Кроме того, Фрэнсис Блай Бонд – английский историк архитектуры – высказал предположение, что соборные горгульи могли быть своеобразными «слугами» церкви – дьявольскими созданиями, узревшими силу Господа и перешедшими на его сторону.

Существует интересная легенда о происхождении горгулий, сюжетным базисом для которой послужила практика использования этих монстров в готической архитектуре. Примерно в 600 году н. э. близ реки Сена поселился дракон по имени Ла Гаргуль. Он заглатывал целые суда, жег лес своим огненным дыханием и изрыгал столько воды, что ближайшие деревни гибли от наводнения. В конце концов жители Руана решили умиловить дракона при помощи ежегодных жертвоприношений. Хотя Ла Гаргуль, как и всякий другой дракон, предпочитал прекрасных девственниц, хитрые французы умудрились заговаривать ему зубы и подсовывать преступников. Так продолжалось много лет, пока однажды в Руан не приехал священник Романус. Узнав о ненасытном драконе, священнослужитель заключил с руанцами сделку: за избавление от Ла Гаргуля они должны будут принять христианство и возвести в деревне церковь. Битва Романуса с драконом окончилась вполне успешно – при помощи святого креста священник поверг эту бестию на землю, а местные жители обложили тело дракона хворостом и сожгли. Однако шея и голова Ла Гаргуля не поддались пламени – ведь они были закалены его огненным дыханием. Через некоторое время несгоревшие останки чудовища были выставлены на крыше построенной церкви в память о славном подвиге Романуса.

В конце XII века изображение чудовищ становится излюбленным мотивом книжной миниатюры. В XII–XIII веках чудовищные народы и чудовища становятся объектом изображения на средневековых картах. Наиболее известна так называемая Герефордская карта последней четверти XIII века. Нарисованная разноцветными чернилами на пергаменте, она воспроизводила всю ойкумену в виде вписанных друг в друга символических фигур – пятиугольника, четырехугольника, треугольника и круга. Внутри этих фигур изображались известные тогда страны, города, моря, а также семь чудес света и фантастические народы. В строгом соответствии со сведениями античных и средневековых авторов, в Индии изображались пигмеи и великаны, леуманы, мантикоры и единороги; в Эфиопии – сатиры и фавны, муравьи – золотоискатели, сфинксы и другие чудовища, заселяющие окраину христианской ойкумены, были тщательно изображены и на знаменитой Эбсторфской карте.

Новую страницу истории представлений о чудовищах открыли путешествия и миссии францисканских и доминиканских монахов в Центральную Азию и на Дальний Восток (Гильом Рубрук, Плано Карпини, Марко Поло и др.). Впервые средневековые люди устанавливают непосредственные контакты с Востоком – страной чудес, где со времен Александра Македонского никто из европейцев не бывал. В сочинениях путешественников и миссионеров подлинное восприятие Индии и других стран Востока смешивалось с фантазиями и рассказами о чудовищах и экзотических народах, известных из книг. В 1413 году бургундский герцог Жан Бесстрашный велел собрать самые популярные трактаты этих путешественников (Марко Поло и др.) и иллюстрации к ним в единый сборник, чтобы подарить его своему дяде герцогу Беррийскому. Сборник получил название «Книга чудес».

Традиция изображения чудовищ сохранилась и во времена позднего Средневековья в так называемой космографии, описаниях мира, подобных «Зерцалам» и «Образам мира» классического Средневековья. Например, «Послание о киноцефалах» от монаха Ратрамна к пресвитеру Римберту (VIII в.), «Книга о зверях и чудовищах» неизвестного автора, самые ранние списки которой относятся к IX веку; фундаментальный труд «О природе вещей» фламандского доминиканца Фомы из Кантимпрэ, анонимный трактат «О чудесах мира» (XIII в.); а также «Послание индийского царя Фарасмана императору Адриану», созданное на заре Средневековья и обраставшее причудливыми искажениями нескольких поколений переписчиков; энциклопедия Гонория Августодонского «Образ мира» (XII в.).

Среди книг позднего Средневековья наиболее известны «Книга природы» Конрада Мегенбергского (XV в.), сочинение Андре Теве «Достопримечательности антарктической Франции», «Космография» Себастьяна Мюнстера (XVI в.). Все это сопровождается насыщенными экскурсами в культурную историю химерической фауны.

Миниатюры этих трактатов дают представление об экзотических народах и чудовищах, которыми Средневековье заселяло неизвестную ему часть ойкумены. Эти образы придавали еще большую устойчивость существовавшим стереотипам.

Насколько вымышлены эти мифические существа? Есть ли какая-то мало-мальски реальная почва для того, чтобы найти им место в истории? Как писали братья Стругацкие: «Миф – есть описание реального события, увиденного глазами дурака и дошедшее до нас в обработке поэта». Действительно, вполне возможно, что часть этого невероятного зоопарка имеет вполне естественно-научную родословную, но преломленную через воображение человека того времени, склонного к мистике и преувеличениям. Например, истории о вервольфах скорее всего имеют под собой вполне реальные основания. Десятки письменных свидетельств повествуют об отдельных случаях нападений, происшедших в XVIII–XIX веках, когда волки установили настоящий террор, перестав охотиться на домашний скот и принявшись за людей. Но ни одна из них не сравнится по жестокости с историей о гигантском волке, унесшем за два с лишним года более шестидесяти человеческих жизней. «Чудовище из Живодана», или «Адский лесной пес», – так окрестили его жители окрестных деревень, и он вполне заслуживал свое прозвище.

Большинство людей, не видевших этого волка, приписывало эти нападения очень коварному оборотню; другие считали, что это какое-то иное свирепое животное. Стали возрождаться старые слухи и легенды о сверхъестественных существах, которые издавна обитали в местном фольклоре. Жители боялись показаться на улице в одиночку, а с наступлением темноты деревни превращались в осажденные крепости.

Что бы не являлось причиной, за этот период ужасной смертью погибло более шестидесяти человек и больше двух десятков жителей было искалечено или сильно изранено. В конце концов зверь был убит² и люди перестали погибать. Но кое-что в этой истории осталось неясным. Например, нападения осуществлял один зверь или их было несколько? Откуда у этого зверя, если во всем виноват он один, такая невероятная хитрость, и каким образом ему удавалось избегать всех ловушек, спастись от облав, проводившихся на больших территориях знаменитыми и опытными охотниками на волков? Почему, вернее даже ЗАЧЕМ он нападал на людей, хотя в лесу было много дичи? И был ли этот хищник **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** всего лишь волком?

Монстрами по средневековой традиции считались и вполне реальные биологические и медицинские аномалии. Этих «чудовищ» рассматривали как наказания за грехи, вводили в теологический и политический контекст. Появление на свет детей с врожденными аномалиями, безусловно, связывалось современниками с войнами и природными катаклизмами – и как предзнаменование, и как последствие.

Связь между чудовищной внешностью и чудовищным поведением пытались найти средневековые алхимики, медики и вообще «мужи науки». Эта проблема стала предметом изучения знаменитого французского хирурга Амбруаза Паре. Его перу принадлежит трактат о врожденных уродствах, который историк хирургии Ж.-Ф. Мальген называет одной из самых любопытных книг французского Ренессанса. В трактате «О монстрах» Паре сделал попытку свести воедино сведения обо всех известных ему природных аномалиях. Основную его часть составляют сведения о врожденных патологиях, которые Паре как врача интересовали в первую очередь. Но речь идет не только о человеческих патологиях: в разряд чудовищ у Паре попадают самые разноплановые явления – от сиамских близнецов до хамелеона, в разряд чудес – природные явления, такие как кометы, вулканы, землетрясения и др.

Весь собранный материал увязывается в несколько блоков: человеческие уродства; медицинские казусы; притворство и симуляция; бестиарий; метеорологические явления; демонология. Трактат делится на четыре части (человеческие и животные чудовища, как физические, так и моральные; летающие, земные, небесные). Но основное место в трактате занимает феномен врожденных патологий.

Называя монстров знаками грядущих несчастий, Паре не фокусируется на этом, ему это не интересно. Он также не задается целью дать строгое определение монстра. Подлинный интерес он проявляет к причинам их появления. Таких причин Паре называет 13: слава Господня; гнев Господень; чрезмерное количество семени; слишком малое количество семени; воображение; большая или малая величина матки; поза беременной; удары по животу беременной; наследственные болезни; порча или гниль (семени); смешение семени; действия злых нищих; демоны или дьяволы. Каждому описанному фактору соответствует определенный тип врожденной патологии.

Возникновение образов различных странных существ, чудовищ, мифических тварей и прочих аномальных явлений в античной и средневековой традиции объясняется, несомненно, психологической потребностью человека воплощать свои страхи в конкретных образах, чтобы от этих страхов освободиться. Представления о чудовищах тесно связаны и с представлениями

² В желудке огромного волка нашли фрагменты человеческих костей, так что это действительно был зверь-людоед.

о пространстве, и с иррациональными страхами человека перед незнакомым и недоступным. Чем дальше от знакомого мира, тем страшнее и фантастичнее выглядят чудовища.

Лапидарии: загадки драгоценных камней

Он уже не рвался в краеугольные камни, а довольствовался скромной ролью камня преткновения.

Феликс Кривин

Пожелтевшие страницы старинных пергаментов хранят множество тайн, загадок и аллегорий. Лапидарии, флорарии, бестиарии в идеальной библиотеке Средних веков стояли на почетном месте. Миниатюры, чьи краски не выцвели и по сей день, перемежались с описаниями далеких неведомых земель, рассуждениями о целебных или, наоборот, ядовитых свойствах, с представлениями «о природе вещей». Границы, определяющие специфику каждого жанра, были достаточно прозрачны, потому что сами представления о живом и неживом в средневековом сознании были определены весьма нечетко.

Но, говоря современным языком, бестиарии все-таки описывали в большей степени фауну, флорарии – флору, а лапидарии – все то, что относится к миру «неживой природы». Камни и то, что человек того времени причислял к ним (органические объекты, такие как кораллы, янтарь, продукты жизнедеятельности живых существ и прочее), безусловно, занимало огромное место в различных областях его жизни. Они являлись и мерилom ценностей, и магическими амулетами, и украшениями, и медицинскими снадобьями, и ядами, и противоядиями... Мир камней для человека того времени был менее доступен для познания, чем мир растений и животных, и поэтому считался загадочным, таинственным и даже волшебным.

Необъективность знаний человека, несовершенство технологии и орудий обработки, сопротивление обрабатываемого материала – все эти трудности приводили к возникновению легенд и поверий о душе камней, их магических свойствах. Камень становится не просто ценностью или украшением: это уже амулет, талисман – охранитель владельца, пособник в делах, покровитель влюбленных, врачеватель больных. Нет практически ни одной древней цивилизации, которая бы избежала культа камней-талисманов. И нет ни одного народа, не создавшего поверий, связанных с камнями. Нет и религий, которые бы не использовали эти мифы в своих обрядах, ритуалах и таинствах. Осмысление сведений о камнях было ограничено теорией божественной сущности всего земного, отсутствие знаний и элементарной грамотности порождало путаницу минералогических, религиозных, суеверных и мистических представлений. Античные труды Теофраста, Плиния Старшего, Плиния Младшего, Витрувия насыщены поэтичными, но, увы, не всегда соответствующими истине рассуждениями. Средневековые лапидарии стали преемниками античных традиций, но также внесли и свою долю в информационный хаос.

Наиболее древние упоминания о камнях содержатся в клинописных текстах Шумера и Вавилона. О каких камнях шла речь, точно определить удалось лишь в немногих случаях, и достоверным можно признать, что уже тогда человек выделял лазурит, нефрит и сердолик, которые считались камнями священными и помогающими в определенных ситуациях. Верования о камнях древних египтян известны детальнее благодаря обычаю мумифицирования умерших, при котором в одежды мумии вкладывались и каменные похоронные амулеты. Тексты, регламентирующие похоронные обряды, были канонизированы и сохранились в так называемой «Книге мертвых», в которой описаны камни для амулетов и их особые свойства. По сохранившимся каменным амулетам было установлено, что египтяне знали лазурит, сердолик и другие разновидности халцедона, бирюзу, яшму, малахит, горный хрусталь, полевые шпаты, обсидиан, янтарь и кварцит.

Пифагор (580–510 до н. э.), Платон (427–347 до н. э.) и Аристотель (384–322 до н. э.) упоминали о целебных или охранительных свойствах камней. Наиболее полный из дошедших

до наших дней источник сведений о камнях, конечно, представлен «Естественной историей» Плиния Старшего (23–79 н. э.). В ней автор подробно излагал распространенные в его время представления о магических и целебных свойствах камней, сопровождая описания комментариями скептического, а порой и саркастического характера. Александрийский ученый Плутарх (45–127 н. э.) составил свод сведений о камнях, их лечебных и магических свойствах. В это же время Диоскорид из Киликии, врач, написавший фармацевтический труд «О врачебном материале», кроме 600 растений описал и около 30 минералов, полезных, по его мнению, при изготовлении лекарственных смесей.

В древнейшем документе иудейской и христианской религий – Пятикнижии (древнейшей части Ветхого Завета) – описаны 12 камней нагрудника еврейских первосвященников, а в Новом Завете – 12 камней-оснований стены мифического города Нового (Небесного) Иерусалима, причем списки камней отличаются в 6 случаях из 12. В самой Библии нет точных указаний на магические свойства камней нагрудника, но толкователи и комментаторы Талмуда (развернутого комментария на Пятикнижие) создали целую теорию, посвященную подобным свойствам. Описание камней нагрудника еврейских первосвященников привел в своей книге «Иудейские древности» и современник Плиния и Плутарха римский историк Иосиф Флавий (37–95 или 100 н. э.). Сам он принадлежал к одной из знатных семей Иудеи, мог видеть эти камни до разрушения Иерусалимского храма римлянами в 70 году. Можно с уверенностью утверждать, что вера в особые свойства камней была распространена у всех народов Средиземноморья. Об этом говорят греческие авторы, хотя они вряд ли знали священную книгу евреев, перевод которой на греческий язык был выполнен только в III веке до н. э. уже в Александрии Египетской (Септуагинта).

Большую популярность приобрело письмо епископа Саламина (на Кипре) Епифания (310–403) византийскому комментатору Библии Диодору, епископу Сицилии. Это письмо было названо «О двенадцати камнях» и содержало описание камней нагрудника. Полный греческий текст письма не сохранился, известны только его конспективные пересказы и переводы, сначала на коптский, латинский и сирийские языки, в X веке – на армянский и грузинский, а в XI веке – на болгарский и древнерусский. Наиболее полным считается грузинский извод (конспективный перевод) X века. В XIII веке новый перевод работы Епифания на армянский язык выполнил Мхитар Айриванеци, сопроводив описание камней указаниями их магических свойств, известных армянам его времени, что не всегда совпадало с представлениями Епифания.

Сочинения же европейских авторов о лечебных свойствах минералов представляли собой в основном комментарии к трудам античных писателей и врачей, прежде всего – Теофраста и Плиния. В Средние века сочинение Теофраста «О камнях» послужило основой для множества подражаний. Одним из основных источников сведений о лечебных и магических свойствах камней, наряду с античными сочинениями, был также обширный трактат Бируни «Собрание сведений для познания драгоценностей». Он содержит не только описания камней, но и связанные с ними предания. Целебным свойствам минералов уделено большое внимание в «Космографии» Аль-Кавзини (XIII в.). Автор этого увлекательного сочинения рассуждает о лечении глаз свинцовым блеском, о пользе питья из хрусталя, о свойстве квасцов останавливать кровотечения, о сверлении камней в мочевых протоках с помощью алмазного сверла, о лечебных свойствах магнита. Уже в период позднего Средневековья «Космографию» сравнивали с «Естественной историей» Плиния, а Кавзини получил прозвище «восточный Плиний».

В 635 году епископ Севильи в Испании Исидор составил новое описание камней Библии, и именно на него ссылались вплоть до XII века, когда более популярными стали труды Марбоды, а затем и Альфонсо X.

Большинство лапидариев основано на классическом труде – «Книге камней», написанной между 1067 и 1081 годами. Текст этого самого известного лапидария принадлежит перу

епископа города Ренна в Бретани Марбоду (1035–1123). Он написан в виде дидактической поэмы о целебных и мистических свойствах камней. Епископ Марбод утверждал, что Господь наделил драгоценные камни даже большей силой, чем травы. Этот труд во многом продолжал традиции античных авторов. Каждая из 60 глав поэмы Марбода посвящена какому-либо драгоценному или полудрагоценному камню, минералу или «камню», образуемому во внутренних органах животных или птиц. Епископ Марбод описал 60 камней, но в настоящее время из них можно идентифицировать только 30. Исследования показали, что он пользовался книгами Иосифа Флавия и Плиния, также часто использовал материалы Исидора Севильского.

Лапидарий короля Кастилии Альфонсо X Ученого (1221–1284) был составлен как сводка известных к тому времени в Испании сведений о камнях, главным образом по арабским (мавританским) источникам, включавшим данные из сирийских (халдейских) оригинальных, а чаще компилятивных трудов. Это сочинение не получило широкого распространения в Европе, так как было написано на испанском языке, а не на латыни – языке ученых того времени (Альфонсо X обязал все общественные документы писать по-испански). Кроме того, названия камней во многих случаях были арабскими, непонятными для других европейцев, кроме испанцев, которые на протяжении почти шести столетий жили бок о бок с маврами.

На Руси знали западных авторов, и в составленный для киевского князя Святослава Изборник 1037 года вошли переводы работ Иосифа Флавия, Епифания, Георгия Амартола, Козьмы Индикоплова и других авторов, так или иначе касавшихся камней-самоцветов. Торговые связи с государствами Средней Азии, Закавказья и Иранского нагорья позволяли получать информацию из Бухары, Хорезма, Персии, Индии, Грузии и Армении. Так что наши предки были знакомы с представлениями о камнях.

В XI веке были созданы труды среднеазиатских ученых Бируни (Абу Рейхан Мухаммед ибн Ахмед аль-Бируни, 973 – около 1051) «Собрание сведений для познания драгоценностей» (1048) и Авиценны (Абу Али аль Хусейн ибн Абдаллах ибн аль-Хосан ибн Али ибн Сина, около 980 – 1037) «Канон врачебной науки». Любопытно, что выдающийся врач своего времени Авиценна говорил, что все камни чем-нибудь полезны, а математик и астроном Бируни ничего не принимал на веру и описания камней нередко заканчивал словами: «Опытom это не подтверждается» – или еще резче: «И нет конца этим бредням».

Аббатиса монастыря Хильдегарда из Бингена (1098–1179) изучала медицину и лечила больных по долгу христианского милосердия. Она знала Плиния, многое почерпнула у Константина Африканского (1020–1087), ученого монаха, переводившего на латинский язык труды корифеев арабской медицины, и у Марбода Реннского. Ею описаны 25 минералов, причем рекомендации всегда очень конкретны: камень нагреть и прикладывать к больному месту, или пить воду, в которой лежал нагретый камень, или часто и подолгу смотреть, например, на изумруд.

Минералы исследовал выдающийся европейский ученый Альберт Большетдский (1193–1280), и его труды, названные последователями «Большой Альберт» и «Малый Альберт», охотно цитировались авторами Средневековья. В своих трактатах о минералах он подробно описывает тайные свойства камней, кое-какие из которых он сам проверил на опыте. В том же трактате он заявляет, что геммы с резными изображениями наделены мистической силой, особенно если они произведены самой природой, без вмешательства человека. Такие идеи вплотную подводят к практике изготовления талисманов – магических изображений, медалей и печатей, призванных защищать своего владельца. Ученые древности и Средневековья считали, что всеми своими чудесными достоинствами эти предметы обязаны влиянию звезд, ибо, «согласно Аристотелю, земными событиями управляют небесные тела».

В 1669 году в Амстердаме была издана на армянском языке «Книга историй» Аракела Таврижеци, настоятеля Эчмиадзинского монастыря. Эта книга содержала две рукописи неиз-

вестных авторов, которые по всем признакам относились к X–XII векам и были посвящены верованиям о камнях, существовавшим в то время.

С развитием естественных наук книги о необычных свойствах камней стали считаться сборниками сказок и легенд, народных преданий и суеверий, недостойных внимания серьезных читателей, и лишь в конце XIX – начале XX веков стали появляться работы, посвященные этим страницам истории цивилизации. Большая сводка преданий и легенд о драгоценных камнях была опубликована нью-йоркским минералогом Дж. Ф. Кунцем в 1913 году (репринтно переиздана в 1971 году), и в том же году обзор поверий о камнях сделал в своих лекциях пражский минералог профессор Карел Тучек. Исследователи предприняли серьезные попытки понять, какие же научные факты лежат в основе поэтической минералогии, существуют ли ответы на загадки, которые хранят старинные манускрипты, на страницах которых тесно переплелись правда и вымысел, факты и легенды.

Лапидарии как своды знаний о минералах хранили в себе самые разнообразные рассказы о чудесных свойствах камней, описания как реалистических, так и самых фантастических рецептов с применением камней в различных видах для лечения болезней и совершения всевозможных магических манипуляций. Вот что писал об изумруде Марбод Реннский:

Все, что зеленого есть, изумруд превосходит красою;
Видов двенадцать его, говорят, существует на свете.
Лучшая форма у тех, что имеют ровное тело:
Камень удобен такой, говорят, испытателям: таинств,
Если провидеть хотят и давать по воде предсказанья.
Множит сей камень богатства, нажитые благочестиво,
В случаях всех наделяя слова убеждающей силой:
Словно само красноречье находится в камне подобном.
Если подвешен на шею, смирят лихорадки свирепость,
Способом: тем: же лечить и падучей страдающих может,
Лечит лекарством зеленым поникшие в дряхлости узы,
И полагают, что он отвращает неистовство бури.
И сладострастия он, говорят, умеряет порывы.
Зелени большей он может достичь и красоты совершенной,
Если вином орошен и намазан: зеленой оливкой.

Часта в лапидариях антропоморфная тема: камни имеют «душу», испытывают эмоции. Есть сосуществующие и антагонистические камни – «дружественные», которые могут носиться одновременно одним человеком, и «враждующие», которые приводят при одновременном ношении к болезням, потере сна и прочим неприятностям. Камни, как люди, обладают характером и могут испытывать друг к другу приязнь или неприязнь.

Есть ли у подобных утверждений реальная основа? Скорее всего подобная постановка вопроса представляется лежащей в сугубо эстетической сфере, но нужно отдать должное наблюдательности авторов лапидариев. Действительно, если были использованы разные украшения одновременно, могут наблюдаться описываемые болезненные симптомы, но речь идет не о камнях, а о металлической основе – оправках украшений. Одновременное ношение золотых и серебряных или еще каких-либо разнометаллических вещей приводит к эффекту пусть слабого, но электролиза. А это у людей нервных, чувствительных и болезненных часто вызывает неприятные ощущения, вплоть до экземы и воспалений. Так, у одной женщины, много лет носившей серебряные сережки и затем сменившей их на золотые, мочки ушей начали гноиться – налицо электролитический эффект от взаимодействия золота и микрочастиц серебра, оставшихся в коже.

По мере совершенствования знаний о камнях, разработки новых видов огранки, облагораживания и окраски камней накапливались и суеверия, связанные с камнями. Ведь часто человек, будь то древний грек, средневековый европеец или современный американец, хочет иметь не просто красивую вещь, а амулет, талисман, нечто таинственное и могущественное.

Светские правители и князья церкви со страстью коллекционировали перстни, геммы, драгоценные камни. Естественно, с ростом этих коллекций ширилась молва о них, распространялись и всяческие легенды, крепили суеверия.

Считали, например, что перстень лидийского царя Гигеса мог сделать своего владельца невидимым. Осторожный английский король Иоанн Безземельный не расставался с перстнем, украшенным бирюзой. В те времена считали, что бирюза обнаруживает яды и предохраняет владельца от отравлений. Изумруды и сапфиры тоже нередко украшали золотую королевскую посуду, поскольку считалось, что они, как и бирюза, помогают обнаружить подсыпанный в пищу яд. Описывая обстоятельства смерти короля Иоанна Безземельного, английский историк XVI века Рафаэль Нолиншед упоминает о возникших у короля подозрениях, что поданные ему груши были отравлены, «поскольку его драгоценные камни тут же покрылись влагой».

В магической силе своих перстней уверяли окружающих, а может быть, и сами в это верили, французский король Филипп Красивый, русский царь Иван Грозный, шотландская королева Мария Стюарт, писатели и поэты более поздних времен: Вальтер Скотт, Франсуа Рабле, Оскар Уайльд, Оноре де Бальзак, Александр Пушкин.

В лапидариях содержались сведения о разнообразных оккультных и астрологических потенциалах драгоценных камней, дошли отголоски этих знаний и до наших дней в виде всевозможных рассказов о камне – талисмане, имеющемся у каждого человека и зависящем от даты его рождения. Впервые месяц рождения связал с определенным камнем уже упоминавшийся епископ Севильи Исидор в 635 году. А к XIII веку обширная литература по магическим свойствам камней буквально захлестнула Европу. Святые отцы, пересчитывая и используя «практически» свои драгоценности и будучи в средневековой Европе единственными, по сути, носителями «книжного знания», не забывали также описывать действительные и мнимые свойства этих камней. Появляются книги на французском, английском, голландском, испанском, итальянском, латинском, немецком языках, а также переводы с арабского, персидского; пересказывают и записывают легенды, сказки и приметы на эту тему.

Химические и прочие свойства минералов объяснялись с позиции символического смысла. Природа вообще виделась средневековому человеку огромным хранилищем символов.

Жак Ле Гофф пишет: «У камней и цветов символический смысл совмещался с их благотворными или пагубными свойствами».

Средневековая медицина была интереснейшим собранием разнородных сведений, свидетельствующих о том, что человек того времени был превосходным наблюдателем, истолковывал увиденное часто довольно своеобразно. Когда из наблюдений нужно было делать выводы, безудержная фантазия, одержимая желанием чуда, вела к поэтичным, но ложным умозаключениям. Тезис о том, что подобное нужно лечить подобным, приводил к весьма занятным казусам. Анемию («бледную немочь») лечили принятием внутрь растертого жемчуга или, видимо, по принципу «от противного», – рубинами, красной шпинелью.

Камням, найденным во внутренностях убитых зверей и птиц, традиционно также приписывали магические и целебные свойства. С помощью камня из желудка голубя рекомендовали лечить рак; камень, извлеченный из печени или желчного пузыря быка, растирали в порошок и применяли для лечения глазных болезней. В средневековой Европе, а также в эпоху Возрождения бытовало поверье, что камни из желудков или гнезд ласточек помогали при лечении эпилепсии; камень из сердца оленя – при лечении сердечных болезней и кровотечений; камень

из головы дикобраза – от головной боли. Особенно ценился «драконовый камень», извлеченный из головы пресмыкающихся. Ему приписывали способность лечить проказу.

На картине великого Иеронима Босха (ок. 1460–1516) «Операция глупости» бродячий медик извлекает из головы своего пациента якобы образовавшийся там «камень глупости». Отношение художника к такого рода трюкам отражено в различных символах: перевернутая воронка означает, что врач – шарлатан, книга на голове монахини олицетворяет показную мудрость странствующих проповедников, а тюльпан, извлеченный из головы несчастного больного, традиционно отождествлялся в Голландии с золотом. Выманить деньги – это и есть цель всей троицы проходимцев, которым удалось сбить с толку излишне доверчивого пациента.

«Камни» органического происхождения, по мнению многих авторов, могли использоваться в качестве противоядий. Их либо толкли в порошок, разводили водой и принимали внутрь, либо оправляли в золото и носили в перстне. Считалось, что от такого камня, опущенного в кубок с напитком, яд теряет силу. Самым распространенным талисманом от отравлений был безоаровый камень, который привозили из восточных стран. Само название безоара, как полагают, происходит либо от арабского «безодар» – ветер (то есть вещество, которое рассеивает силу яда подобно тому, как ветер разгоняет тучи), либо от персидского «падсарх» – противоядие. О происхождении безоара говорят легенды, одна из которых изложена арабским врачом XII века: «Самый лучший безоар образуется на Востоке вокруг глаз оленя. Большие олени в этих странах едят змей, чтобы становиться сильнее, и перед тем, как почувствовать себя дурно, спешат броситься в холодную воду, в которую погружаются с головой... Когда начинает течь из глаз, то эта влага, накапливаясь под веками, сгущается, застывает, плотнеет... становится твердой, как камень, и впоследствии, при помощи трения оленя о дерево или другой предмет, опадает. Этот-то безоар и есть наилучший и самый полезный в медицине». Безоар, который ценили дороже золота, в действительности извлекался из желудка жвачных животных. Постепенно любое похожее на камень противоядие стали называть безоаром.

Однако далеко не все «средневековые суеверия» заслуживают лишь иронии и забвения, даже если речь идет о таких, казалось бы, невероятных вещах, как использование безоара в качестве противоядия. Около тридцати лет назад американский химик Э. Бенсон, исследуя камни, извлеченные из желудка жвачных животных, предположил, что они действительно способны обезвреживать соединения мышьяка. Между фосфорно-кислыми солями, которые в большом количестве содержатся в камне, и ядовитыми соединениями трехвалентного мышьяка происходит реакция обмена: вместо соли мышьяка в раствор переходит безвредное соединение фосфора. Кроме того, пентавалентный мышьяк связывается в нетоксичный комплекс белковыми соединениями безоарового камня. Так что еще неизвестно, прав ли был Наполеон, когда велел бросить в огонь безоаров камень – подарок персидского шаха. Император не верил в «пустые суеверия».

Почему, изучая свойства безоара, Бенсон рассматривал его взаимодействие именно с соединениями мышьяка? А потому, что это был один из самых известных и популярных минералов для «внутреннего употребления». Греки познакомились с мышьяком уже в IV веке до н. э. после походов Александра Македонского в Азию. Под названием «мышьяк» обычно подразумевают «белый мышьяк», или окись мышьяка. Диоскорид дал мышьяку название «арсеникон» (*лат.* «сильный»); врачи применяли его в малых дозах как сильнодействующее лекарство. В больших дозах он поражает внутренние органы человека, кровь, кожу и слизистые оболочки, при растворении не дает окраски и запаха. В Средние века европейским алхимикам были хорошо известны ядовитые свойства мышьяка. Со временем он вытеснил растительные яды и стал основой большинства ядовитых смесей.

Кстати, интересна разгадка роли столь любимой Иоанном Безземельным бирюзы как индикатора присутствия яда в жидкости или пище. Известно, что яркий голубой цвет бирюзы со временем становится более тусклым, как говорят ювелиры, бирюза «умирает». Современ-

ные ученые-химики установили причину такого явления. Бирюза – это сочетание водного фосфата меди и алюминия, со временем происходит процесс нарушения ее химической структуры и, следовательно, цвета. Бирюза довольно неустойчива химически, она легко впитывает жиры, поглощает влагу, под действием диоксида углерода (CO_2) воздуха постепенно теряет свой небесно-голубой цвет и делается более зеленой. На солнце она медленно обесцвечивается, поэтому средний срок жизни камня не превышает двадцати лет. Некоторые химические вещества могут ускорять этот процесс, при этом они могут – по совместительству, так сказать, – быть ядами для человека.

Распространение ядов в эпоху позднего Средневековья, а потом и Возрождения сделало весьма актуальным изучение противоядий – антидотов. Во многих медицинских школах составлялись сборники лекарств и противоядий. Часто основой для них служил «Антидотарий» знаменитой медицинской школы в Салерно. Он содержал точные весовые прописи лекарств, впервые была введена весовая единица – гран, равная весу одного пшеничного зерна средней величины, а также другие единицы (скрупула, драхма, унция). Введение этих единиц позволило врачам более точно определить разовую, суточную и недельную дозы лекарств для изучения их фармакологического действия, а аптекарям ввести государственную таксу на лекарства.

Часто ядами становились и вполне химически нейтральные вещества, вопрос был в способе их применения. Например, весьма популярным рецептом от разнообразных хворей были толченые драгоценные камни, чаще всего изумруды и рубины.

Лапидарий короля Кастилии Альфонсо X называет рубин удаляющим печали и дающим радость. «Кто его носит, не будет испытывать огорчений, а если камень истолочь в порошок и смешать с сердечным лекарством, то он будет очень эффективным для лечения воспалений и разрушения сгустков крови». Видимо, к лекарству рубин добавляли для усиления его кардиотонического действия.

Истолченный в порошок изумруд давали детям при туберкулезе легких (чахотке). Порошок, смешанный с медом, принимали кормящие матери в качестве лактогонного средства. Толченый изумруд принимали внутрь при укусе змей. Изумрудным порошком лечили также проказу, печеночные и желудочные болезни.

«Изумруд, помещенный в изголовье постели, излечивает от ипохондрии, предотвращает кошмары, успокаивает биение сердца, содействует успеху предприятия и рассеивает тоску. Изумруд не терпит нравственной нечистоты и ломается при удовлетворении преступных желаний. Толченый изумруд, принятый в питье, обезвреживает яд, колдовство и спасает ужаленных ядовитыми гадами, и положенный под язык, сообщает дар предсказания» (Альберт Великий. «Трактат о минералах»).

«Изумруд толчен и принять внутрь в питье весом против семи зерен ячменя, тогда от окорму смертного избавляет человека. Атце кто на изумруд часто зрит, тогда зрак человеческого укрепляет: и очи от прилучающихся недугов во здравии сохраняет и носящему его веселость наводит. Тот же камень, толчен в питии принят, пользует прокаженных и печени желудковым болезням помогает» (русский «Старинный лечебник»).

Одна проблема: измельчать твердые горные породы в тех условиях было весьма сложной задачей. В полученном таким образом порошке практически всегда содержались микроскопические частицы, имеющие форму игл и острых пластинок. Эти частицы легко травмировали желудочно-кишечный тракт, вызывая внутренние кровотечения, застревали в нем и не сразу выводились.

С лекарством из толченых изумрудов связана история о сбывшемся проклятии Великого магистра ордена тамплиеров Жака де Моле. Король Филипп Красивый уничтожил орден рыцарей Храма, предал пыткам и казням рыцарей-«отступников». Жак де Моле и приор Норман-

дии Жоффруа де Шарне были заживо сожжены в Париже, на Еврейском острове. В последний момент, когда пламя уже охватило тело, де Моле указал в сторону дворца и крикнул:

– Папа Климент! Король Филипп! Гийом де Ногарэ! Не пройдет и года, как я призову вас на суд Божий! Проклинаю вас! Проклятие на ваш род до тринадцатого колена!..

Предсмертное предсказание Жака де Моле осуществилось, и довольно скоро: через месяц после аутодафе на Еврейском острове, 20 апреля 1314 года папа Климент V умер от внезапного приступа острой кишечной инфекции. Еще через месяц в страшных муках скончался канцлер Ногарэ. А в конце того же года, 29 ноября, неожиданно умер король Филипп, всегда отличавшийся завидным здоровьем. Было ли причиной скоропостижной гибели трех главных виновников крушения ордена Храма проклятие Великого магистра, или, как считают некоторые историки, к их скорой и загадочной смерти приложили руку тайные агенты тамплиеров, весьма сведущие в восточных ядах? Но точно известно, что Климента V в могилу свело «действенное» лекарство из толченых изумрудов из рук лучших врачей, которое давали ему, следуя самым передовым методикам того времени.

Кстати, нужно еще иметь в виду, что изумруды, горный хрусталь, кварц, аметист и некоторые другие минералы – это диоксиды кремния. Они практически нерастворимы в любых жидкостях организма. И даже неострые частицы могут стать центрами-затравками, на которых будут нарастать камни желчного пузыря и почек.

Несмотря на пагубные свойства изумрудов (и их собратьев) как лекарства «вовнутрь», эти суеверия стойко держались, и от них часто зависела мода на изумруды.

Убеждение, что драгоценный камень – вернейшее средство от отравления, – скорее заблуждение, в основе которого лежит громадный авторитет редкого и ценного (раз он стоит так дорого, значит обязан быть полезным) камня, десятки легенд, сказок, фантастических преданий. Лечебные свойства сверкающих кристаллов ничем пока не подтверждены.

Однако русский ученый К. П. Патканов (1833–1889), переведший и издавший со своими комментариями книгу армянского историка XVI века Аракела Таврижеци (Таврического), пишет: «При лечении болезней нравственного и нервного характера, на которые воображение имеет сильное влияние, драгоценные камни играли важную роль; объявляя больному, что изумруд, повешенный у изголовья, разгоняет гипохондрию, худые сны, утишает биение сердца, рассеивает тоску и прочее, врач мог рассчитывать на полный успех, имея в виду веру больного в действенность средства». Что это, как не психотерапия?

Кем был король Артур и где был Камелот?

Король Артур – одна из самых знаменитых фигур в литературе Средневековья. Его прославляли в романах и хрониках, в стихах и прозе на всех основных европейских языках. В памяти человечества существуют три короля Артура – Артур исторический, Артур легенд и Артур рыцарских романов, причем один образ плавно перетекает в другой. Поэтому отделить историческую правду от вымысла довольно трудно, учитывая древность сказаний, первые из которых появились еще в VI веке н. э. Эти века не случайно овеяны фантастическими историями о великом короле Артуре и его знаменитых рыцарях Круглого стола, совершивших массу невероятных подвигов.

К началу III века римляне завоевали Британские острова и владели ими до начала V столетия. Когда Англия была завоевана римлянами, там прекратились междоусобицы, были проложены дороги, звать стала перенимать «римский стиль». Англия была защищена от набегов пиктов – обитателей Шотландии – огромным валом, построенным императором Адрианом. Но на европейском континенте нарастал натиск варварских племен, и Римская империя слабела, ей уже было не до провинций. Риму угрожали орды готтов, и римляне покинули колонию. В 410 году император Гонорий отозвал из Британии римские войска, предоставив возможность коренному населению самому строить свою жизнь. Не прошло и полувека, как на Британию обрушились племена саксов. Тогда племена бриттов и остатки потомков римлян объединились и начали борьбу с завоевателями. Хотя они и нанесли им ряд поражений, к 1600 году завоевание основной части острова саксами было завершено. К этим временам и восходит история короля Артура, который и стал героем, ведущим эту борьбу.

Согласно преданию, кельты снова стали враждовать между собой – королевства, образовавшиеся после ухода римлян, не хотели уступать друг другу. Одним из этих королевств правил Утер Пендрашн. Он совратил жену одного из соперников – красавицу Игрейну. От этого союза родился Артур, которого воспитывал маг Мерлин. Подросший Артур узнал, что в его жилах течет королевская кровь, – благодаря волшебному мечу Эскалибуру, который ему удалось вытащить из скалы. Артур покончил с междоусобицами, объединил английские земли и изгнал саксонских завоевателей. Вместе с женой Гиневрой, гласит легенда, он правил, живя в красивом городе с названием Камелот. Там, во дворце, за большим круглым столом собирались его верные рыцари...

Историческим прототипом легендарного монарха послужил, по-видимому, военный вождь бриттов, живший в конце V века и возглавивший их борьбу против саксов. Он дал несколько крупных сражений, завершившихся ок. 500 года победой при горе Бадон на юге Британии. И хотя в конце концов саксы одержали верх, слава Артура не померкла.

Это поэтическое сказание с приходом на кельтские земли христианства обросло нравоучениями, но дух волшебства сохранился и дошел до нас благодаря средневековым авторам.

Первым упомянул о короле Артуре валлийский монах Ненний в «Истории бриттов» (826). Воспользовавшись древним повествованием, он рассказал следующее: Артур был полководцем, выбранным королями, ибо они не хотели, чтобы эта роль досталась кому-то одному из них. Ненний приводит в главе 56 список двенадцати побед Артура над саксами, а в главе 67 два британских «дива дивных» связаны с Артуром – свидетельство того, что местные легенды в это время уже ассоциировались с его именем. Другая латинская хроника, созданная в Уэльсе ок. 955 года, «Анналы Камбрии», упоминает не только победу у Бадона, но и битву при Камбланне в 529 году, в которой пали Артур и Модред, его племянник.

В ранней валлийской литературе Артур выступает в совсем другом качестве – мифическом и сказочно-авантюрном. В поэме «Добыча Анвинна» (X в.) он ведет отряд на штурм кре-

пости Ан-винн (она же – загробный мир кельтов) с гибельным намерением завладеть магическими талисманами.

Таким образом, документы, отразившие раннюю стадию легенды, имеют валлийское происхождение. Но слава Артура выходила далеко за границы Уэльса. Жители Корнуолла и даже континентальной Бретани, родственные валлийцам по языку и культуре, также отдавали дань восхищения британскому герою. Бретонцы распространили легенду об Артуре, вывезенную с Британских островов, по всему европейскому континенту.

Самое подробное описание жизни и великих дел этого человека дает «История королей Британии» (1136) Джеффри (Гальфрида) Монмутского – первый бестселлер той эпохи. Этот автор обосновал роль Артура как победителя саксов. «История» начинается с основания Британского королевства Брутом, прямым потомком Энея, через которого британская старина оказывается связанной со славным прошлым Трои и Рима. В повествовании Джеффри о жизни и деяниях Артура, центрального героя всей книги, видную роль играет Мерлин. Артур изображается не только как победитель саксов, но и как покоритель многих европейских народов. В войне, которая началась после его отказа платить дань римлянам, Артур со своими союзниками победил врага в сражении и завоевал бы Рим, если бы не Модред, который предательски завладел его трон и королевой. Джеффри описывает гибель Артура в битве с Модредом и затем постепенный распад созданной им империи вплоть до окончательного ее разрушения в VII веке. В этом источнике больше всего фантастических сюжетов и персонажей, которые вдохновляли многочисленных средневековых бардов. Не случайно «Историю королей Британии» англичане считали неким точным справочником и не понимали, почему это историки, жившие на континенте, не знали про их славного короля. Ведь он совершил «поход до самого Рима» и разгромил войска императора Луция, чтобы навсегда освободить Британию от угрозы вторжения извне и превратить свое царствование в золотой век мира и изобилия...

В 1155 году «История» была переведена в стихах на французский язык норманнским поэтом Васом, получив название «Роман о Бруте». Вас первым из авторов, которые нам известны, упомянул в своей поэме Круглый стол, сооруженный по распоряжению Артура для того, чтобы избежать споров о старшинстве. Он сообщает также о вере бретонцев в то, что Артур жив и находится на острове Авалон.

Первым английским поэтом, воспевающим Артура, был Лайамон, приходский священник в Арли-Риджисе (графство Вустершир). Его поэма «Брут», написанная в последнем десятилетии XII века или чуть позже, представляет собой расширенный пересказ поэмы Васа. Хотя поэма Лайамона сохранилась только в двух списках, в отличие от большого числа манускриптов, содержащих тексты Джеффри и Васа, ее существование доказывает, что Артур был воспринят в качестве героя даже потомками его врагов-саксов.

Стоит заметить, что псевдоисторическая традиция, основанная Джеффри Монмутским, не включает сюжетов о Тристане, Ланселоте и о Граале, которые стали повсеместно известны в Средние века благодаря французским романам. Во французских романах Артуровского круга (вторая половина XII в.) двор Артура изображается как отправная точка приключений разных героев, но сам Артур не играет в них центральной роли.

Однако авторитет легендарного короля был настолько велик, что его образ втягивал в артуровскую орбиту сюжеты самого разного происхождения. Одним из таких сюжетов, и наиболее ранним, оказалось печальное повествование о Тристане, имевшее хождение во Франции около 1160 года. Историческим прототипом Тристана был некий пиктский царь конца VIII века, легенды о котором, как и легенды об Артуре, хранил один из разгромленных кельтских народов. Некоторые версии легенды о Тристане выдвигают на первый план захватывающую фабулу – приключения, побеги, козни, однако во французском романе Томаса Британского (1155–1185) и в немецком шедевре его последователя Готфрида Страсбургского (около 1210) главное – разработка характеров и трагический конфликт между чувством и долгом.

Легенда о Тристане уже была известна, когда начал писать Кретьен де Труа, один из самых популярных авторов XII века. Почти все его крупные сочинения, созданные между 1160 и 1190 годами, основаны на артуровских сюжетах, ходивших в среде бретонцев. Кретьен редко придумывал что-то от себя, но его интерес к психологическим конфликтам, рожденным, в частности, непримиримостью велений любви и рыцарского долга, обогатил содержание легенд. Последний роман Кретьена, «Персиваль, или Повесть о Граале», тема которого – воспитание героя в понятиях рыцарства, остался незаконченным. Явившийся ко двору короля Артура юный Персиваль (Парсифаль, Парцифаль) невежествен и по-детски неотзывчив на чужие страдания. Внешние атрибуты рыцарства он усваивает быстро и выказывает себя не по годам доблестным бойцом, но терпит неудачу там, где требуются рассудительность и сострадание. В замке увечного короля-рыбака Персиваль не спросил, кому предназначена пища в Граале, большом блюде, которое проносит по замковым покоям дева в таинственной процессии. Он промолчал, поскольку наставник предостерегал его от болтливости. Потом это молчание ставится ему в укор: задай он вопрос, и король-рыболов был бы исцелен. Несмотря на то что за этот промах Персивалю грозят ужасные кары, он, не ведая страха, отправляется в странствия – разыскивать Замок Грааля. В том месте, где текст Кретьена обрывается, бедного Персиваля преследуют всевозможные беды. Дальнейшая его судьба описывается в немецком «Парцифале» (1195–1210) Вольфрама фон Эшенбаха, частично основанном на произведении Кретьена.

В конце XII – начале XIII века были широко распространены различные версии легенды о поисках Грааля. В это время Грааль, изначально обладавший магическими свойствами, был вовлечен в сферу христианской традиции и переосмыслен как чаша причастия (дароносица).

Для Артуровской литературы XIII века в целом характерны переход от стихотворных форм к прозе, дальнейшая христианизация легенд и тенденция к объединению текстов в цикл. Так называемая Артуровская Вульгата (Vulgate) состоит из пяти прозаических французских романов:

1. «История о Святом Граале», содержащая начальные сведения о Граале и его чудотворных свойствах;
2. «Мерлин» – расширенное переложение «Мерлина» Роберта де Борна с добавлениями из других источников;
3. «Прозаический Ланселот» – уснащенный различными подробностями рассказ о детстве Ланселота, о его воспитании у мудрой Владычицы Озера; о том, как он вырос не зная себе равных рыцарем короля Артура, как любил Гиневру и сокрушался о своей греховной страсти, из-за которой ему не дано было достичь Святого Грааля, и как он зачал Галахада с дочерью увечного короля;
4. «Подвиг во имя Святого Грааля», где центральным персонажем является сын Ланселота Галахад, благодаря своему духовному совершенству превзошедший всех остальных рыцарей Круглого стола; и наконец
5. «Смерть Артура» – рассказ о распаде Братства Круглого стола, начавшемся с того, что Ланселот, несмотря на прежнее раскаяние, снова вернулся к своей греховной любви, и кончающийся предательством Модреда, гибелью Артура и уходом Гиневры и Ланселота от мира в затворничество и покаяние.

Артуровский прозаический цикл XIII века оказал мощное воздействие на более поздние рыцарские романы во Франции, Италии, Испании, Нидерландах, Ирландии, Уэльсе и Англии. Его влияние особенно сказалось на самой знаменитой английской Артуровской книге – «Смерти Артура» Томаса Мэлори. Авторское название книги неизвестно: «Смертью Артура» назвал печатник Уильям Кэкстон выпущенный им в 1485 году том, который оставался единственным текстом Мэлори на протяжении столетий, пока в 1934-м не был обнаружен Винчестерский манускрипт. В целом Мэлори точно следует своим источникам – как английским,

так и французским, но его роль не ограничивается переводом. Как и его предшественники, он переосмысливает Артуровские легенды в духе своего времени. Его версия выделяет богатырские черты эпоса, в то время как вкусам французов была ближе утонченная духовность.

В Англии Артуровские легенды остались жить и после Средних веков благодаря псевдоисторическому труду Джеффри Монмутского и первопечатному изданию Кэкстона, к началу XVIII века выпущенному пять раз. Романтическое возрождение оживило интерес не только к Мэлори, но и к другим артуровским текстам. В XIX веке наиболее значительные обработки сделали А. Теннисон и Р. Вагнер. «Королевские идиллии» Теннисона (1859–1885) вводят сюжеты Мэлори в рамки викторианской морали, показывая, как греховность и легкомыслие рыцарей Круглого стола подрывают артуровские идеалы. Р. Вагнер в музыкальной драме «Тристан и Изольда» (1865) обращается к версии Готфрида Страсбургского и поднимает легенду до вершин трагедии, впрочем, окрашенной философией Шопенгауэра и Новалиса, где любовь и смерть – одно. «Парсифаль» Вагнера (1882) следует «Парцифалю» Вольфрама фон Эшенбаха, но также зиждется на философии XIX века. Эти переработки в сущности являются самостоятельными произведениями и принадлежат XIX веку, используя средневековый материал как антураж.

Насколько же вероятно, что цикл легенд о короле Артуре отражает какую-либо историческую реальность? И существовал ли этот человек вообще?

Этим вопросом задавались еще в XV веке. Уже упоминавшийся выше английский первопечатник Уильям Кэкстон в своем издании «Смерти Артура» в перечисленных свидетельствах существования короля указал на различные реликвии, в том числе на круглый стол, хранившийся в городке Винчестер, кусок воска с печатью Артура (он на ней именовался императором Британии, Галлии, Германии и Дакии) и даже меч сэра Ланселота – ближайшего друга Артура. Но оказалось, что все эти предметы были изготовлены позднее – для привлечения пилигримов. Знаменитый дубовый круглый стол диаметром шесть метров сделали в XIII веке, когда Генрих III и его наследники стремились возродить эпос об Артуре.

Исследователи обратились и к географии Артуровских легенд. Оказалось, что многие упомянутые в них места сохранились. К примеру, на севере полуострова Корнуолл есть руины сложного из сланцевых плит замка Тинтаджел, где якобы родился знаменитый король.

Много неразгаданных тайн хранит еще одно «артуровское место» – Гластонбери, что располагается на самом западе Великобритании. Раскинувшись на обширных равнинах Соммерсета, неподалеку от Бристольского канала, этот комплекс сейчас включает в себя город, аббатство и огромную вулканическую скалу с развалинами церкви, спускающуюся террасами вниз. Следует отметить, что люди жили здесь еще с незапамятных времен. Остатки поселений, открытых археологами, датируются эпохой римского вторжения на острова.

Аббатство Гластонбери – уникальный исторический объект для множества религий. Полагают, что на землях Гластонбери в течение долгого периода существовал храм друидских жрецов, поклонявшихся змеям. Затем их сменили римляне. Но наиболее значимый след оставили, несомненно, христиане. По легенде, Иосиф Аримафейский (человек, похоронивший тело Христа) переселился именно в Гластонбери и построил здесь первую в Великобритании церковь. На развалинах аббатства каждую Пасху расцветает терновник. В народе говорят, что когда Иосиф после своего прибытия взобрался на скалу, он во время молитвы опирался на посох. Как-то раз он оставил его там, и посох превратился в дерево. Дерево пустило корни, и с той поры гластонберийский терновник служит местной достопримечательностью. Наиболее чтимый в Ирландии святой – святой Патрик – также жил и умер здесь.

С более чем 150-метровой вершины скалы можно наблюдать местность на 70–80 километров вокруг. Вулканические террасы несут на себе следы обработки их людьми, и, возможно, они служили когда-то тропой для христианских паломников, шедших сюда на поклонение и молитву. Здесь был возведен величественный монастырь, названный в честь святого Михаила.

Датой основания монастыря принято считать 705 год. Именно тогда король Айне издал указ о строительстве обители, а в X веке тут поселились бенедиктинцы. Те церковные руины, которые видят современные туристы, относятся к XIII столетию. Они остались от храма, разрушенного по приказу короля Генриха VIII во время его борьбы с католицизмом (XVI в.). По легенде, гластонберийская гора является местом, где некогда жил король Артур, а также – по совместительству – тайным входом в подземное царство повелителя эльфов. Считается, что в VI веке сюда проник святой Коллен, стремившийся покончить с демонизмом. Он совершил обряд экзорцизма, и от соприкосновения со святой водой эльфийский дворец с грохотом пропал, оставив подвижника одного на пустой вершине скалы.

Как место последнего упокоения короля Артура и его супруги Гластонбери приобрело известность с XII века. До настоящего времени подлинность этого факта подтверждают лишь предания. Так, например, Эскалибур – легендарный меч Артура, брошенный сэром Бедуиром по просьбе смертельно раненного в битве при Камлене короля в воду, мог быть утоплен в местном озере Помпарлес. К сожалению, этот некогда обширный водоем ныне осушен и проверить правдивость устной традиции уже невозможно.

Большое несчастье (принесшее, однако, и некоторую пользу) случилось в Гластонбери в 1184 году. Страшный пожар уничтожил тогда аббатство практически до основания, но во время реконструкции монахи занялись широкомасштабными поисками могилы Артура.

И в 1191 году настоящую сенсацию произвело заявление монахов, что могила короля Артура найдена! Тщательно простукивая каменные плиты пола, бенедиктинцы обнаружили на трехметровой глубине – ниже современной кладки – еще более старую, с имеющейся в ней поллой камерой. Вскрыв пол, монахи пробились к легендарной усыпальнице. Два огромных гроба, пропитанных сохраняющими дерево смолами, предстали их изумленному взору! Было организовано пышное перезахоронение останков. И вскоре над новой могилой появился большой свинцовый крест с надписью: «Здесь, на острове Авалон, покоится под землей прославленный король Артур». В 1278 году останки монарха были повторно захоронены в специальной гробнице из прекрасного черного мрамора.

Но исследователи заметили много подозрительных деталей этого «открытия». Первый вопрос, который их заинтересовал: как удалось опознать в скелете останки короля Артура? Монахи аргументировали: «По его благородному стану...» В архивах аббатства сохранился подробный отчет об осмотре тел усопших. Скелет мужчины поражал своим высоким ростом – 2 м 25 см. У него был поврежден череп, однако причину травмы установить не удалось, хотя это мог быть и след от ранения. На голове женщины прекрасно сохранились белокурые волосы. Но все это еще не является доказательством того, что это были Артур и его супруга.

Первые современные научные изыскания в Гластонбери начались в 1907 году. Историко-археологической экспедицией руководил английский ученый Фредерик Б. Бонд. Его сотрудники добились значительных успехов: они обнаружили остатки неизвестной часовни. Сверив ее географическое положение с общим планом аббатства, Бонд пришел к выводу, что она была построена согласно законам сакральной геометрии, используемой древними египтянами, а позже масонами. Однако маститый исследователь имел неосторожность публично заявить о том, что все указания по поиску древностей он получал с помощью медиумов, общаясь с душами усопших монахов. Разразился крупный скандал, и Бонда уволили.

Есть в легенде об Артуре еще одно загадочное географическое название, которое невозможно привязать ни к одному реальному месту на Земле, – легенда отправляет раненого короля на волшебный остров Авалон, путь к которому открывается немногим. На этом острове обитают эльфы и феи, там столь медленно течет время, что герои легенд и поселе, возможно, обитают в райском уголке, не ведая, что над планетой пронеслись полторы тысячи лет. Насколько возможно существование призрачного Авалона? Кое-кто из мистиков Средневеко-

вья полагал, что Авалон исчез не в физическом, а в сакральном смысле этого слова. Подобно русскому Китежу, остров перешел в иное – магическое – измерение и скрылся от глаз людей.

Многие историки XIX века объясняли исчезновение Авалона куда более прозаически. Они считали, что причиной гибели острова было банальное наводнение. В подтверждение своей гипотезы ученые приводили подлинную историю, относящуюся к XI веку. В ней шла речь об очень невысоком острове в проливе Ла-Манш, защищенном дамбами и шлюзами. Однажды после каких-то торжеств пьяная стража забыла их закрыть, и ничем не сдерживаемая приливная вода ринулась в город. В волнах погибла вся местная знать (кроме короля, который спасся вплавь на коне), а сам остров покрыло море. Именно вышеописанный исторически достоверный случай и натолкнул исследователей на мысль о том, что Авалон могла постигнуть та же судьба.

Но могло быть и еще одно объяснение исчезновения Авалона. Он мог слиться с материком, соединенный с ним рукотворными насыпными сооружениями. Такое могло произойти, если остров располагался достаточно близко от берегов Британии.

Надо отметить, что не только европейские ученые интересовались историей острова Авалон. М. А. Орлов в книге «История сношений человека с дьяволом» (1904) указывает, что Авалон часто описывали древние поэты Франции. Так, в поэме о Вильгельме Курносом мы находим упоминание о том, что Авалон был чрезвычайно богат, так что другого такого богатого города никогда не было. Стены его были сложены из какого-то особого камня, двери в них были из слоновой кости, жилища щедро разукрашены изумрудами, топазами, гиацинтами и другими драгоценными камнями, а крыши на домах были золотые! В Авалоне процветала волшебная медицина. Здесь излечивали самые ужасные болезни и раны. В одном из тогдашних романов этот остров описывается как место, где все обитатели проводят время в вечном празднике, не ведая забот и горестей. Само слово «Авалон» сближали со словами древнебретонского языка «Inis Afalon», что значит «остров яблонь».

Различные мнения о таинственном острове высказывают и многие современные зарубежные исследователи. Но все это лишь гипотезы, которые не способны раскрыть тайну Авалона.

Впрочем, что уж говорить о местонахождении неуловимого острова, если до сих пор непонятно, где же находился гораздо более материальный Камелот! Большинство людей ассоциирует его с юго-западной Англией, областью, упоминающейся в преданиях о волшебниках, владычицах озер и рыцарях в сияющих доспехах. Эта версия легенды была популярна еще в Средневековье, особенно среди английских королей, поэтов и знати, считавших Камелот Артура и рыцарей Круглого стола идеальным королевским двором. В графстве Соммерсет в 1970-е годы археологи раскопали странный холм, который был воспринят как Камелот – столица, где жил король Артур. Вершина холма была обнесена прочной стеной из камня и деревянных балок по периметру. Это был зал, который, судя по всему, предназначался для общих трапез. Быть может, здесь и собирались рыцари Круглого стола?

Однако среди ученых все большей популярностью пользуется другая версия. Она гласит, что легенда зародилась к северу от англо-шотландской границы. Один из пропагандистов этой точки зрения – Хьюг Макартур, историк из Глазго. Он утверждает, что Гинебра, супруга Артура, могла быть представительницей пиктов, обитавших на севере Шотландии. Имеются и другие исторические свидетельства того, что Артур происходил из современной Шотландии, а не Корнуолла или откуда-нибудь еще. По словам Макартира, легенда основывается на личности Артура, предводителя вооруженной группы, который в VI веке правил в Стратклайде, королевстве говорящих по-валлийски бриттов, протянувшимся от Лох-Ломонд в Шотландии до севера Уэльса. Столицей королевства был город Думбартон на западе центральной Шотландии. По словам исследователя, в этой области есть множество названий, которые могут быть связаны с Артуром. В самом Думбартоне находится Замок Артура, а к западу от Лох-Ломонд – гора Бен-Артур, на которой есть место, называемое Троном Артура. По словам Макартира,

это только один из семи тронов Артура, которые он нашел в Шотландии. Всего здесь имеется около 50 мест, в названии которых упоминается Артур. И хотя речь не обязательно всегда идет о легендарном правителе, в большинстве случаев название, видимо, все-таки дано в честь него.

Макартур также полагает, что остров Авалон, на котором, согласно легенде, Артур получил свой меч Эскалибур и куда его принесли смертельно раненным, есть не что иное, как Лох-Ло-монд. Местные историки также считают, что основные битвы Артура, описанные валлийским монахом IX века Неннием, проходили поблизости. Исследователь утверждает, что легенда об Артуре стала мигрировать на юг в процессе христианизации Шотландии. Кроме того, сужение ареала использования валлийского языка, его локализация в Уэльсе и Корнуолле способствовали формированию представления о том, что знаменитый воин и правитель жил на юго-западе Англии.

И все же большинство ученых считает, что есть лишь косвенные доказательства существования короля Артура. Детально проанализировав фольклорные и другие источники, историки нарисовали некий собирательный образ вождя, который пользовался римским военным титулом и организовал успешное сопротивление иноземцам. Возможно, он присвоил себе императорский титул, когда сражения завершились. Но это всего лишь гипотетический портрет, ибо нет никаких свидетельств современников короля Артура. Не случайно скептики продолжают заявлять, что его выдумали коренные жители Британии как идеал прославленного героя, чьи подвиги жили в народном сознании.

И все же некоторые исследователи продолжают настаивать на историчности знаменитого образа. Как пишут англичане Питер Джеймс и Ник Горн, археологические раскопки указывают на резкий приток в Британию захватчиков около 450 года и его заметное замедление около 500 года. Видимо, кто-то удачно организовал сопротивление иноземцам. Вероятно, бывший военачальник римской армии. И почему бы не принять предания о подвигах короля Артура?

В качестве последнего веского аргумента в пользу его реальности выдвигают также факт популярности имени Артур: в конце V и начале VI столетия им было названо шесть или больше британских принцев. Скорее всего, это явление имело исток – король Артур жил в народной памяти...

В поисках Святого Грааля

...Грааль до того тяжеловесен, что никому из грешных человек не поднять его вовек.

Вольфрам фон Эшенбах. Парцифаль

Легенды о Святом Граале продолжают волновать воображение уже не первого поколения любителей тайн. Неясная, загадочная реликвия, один из самых интересных и легендарных символов, несущий в себе неслыханную мощь. Исток легенды о Граале лежит, по всей видимости, в мифах древних кельтов. В их преданиях Святой Грааль – это каменный сосуд в виде чаши, сделанный из изумруда, который архангел Михаил выбил мечом из короны Люцифера (в некоторых легендах Грааль – это чаша, вырезанная из дерева). Эта драгоценная мистическая реликвия уцелела во время потопа. И в дальнейшем из этого сосуда на Тайной вечере пил Иисус и из него причащались его ученики. В Святой Грааль, по словам старых преданий, также была собрана кровь Спасителя, пролитая на Голгофе. После казни Иисуса Грааль таинственным образом исчез. Распространена легенда, что чашу Грааля и копье, которым были нанесены раны Христу, сохранил и привез в Британию Иосиф Аримафейский. До сих пор бытует мнение, что Грааль некоторое время находился у альбигойцев, но после взятия Монсегюра его там не обнаружили.

Согласно еще одной версии, Грааль – некий священный камень, связанный с тайной мистической жизнью Иисуса. Все последующие поиски пропавшей реликвии так и не увенчались успехом, но возникло немало легенд, повествующих о «приключениях» Святого Грааля. Слова «Святой Грааль» часто используются в переносном смысле как обозначение какой-либо заветной цели, часто недостижимой или труднодостижимой.

Принципиально отличаются от «вещественных» версий (чаша, камень) предположения о том, что Грааль – выражение неких мистических духовных идей. Чаша Грааля – это состояние души, соединения человека с Богом, то есть найти Грааль – значит достичь просветления.

Исследователей всегда интересовало происхождение легенды о Граале. Британские корни предания о чаше уходят в мифологию древних кельтов, но легенда о чаше была переосмыслена в христианском духе. Согласно легендам Иосиф Аримафейский, взяв чашу, из которой пил Спаситель в свой последний вечер, собрал в нее кровь Господа и с этой реликвией ходил по свету, проповедуя христианство. В своих странствиях Иосиф достиг Британии, где решил остановиться и основать монастырь, названный Гластонбери (по некоторым источникам, именно в этом монастыре и был спрятан Грааль, ставший впоследствии для людей воплощением Божией благодати). Основав монастырь, Иосиф создал монашеско-рыцарский орден, члены которого были первыми хранителями чаши, и они же, несмотря на отчаянное сопротивление, оказанное ими в V–VI веках захватчикам Британии – саксам, вынуждены были перевезти святыню в Саррас (местонахождение неизвестно), откуда Грааль, по одной из версий, был «вознесен на небо», по другой – остался в Гластонбери.

Но старая церковь в Гластонбери, помнившая, возможно, рыцарей Круглого стола, сгорела в 1184 году, на ее месте была построена новая. А в традиционном веровании глубоко укоренилось мнение, что Грааль укрыт в подземельях аббатства. В этом варианте Грааль связан с преданиями о короле Артуре. Во времена правления легендарного короля Грааль был спрятан на дне древнего колодца где-то в глубине острова. Рыцари Круглого стола по приказу Мерлина отправились на поиски. В некоторых романах Артуровского цикла Грааль находят и доставляют в Камелот, но чаша не принесла счастья королевству. Видя это, король Артур забрал ее с собой на таинственный остров Авалон и таким образом отвел беды от земли бриттов. Сколько реликвия пробыла на Авалоне – неизвестно, однако в следующий раз следы ее

отыскивались лишь в XIII веке у еретиков из провансальского городка Альби. И отсюда начинается история Грааля катаров. По легенде, он был спрятан в подземельях Монсегюра вместе с другими сокровищами еретиков – альбигойцев: древними манускриптами, хранящими тайную мудрость, таинственными реликвиями. Но когда крепость – последний оплот катаров – пала, победители не нашли никаких следов Грааля.

Еще одна группа исследователей считает, что сказание о Граале связано с тайным оккультным обществом, основанным в незапамятные времена и обладающим сокровенным знанием, которое передается из поколения в поколение.

Среди этих совершенно разных теорий легенды Артуровского цикла выглядят наиболее привлекательно, однако нет ни одного факта, который мог бы подтвердить их. Ну, а гипотезу о тайном оккультном обществе разделяют в основном те, кто вообще склонен рассматривать все человечество как собрание тайных обществ. Языческие же корни легенды о Граале указывают на ее происхождение от очень древнего индоевропейского мифа о магической посуде – символе жизни и возрождения. Впоследствии эта легенда наполнилась новым смыслом, приобретая христианскую окраску. Эта чаша – символический источник жизни и бессмертия, изобилия и плодородия, «чудесный кормилец». Испивший из чаши Грааля получает прощение грехов. По желанию она в мгновение ока дает любые блюда и драгоценности, а тот, кто пьет из нее, излечивается от всех недугов; даже мертвые, стоит ей лишь коснуться их губ, пробуждаются к жизни.

Обладая способностью чудесно насыщать своих избранников неземными яствами, Грааль в западной традиции занимает то же место, что и восточная жертвенная чаша с ведической сомой, авестийской хаомой или греческой амброзией – пищей богов. У кельтов чаша, полная вина, пива или меда, которую юная девушка подносила вступающему на престол королю, является символом верховной власти. Со временем это значение переносится на чашу Грааля, на поиски которой отправляются рыцари Круглого стола. Символика расположения Грааля в центре Круглого стола, вокруг которого сидят рыцари, весьма близка китайскому образу неба, которое имеет форму круга с отверстием посередине (аналог чаши или кубка). В египетском символизме имеются ассоциации между чашей жизни и сердцем как центром жизни. Иероглиф, обозначающий сердце, имел форму сосуда.

Поиски Грааля и в языческой, и в христианской традиции – это возвращение в рай, духовный центр человека и Вселенной; символ инициации, проверки через испытания и встречу со смертью в поисках скрытого смысла и тайны жизни. Поиски обычно предпринимаются «солнечным героем», не имеющим представления о своей истинной природе. Например, Парцифаль, воспитанный в лесном уединении, юноша, одаренный рыцарскими доблестями, или рыцарь-аскет, девственный Галахад, сын грешного, но величайшего из рыцарей – Ланселота.

Грааль играл весьма значимую роль в тайной символике средневековых алхимиков. Вдыхающий новую жизнь в Феникса и дающий вечную юность тем, кто ему служит, Грааль имеет отношение к символике философского камня. Он также выступает в качестве барки, ковчега, в который заключены семена циклического возобновления жизни, семена утраченных традиций. Чаша Святого Грааля, содержащая кровь, основу жизни, отождествляется с сердцем, а следовательно, с центром. Грааль соединяет в себе два элемента: чаша или сияющий кубок с сердцем (треугольник, поставленный на вершину) олицетворяет женское, воспринимающее, водное начало, а копье или меч (треугольник, направленный вершиной вверх) – мужское, активное, огненное начало. Эти элементы объединены носителями жизни – кровью или священной жидкостью, стекающей в чашу. Жизнетворные, обновляющие силы, излучаемые солнечным сосудом, и силы уничтожения, являющиеся в образе кровоточащего копья, заключают в себе двойное таинство. Соединение противоположных начал играло важную роль в алхимической трансмутации – превращении.

В христианстве Грааль является неоднозначным символом. Надо упомянуть, что ни одно из преданий о Граале не признано официальной церковью. Ни один церковный летописец ни разу не обмолвился о Святой чаше, хотя во всех четырех евангелиях говорится о человеке по имени Иосиф, который выпросил у Понтия Пилата тело распятого Христа и, обернув его плащаницей, положил в гробницу, высеченную в скале. Грааль упоминается только в апокрифах. Но его образ весьма популярен в эзотерическом христианстве – Грааль символизирует святое Сердце Христа. Когда, по преданию, волшебный изумруд был отобран у Люцифера, после низвержения последнего в бездну, и из этого камня и был сделан Грааль, то подобно Деве Марии, искупившей грех Евы, кровь Спасителя посредством Грааля искупила грех Люцифера. Таким образом, значение Грааля все больше связывается с муками Христа, с идеей добровольной жертвы и искупления. В христианской легенде Грааль был дан Адаму, но оставлен им в раю после грехопадения. Он до сих пор находится в центре рая, и его нужно снова найти, новый Искупитель обретет чашу и восстановит рай для человечества.

Образ Грааля, бесспорно, нельзя полностью сводить ни к церковному таинству, ни к кельтскому мифу. Для рыцарской культуры Средневековья важность Грааля как символа состояла в том, что он соединял дух рыцарских приключений, вольную игру фантазии, использующей осколки полузабытой мифологии, и христианскую мистику. Эта чаша является символом благородства, чистых помыслов, душевного здоровья и стремления возвыситься, ибо только те из ищущих, кто обладает абсолютной чистотой сердца, могут достичь успеха на своем пути. Всякий недостойный, приблизившийся к святыне, бывает наказан раной или недугом, однако может ожидать исцеления от той же святыни. Грааль – это тайна, которая открывается лишь самым достойным.

Легенды о Граале возникли в Средние века как составная часть легенд об Артуре, а в письменной литературе появились на территории Франции в XII веке. Искатели Грааля Персиваль, Гавейн, Ланселот, Боре, Галахад – все рыцари короля Артура, отправлявшиеся в свои мистические странствия из Артурова двора, однако на этом сходство между их приключениями заканчивается. Хотя ни одна хроника не подтверждает, что кто-то из рыцарей нашел чашу и привез Артуру, но местонахождение Грааля молва настойчиво связывает с легендами о короле Артуре и с уже упоминавшимся аббатством Гластонбери в Англии.

Само название «Грааль» восходит к старофранцузскому редкому слову *grael*, обозначавшему большое блюдо, поднос. Именно такую форму имел священный сосуд, о котором идет речь в старейшем из имеющихся текстов о Граале. Самый первый вариант повести о Святом Граале – «Персиваль, или Повесть о Граале» – опубликовал известный поэт и трубадур Кретьен де Труа около 1180–1182 года. Там Грааль описан как большое выложенное драгоценными камнями блюдо, которое по залам замка проносит дева. Эта повесть осталась незаконченной. Кретьен де Труа утверждал, что его рассказ основан на данных, которые он нашел в книге, принадлежавшей графу Филиппу Фландрскому, но это утверждение нельзя ни доказать, ни оспорить. В то время вообще считалось, что автор не может ничего сочинить сам, и истинно лишь то, что содержится в старинных источниках. История, которая не была основана на старинном предании, не могла быть достойной внимания. Никого не смущало то обстоятельство, что истинность этих преданий проверить было невозможно. Поэтому Кретьен де Труа, как и многие после него, мог совершенно спокойно ссылаться на любой источник. Кроме того, в то время надо было крайне осторожно выбирать темы для романов и поэм – языческие сюжеты могли навлечь на автора гнев церкви. Герой повести Кретьена де Труа, рыцарь Персиваль Уэльский, упоминает таинственный Замок Грааля и его волшебный кубок.

Образ Персиваля основан на древней валлийской саге о богатыре по имени Придер, и в рассказах о нем часто говорится о магическом кубке, который обладал свойствами, полностью совпадающими со свойствами, приписываемыми Граалю. Саги о Придере содержатся в сборнике древних валлийских устных преданий «*Mabmogiön*». Этот сборник переносит нас в фан-

тастический мир кельтских мифов, содержащих в том числе и несколько рассказов о короле Артуре. Образы валлийского эпоса происходят от еще более древних кельтских героев. Король Лир, например, «родился» от Лера, одного из предводителей загадочного народа Туату де Даннан («племени богини Дану»). Этот народ, как рассказывает миф, прибыв откуда-то с севера, принес с собой на земли кельтов магические предметы – волшебный кубок, чудесное копьё и непобедимый меч. В поздних легендах о короле Артуре эти предметы трансформировались в Святой Грааль, копьё, которым ранили Христа, и меч Эскалибур.

О том, как Грааль попал в Британию, рассказал Робер де Борн в поэме «Иосиф из Аримафеи», написанной около 1200 года. Как и Кретьен де Труа, де Борн ссылается на рассказ из старинной книги, где говорится о том, как Иисус призвал Иосифа и дал ему Грааль – чашу Тайной вечери. Вместе со своей сестрой и ее мужем Броном Иосиф покинул Палестину и обосновался в некоей стране «далеко на Западе», где они проповедовали христианство. Таким образом, Робер де Борн недвусмысленно связывает Грааль с христианской традицией.

Кельтские, ирландские и валлийские сказания изобилуют сюжетами о волшебных питающих сосудах. Когда эта сложносоставная фольклорная традиция попала в XII веке во Францию, сочинители попытались в духе своего времени христианизировать ее мотивы. И поскольку Грааль, первоначально языческий сосуд, обладающий магическими свойствами, даровал человеку, согласно кельтским сказаниям, чудесное, мистическое блаженство, его естественно было связать с евхаристией, с христианскими таинствами. Грааль превратился в Святой Грааль (Saint Graal, Sangraal и пр.), а поскольку слово «грааль» было непонятное, темное, эта неясность давала свободу для переосмысления, и предмет, который им обозначался, стал пониматься как кубок, потир, чаша причастия.

Однако, как уже отмечалось, вопреки огромной популярности сказаний о Святом Граале, церковь никогда не признавала Грааль канонической христианской реликвией. За Граалем закрепилась сомнительная слава в лучшем случае апокрифического символа, а в худшем – сакрального символа организованного еретического движения в границах западного христианского мира. И здесь возникает новая параллель: де Борн, опубликовав свою поэму, вольно или невольно раскрыл истоки легенды о Граале – гностическое «Евангелие от Никодима», где подробно изложен миф об Иосифе, чаше и копьё. Значит, именно взгляды гностиков лежат в основе всех основных еретических течений на территории средневековой Европы.

Приблизительно в те годы, когда де Борн писал свою поэму, Вольфрам фон Эшенбах, знаменитый немецкий поэт того времени, создал «Парцифалья» – собственную версию незавершенной Кретьеном де Труа поэмы о Граале. Как и прочие, Вольфрам говорил, что воспользовался «старинными источниками», и ссылался на «одного провансальского трубадура, который написал свою повесть на арабском языке, живя в испанском городе Толедо» (совершенно запутанная история). В своей поэме Вольфрам утверждал, что Грааль хранил рыцарский орден Templaisen – в этом искаженном немецком названии легко угадывается знаменитый орден тамплиеров...

Наиболее сложная версия христианизированной легенды о Граале содержится в романе «Подвиг во имя Святого Грааля», где описывается, как Спаситель сходит с небес и участвует в евхаристии, совершающейся в Замке Грааля. Версию легенды о Граале, содержащуюся в этом романе, включил в свою книгу «Смерть Артура» Т. Мэлори. От Мэлори ее перенял А. Теннисон и использовал в «Королевских идилиях», избрав своим мистическим героем Галахада.

Другой знаменитой интерпретацией граалевского мотива в XIX веке является «Парцифаль» Р. Вагнера, где композитор усилил религиозный смысл своего источника, «Парцифалья» Вольфрама фон Эшенбаха. В наше время самая значительная обработка граалевского сюжета – «Бесплодная земля» Т. С. Элиота, где средневековая тема используется для изображения бесплодности цивилизации XX века. Опера Вагнера и поэма Элиота способствовали возрождению интереса к средневековой легенде.

Стоит также отметить, что некоторые исследователи считают, что первичное ядро легенды о Граале имеет не кельтское, а восточное происхождение и что в конечном итоге именно на Востоке следует искать ее корни. Полагают, что в мавританскую культуру Испании (а из нее в христианскую) эта легенда пришла из Аравии или даже из Персии, другие считают родиной этой легенды Индию. И потому в ряде эпических песен, как, например, у Вольфрама фон Эшенбаха, Грааль возвращается из греховной Европы назад в Индию. В поэме Эшенбаха чисто христианские элементы отодвинуты на второй план и прослеживается терпимость, даже любовь, к людям Востока – как, впрочем, и в других произведениях. Сам фон Эшенбах признается, что при написании своего труда он использовал утерянную поэму провансальца Киота, источником которой послужила не чисто христианская легенда, но арабское повествование о Граале, найденное в Толедо (Испания) и написанное «язычником» Флегетаном «из рода Соломона». Флегетан же «был известен как большой знаток звезд, астролог, и в звездах прочел он тайну Грааля». Познакомившись с его трудом, Киот пытался разыскать по латинским книгам, где может находиться «племя чистых сердцем, призванное служить Граалю». Он ознакомился с хрониками различных европейских стран и в городе Анжу обнаружил рассказ о предках Парцифалья, уводящий на восток, но поскольку первоисточник утрачен, то дальнейшие детали теряются во тьме веков.

Постепенно легенды о Граале перестали занимать внимание посвященной публики, уйдя в область народных преданий. Но тень реликвии незримо осеняла многие события средневековой Европы. Чешские табориты шли в бой под знаменем с изображением «калики» – священной чаши, в которой легко угадывается Грааль. И знание гностиков не умерло с разгромом катаров и тамплиеров – оно продолжало жить в среде многочисленных тайных орденов и организаций, которыми изобилует история XII–XIX веков.

Оно оказалось востребовано в начале XX века, когда оккультное «Общество Туле», возникшее в Германии в 1918 году, начало разработку оккультно-мистической базы национал-социализма. А вместе с учением гностиков оказался востребованным и Святой Грааль... Первоначально поиски Грааля возглавил некий Отто Ран – один из разработчиков нордической теории. В начале 30-х годов XX столетия он посетил развалины Монсегюра, но, насколько можно судить, серьезных поисков не вел, а по результатам поездки выпустил книгу «Крестовый поход против Грааля», где именует Грааль «чашей нибелунгов». А в 1937 году, после своей второй поездки в Лангедок, Ран неожиданно исчез. О его судьбе до сих пор ничего не известно. В июне 1943 года в Монсегюр из Германии прибыла большая экспедиция, которая вела работы в пещерах до весны 1944 года. И хотя она ничего не нашла, система подземных укрытий и ходов, проложенных катарами в скальном грунте под Монсегюром, по мнению археологов, позволяет надеяться на то, что Грааль может находиться там. Впрочем, недоступных тайников в средневековой Европе было очень много...

Таинственное восточное королевство Иоанна Пресвитера

В Средние века большую популярность приобрели легенды о могущественном христианском государстве на Востоке, полном всех благ мира и христианской гармонии, во главе которого стоял не менее легендарный правитель – царь-священник пресвитер Иоанн (английский *Prester John*, в русской литературе – поп Иван). Он вел свое родословие от евангельских волхвов, первыми пришедших поклониться Христу. Впрочем, пресвитер Иоанн признавался потомком как волхвов, так и святого Фомы, предположительно основавшего раннюю, а значит, подлинную христианскую Церковь в Индии. Имелись даже определенные письменные свидетельства, подтверждающие факт существования «идеальной страны». Но существовал ли этот загадочный правитель в реальности и где находилось его удивительное царство, если таковое, конечно, было на самом деле? Историки склоняются к мысли, что легенда о загадочном восточном царстве и самом пресвитере Иоанне – не более чем попытка выдать желаемое за действительное: «если такого государства не было, то его необходимо было придумать», так как в нем консолидировались чаяния и устремления средневекового человека.

Легенда о пресвитере Иоанне – полумифическом христианском правителе, жившем где-то в Индии, который играл одновременно роль короля и патриарха, распространилась с середины XII века от берегов реки Хуанхэ до Атлантики среди китайцев, турок, монголов, персов, арабов, индийцев, армян и всех европейских народов, участвовавших в крестовых походах. Период формирования легенды занимает около 400 лет. В русскую древнюю литературу легенда проникла под именем «Сказания об Индийском царстве». Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона утверждает, что основанием слуха послужил имевший место успех несторианского христианства среди племен Средней Азии, о котором писал Абуль-Фарадж. Легендарный же элемент сказания о царстве, полном всех благ мира, и о царе – священнике, идущем на защиту христиан от неверных, создавался благодаря угнетению восточных христиан турками и сарацинами.

Первое известие о пресвитере Иоанне появляется в летописи Оттона Фрейзингского (от 1145 года). Эта летопись повествует о событиях, происходивших вплоть до 1156 года. Согласно ей, в 1145 году епископ Хью из города Гебаль (ныне Джубайль в Ливане) посетил Папу Римского и рассказал ему о некоем короле и священнике по имени Иоанн, который жил в далекой стране на Востоке и происходил от одного из библейских волхвов – мудрецов, пришедших поклониться младенцу Иисусу в Вифлееме. И сам король, и все его подданные были христианами. За несколько лет до этого, одержав победу над мидянами и персами, он намеревался освободить Иерусалим от неверных, но не смог форсировать реку Тигр.

Из летописи Оттона Фрейзингского свидетельство о существовании царя-священника переходит в другие хроники. Общеизвестная версия легенды основана на двух упоминаниях о посещении Патриархом Индии, Константинополя и Рима во времена папы Каликста II (1119–1124). Трудно подтвердить или опровергнуть достоверность этих сведений, поскольку оба свидетельства были «из вторых рук», «словами со слов».

Также все ссылаются на письмо пресвитера Иоанна (подлинность которого, правда, подвергается сомнению), предположительно написанное императору Византии Эммануилу I Комнину (1143–1180).

Это письмо, появившееся около 1165 года и подробно описывавшее чудеса и богатства, поражаало воображение европейцев и распространялось в еще более приукрашенной форме несколько столетий, а после изобретения книгопечатания – и в печатном виде, будучи актуальным элементом народной культуры в эпоху Географических открытий. В письме пресвитер Иоанн сообщал, что его королевство простирается от развалин Вавилона до Индии и даже за ее пределы. В его стране, пользующейся почетом и уважением у королей 72 стран, водятся

слоны, верблюды, рогатые люди, кентавры, сатиры, великаны и легендарная птица феникс. А в самом центре владений пресвитера Иоанна находится фонтан вечной юности: тому, кто трижды попьет из него, никогда не будет больше 30 лет. Своим королевством Иоанн управляет с помощью волшебного зеркала, в котором видно все, что происходит даже в самых отдаленных уголках его обширных владений. Армия короля насчитывает 10 000 всадников и 100 000 пехотинцев, впереди идут 14 носильщиков, они несут золотые кресты, искусно инкрустированные прекрасными драгоценными камнями.

Письмо пресвитера Иоанна имело активное хождение при светских и церковных дворах средневековой Европы, несмотря на то что это, скорее всего, была фальшивка. Подкупала история о том, что армии пресвитера дошли чуть ли не до Месопотамии, но нуждаются в поддержке Запада. В Европе времени крестовых походов это порождало надежду на то, что стоит христианам чуть поднажать, и мир ислама, взятый в клещи, не устоит.

Письмо пресвитера Иоанна, быстро распространявшееся в Европе, было переведено на несколько языков, включая иврит. До сегодняшнего дня сохранилось несколько сотен копий письма. Современный контент-анализ варианта письма на иврите позволяет сделать предположение, что автор письма был выходцем из среды евреев северной Италии или Лангедока. Во всяком случае, авторство, по всей видимости, принадлежит европейцу, однако цели его поступка не вполне ясны.

Реальной подоплекой фальшивки было, скорее всего, существование многочисленных несторианских общин, осужденных на Вселенском соборе в Эфесе в 431 году и рассеянных по всему Востоку (от Багдада до Монголии и Китая). Склонность к богословским спорам вообще отличала восточно-православный мир – Византию, так же как любовь к юридическим тонкостям являлась особенностью западного мира с самого его рождения.

Несторианство было течением в раннем христианстве. Его основателем и патриархом стал Несторий Константинопольский (428–431), утверждавший, что Иисус Христос, будучи рожден человеком, лишь впоследствии воспринял божественную природу. Суть учения состоит в том, что Христос понимается как особая человеческая личность, в которой стал обитать Логос Божий. С точки зрения православия, которое видит в Христе сам Логос, это означает, что единый Христос разделяется на два разных – один из них – Логос, а другой – человек, сын Марии.

Несторий были низложен на III Вселенском соборе в Эфесе после того, как отказался именовать Деву Марию Богородицей. Согласно Несторию, Деву Марию можно было бы именовать Христородицей, потому что она родила Христа, но не Богородицей, так как Бог не был рожден. По учению же александрийского епископа св. Кирилла (главного оппонента Нестория), «единая природа Бога Слова воплощенная» включает в себя не только индивидуальное человечество Иисуса, но и всю полноту «обоожествленного» человечества – всех спасенных и спасаемых, то есть всю Церковь.

После осуждения несториане перенесли свою деятельность в Азию (в отличие от основного потока христианства, развернувшего свою работу в Европе). Особенного успеха несторианство достигло у кочевников. Так, например, кераитский хан Тогрул (Ван-хан), побратим отца Чингисхана Есугея, был (вместе со своим народом) несторианином. Могущественное ханство найманов (Западная Монголия и Восточный Казахстан) также исповедовало несторианство. Несторианами являлись уйгуры в Восточном Туркестане (современный Западный Китай). Представители течения занимали определенные позиции и в государстве каракитаев («черных киданей» – также монгольского племени) в Средней Азии и Восточном Туркестане. Их гурхан Елюй Даши разгромил в XII веке н. э. Сан-джая – султана великих Сельджукидов.

По мнению Льва Гумилева, написавшего замечательную книгу «В поисках вымышленного царства» (царства пресвитера Иоанна!), посвященную несторианам и образованию Монгольской империи, эта победа и явилась поводом для смутных представлений в Европе о

существовании христианского государства в глубинах Азии. Однако в XIII веке восточные несториане стали жертвами жестокой внутривосточной борьбы в Монгольской империи.

Поскольку слухи о чудесном королевстве пресвитера Иоанна стали распространяться как раз в эпоху крестовых походов, то неудивительно, что папа Александр III стал искать с ним союза. Во время Второго крестового похода многие рыцари верили, что пресвитер Иоанн придет им на помощь и поможет вновь отвоевать Палестину у мусульман. Доверие к упомянутым сообщениям было столь велико, что папа Александр III 27 сентября 1177 года даже направил письмо пресвитеру Иоанну через своего эмиссара Филиппа (бывшего его личным врачом по совместительству). Посланник уехал, его долго ждали, но он так и не вернулся. Больше о Филиппе никто не слышал. Что ж, миссия эта была едва ли выполнима, поскольку никто не знал, где находится загадочное королевство.

Идея о царе-первосвященнике на Востоке не могла также не прельстить и императора Фридриха Барбароссу и его окружение. Царь-священник не нуждается в папе, и, таким образом, светская и духовная власть сосредоточивались в одних руках. Отличный прецедент для борющегося с Папой императора. После взятия Милана в одном из его соборов нашли якобы мощи трех царей-волхвов, пришедших с Востока и связанных с царством пресвитера. Они были с триумфом перезахоронены в Кельне – священном городе германских королей. Вскоре в городе Аахене, где находилась гробница Карла Великого, была совершена церемония беатификации (причисления к лику святых) этого франкского императора. Но Фридриху Барбароссе необходим был ныне живущий царь-первосвященник. А тут императору удалось закончить многолетнюю войну с гвельфами на приемлемых условиях. Заключение мира ускорило и проект Третьего крестового похода (1189–1192). В походе участвовали также английский король Ричард Львиное Сердце и французский король Филипп II. Барбаросса надеялся, что, разгромив с помощью мощной армии курдского правителя Египта Саладина (Салах-ад-дина), отнявшего у Запада Иерусалим, он сможет продвинуться дальше на восток и встретить пресвитера Иоанна, который поможет германскому императору сломить всех врагов и стать единоличным главой западного мира. Однако «Господь посрамляет высокоумие мудрецов». Барбаросса погиб, находясь в гостях у своего союзника князя Льва, правителя Киликийской Армении (юг Малой Азии). Согласно общепринятой версии, немолодой император утонул, купаясь в горной речке.

Однако вера людей в существование неподвластного возрасту правителя и его чудесного царства осталась непоколебимой. С падением владений крестоносцев в Палестине слухи о пресвитере Иоанне утихают, но они возрождаются с появлением авангарда армии Чингисхана в Персии и Армении. Когда монголы в XIII веке вторглись в Палестину, христиане, населявшие остатки государств крестоносцев, верили, что Чингисхан был пресвитером Иоанном, пришедшим спасти их от мусульман. Иногда пресвитером Иоанном считали Торгул-Хана, несторианского правителя, побежденного Чингисханом. Монгольского хана Хулагу также считали то пресвитером Иоанном, то сыном его Давидом, а монголов – христианами.

Справедливости ради стоит отметить, что к этому времени в Средней Азии уже была богатая история христианства. Католические миссионеры, ездившие ко двору Чингисхана в Каракорум, а также позднейшие путешественники в течение долгого времени разыскивали в Азии пресвитера Иоанна. Плано-Карпини отводит ему место в Индии; Рубрук считает его государем разбитых Чингисханом каракиданей, смешивая Чингисхана с Ван-ханом керайтским. Марко Поло находит потомков первого пресвитера Иоанна в лице монгольских князьков, несториан, кочевавших в стране Тянь-дэ, или Тендух, в Орд осе. Монте-Корвино и Одорик Фриульский вторят мнению Марко Поло.

Но поиски заветного царства оказались безуспешными, и потому в 1487 году португальский король Иоанн II командировал Педро да Ковильяна (Петра Ковиллания) и Альфонса Паиву в новую экспедицию. Она прибыла в Абиссинию, где большинство населения исповедо-

вало ориентальное православие монофизитского толка, и признала местного царя пресвитером Иоанном (очевидно, из-за нетипичного для региона христианского вероисповедания).

Вопрос о личности пресвитера Иоанна остается открытым и по сей день. Различные истории придерживаются самых разнообразных точек зрения. Разброс мнений впечатляет.

Гербело считает его Ван-ханом, вождем кераитов, Жербильтон – одним из тибетских царей, Лакроз – Далай-ламой, Фишер – несторианским католиком, Густав Оперт и Царике отождествили его с Елюй-даши, вождем Си-ляо, Брун – с грузином Иване, жившим при Димитрии I, из династии Багратидов.

Л. Н. Гумилев в одной из работ («Поиски вымышленного царства. Легенда о “государстве пресвитера Иоанна”») подробно анализирует всю имеющуюся информацию и отрицает реальность пресвитера Иоанна. Он доказывает, что легенда о царстве пресвитера Иоанна была выдумана рыцарскими орденами Иерусалимского королевства с целью направить Второй крестовый поход в Месопотамию (легенда о сильном союзнике должна была внушить мысль о легкости предстоящего похода).

Итак, если исторические хроники не смогли сообщить нам никаких подробностей об этой личности, то, может быть, какой-то ключ к пониманию мы сможем найти в средневековой поэзии, где также упоминается имя пресвитера Иоанна? Ведь поэт иногда бывает настоящим провидцем, и потому в поэтических образах и символах нередко заключена некая доля истины.

Пресвитер Иоанн упоминается в легендах о Граале и рыцаре Парцифале. По многим деталям видно, что между главой Братства Грааля, которого поэты именуют также владыкой мира, и главой таинственного христианского государства на Востоке существует сходство.

В поэме Вольфрама фон Эшенбаха о Парцифале имя пресвитера Иоанна упоминается лишь однажды, да и то в самом конце поэмы. Там сказано, что пресвитер Иоанн – сын Фейре-фица, сводного брата Парцифала; что он, будучи священником, является и царем Индии, и что все цари Индии, наследующие трон после него, принимают это имя. Таким образом, правители этой сказочной индийской страны наследуют имя Иоанн из поколения в поколение.

Такую же разгадку тому факту, что все цари таинственного индийского государства носят имя Иоанн, дает известная легенда Иоанна Хильдесхаймского о трех царях, которую с интересом рассматривает и Гете в статьях «Три святых царя», «Добавление» и «И еще раз три святых царя» (1802).

Может быть, Вольфрам фон Эшенбах рассказал бы более подробно о пресвитере Иоанне в своем «Титуреле», но этот труд остался незавершенным. Его работу впоследствии использовал и дополнил другой немецкий поэт – Альбрехт фон Шарфенберг (XIII в.), который свою поэму «Новый Титурель» посвящает царю Иоанну и роли Грааля в Индии. В сороковой главе поэмы, где автор очень подробно изображает царство Иоанна, он, несомненно, использовал ранее упомянутое легендарное письмо пресвитера Иоанна византийскому императору, местами воспроизводя его буквально. Насколько популярно было указанное письмо, настолько же прославленным и распространенным сочинением был в свое время и «Новый Титурель», дошедший до наших дней во многих вариантах. Хотя в повествовании о пресвитере Иоанне в «Новом Титуреле» много сказочного, тем не менее оно представляет весьма значительный интерес и содержит немало таких подробностей в описании загадочного Братства Грааля, которые нашли отражение и в других источниках.

В Средние века очень популярным было описание путешествия Иоганна Мондевиля (1356), где изображено царство могущественного священнослужителя Иоанна далеко на Востоке, вблизи рая. А Иоганн Гесе в фантастическом «Итинерариусе» (около 1489) власть царя-священника Иоанна распространяет «до самых крайних пределов земли», включая в его царство и земной рай, который находится на вершине огромной горы Эдем, настолько крутой, что взойти на нее невозможно. По вечерам, когда солнце заходит за гору, видна очень прозрачная (ледник?) и красивая стена рая. В этой стране находится и чудесный остров (блажен-

ных?), называемый «*Radix paradysi*» (корень рая), где три дня пролетают, как три часа. Так воображение поэта стремится слить воедино различные представления о стране обетованной, крае всемирной гармонии.

Сказание о пресвитере Иоанне оставило неизгладимый след и в русском сознании. Интерес к таинственному Востоку всегда был присущ русскому народу, постоянно соприкасавшемуся с племенами и народами Азии. Но наиболее ярко этот Восток олицетворяла для него «богатая» Индия, страна чудес, откуда с паломниками и купцами приходили на Русь самые фантастические сведения и легенды.

Первым путешественником в Индию называют тверского купца Афанасия Никитина (XV в.), но, конечно, немало было отважных странников-дальнепроходцев и до него, о которых история умалчивает. Из самой Индии, этого неведомого края, в 1533 году впервые в Москву прибывает посол Великого Могола Бабура и вручает послание правителя Индии, в котором тот предлагает великому князю России дружбу и братство!

С тех пор взаимные контакты обеих стран становятся все более частыми. Поэтому понятно, что и легенда о восточном царе Иоанне в конце концов в русском сознании тесно сплелась с представлениями об Индии и превратилась в своеобразное «Сказание об Индийском царстве», легенду, которая с XV века была очень распространена в русской литературе и оказала влияние даже на народные традиции. Эта легенда сохранилась в 47 списках, которые часто весьма разнятся в своих деталях.

Русское сознание превратило пресвитера Иоанна в православного царя, который повсюду охраняет и поддерживает христиан; он «над всеми царями царь», и ему принадлежит все пространство, все земли; и только там, где «небо сходится с землей», там границы его государства. В пределах его страны, по-видимому, находится и земной рай. Вблизи рая раскинулось песчаное море, с высокими пустынными и необозримыми горами. По одной версии, царь Иоанн живет на острове вместе с браминами, мудрыми, благородными и высоконравственными людьми, смиренными, милосердными, все понимающими. В царстве индийского царя Иоанна из русского «Сказания...» нет ни воров, ни завистников, ни лжецов. Над этой страной, полной материальных и духовных богатств, «Бог руку свою держит». Среди величайших чудес здесь магическое «зерцало праведное»: кто глядит в него, видит все когда-либо содеянные им злые и добрые дела, и не только собственные грехи, но и все то, что любой человек совершает в доме своем, а также дружеские или враждебные действия других стран против русского народа. Во дворце хранится чудесный камень кармакаул, «господин всем камением драгим, в ночи же светит, аки огонь горит», освещаая тьму, а днем он как чистое золото (камень Грааля!). А в замке, который выстроен из драгоценных камней мудростью Соломона, друга Иоанна, сияет камень, который виден далеко в море, он ярче огня, как звезда. Там находится также «негниющее» Древо жизни. Помазанный его миром человек больше не старится, и глаза его никогда не болят. Или: если в золотой зал вносят больного, он тотчас выздоравливает – глухой обретает слух, к немому возвращается дар речи.

Помимо уже названных, в европейских библиотеках существует немало других источников, имеющих прямое или косвенное отношение к личности легендарного пресвитера Иоанна. Но все эти труды, как и сотни рукописей писем царя Иоанна и папы Александра III и др., сохранившихся в пыли архивов до наших дней, несомненно представляют собой лишь небольшую часть той литературы на эту тему, которая существовала в Средние века, но впоследствии по той или иной причине погибла.

Вряд ли их можно считать неоспоримыми доказательствами реальности этой страны – воплощенной мечты человечества о рае, но что-то все-таки не дает окончательно объявить тему закрытой.

Папесса Иоанна, или Шерше ля фам в Ватикане

— Теперь мне все ясно, — сказал отец Браун, — теперь я понял, как разворачивалась эта история с начала до конца.

«Злой рок семьи Дарнуэй». Из сборника «Недоверчивость отца Брауна». Г. К. Честертон.

После смерти Папы Римского Иоанна Павла II высказывались различные предположения о том, кто же станет его преемником. Представители радикальных кругов даже выдвигали революционные идеи о том, чтобы избрать следующим Папой Римским женщину. «Римско-католическая церковь давно нуждается в нежной женской руке», — заявляли самые радикальные. Не стоило бы, конечно, обращать внимание на это эпатажное заявление, если бы не один исторический курьез.

Предание гласит, что после смерти папы Льва IV в 855 году папский трон два года, пять месяцев и четыре дня занимала женщина, вошедшая в историю как «папесса Иоанна» (Джованна, Жанна, Анна или Агнесса Ланглау). Конечно, трудно представить на престоле Ватикана женщину. Католическая церковь того периода видела в женщине начало всех бед, причину первородного греха, ведь она толкнула Адама к грехопадению. И вдруг... женщина на Святейшем престоле!

Итак, приступим к обсуждению легенды о дочери Евы, ставшей «отцом отцов». Об этой почти мифической идеальной женщине (потому что все идеалы тянутся в сторону мифа) — женщине красивой, смелой, умной, не боящейся любить. Выяснен ли на сегодня вопрос о том, насколько правдоподобен этот образ? Некоторые исследователи пишут о ней как о вымышленной личности, вошедшей в историю благодаря романтической легенде, другие называют ее авантюристкой, а третьи посвящают ей свои литературные творения: стихи, прозу, пьесы, киносценарии. Женщина-священник — вечная мечта не только феминисток. Поэтому и гуляют по свету легенды о женщинах, посмеявшихся состязаться с мужчинами в служении Богу. Обычно их ждал не самый счастливый конец, хотя бывали и исключения. Например, стоит вспомнить библейскую пророчицу Девору, мать восьмерых сыновей, которая была Судьей Израиля целых двадцать лет. (Правда, она была избрана совершенно легитимно и не пыталась выдать себя за мужчину.) И на ответственном посту не впутывалась в сомнительные связи, которые, по большому счету, запрещены в принципе — независимо от пола.

Легенда о папессе Иоанне, согласно некоторым исследованиям, восходит к концу X века, но многие историки считают, что Иоанна взошла на папский престол двумя с половиной веками раньше, после смерти папы Льва II. Это событие пришлось на времена кризиса и беспорядков в римской епархии, подданные которой избирали папу. Царила коррупция, разногласия между знатными римскими семьями, в чьих руках была сконцентрирована власть, привели к определенным сложностям с избранием нового понтифика. По одной из многочисленных версий, дошедших до наших дней, коронация женщины стала возможна, помимо всего прочего, как раз из-за слабости знатных римских семей, которые не смогли утвердить своего кандидата. Хотя некоторые историки считают, что предание о папессе возникло как проявление антиклерикальных настроений в обществе. Есть предположение, что источник фабулы рассказа об Иоанне коренится в критической сатире, написанной позже и направленной против влиятельной сенаторши Марозии, жившей в Риме в X веке.

Итак, действительно ли представительница прекрасного пола занимала престол Святого Петра? Миф это или реальность, но история с Иоанной стала очень популярной.

В различных литературных, кинематографических, исторических и околоисторических источниках пересказывается эта история. Несмотря на энергичные протесты одних ученых,

существование папессы Иоанны подтверждается другими. В качестве аргументов «за», в частности, приводится то, что, как известно, именно она руководила работами по строительству высоких каменных стен, которые до сих пор окружают Ватикан. Еще один аргумент в пользу гипотезы – так называемый «след Бенедикта III». В самом первом известном списке пап почему-то не значилось имя этого понтифика как преемника Льва IV, его вписали позднее. Причем летописцам почти ничего не было известно о нем. Они лишь упоминали о Бенедикте как о человеке с привлекательной внешностью, не любившем показываться на людях, а еще – по одной из версий о его кончине в 858 году и о том, что его почему-то похоронили за пределами собора Святого Петра. Возможно, это и была папесса Иоанна. А возможно, это одна из шуточек Госпожи Истории или господ историков.

Зато вы не найдете ни в одном издании Римско-католической церкви упоминаний о легендарной папессе. Не ищите это имя в биографических справочниках и официальных списках пап и даже «антипап», в большом количестве выпущенных к 2000-летию христианства. Краткий эпизод краткого присутствия дамы на троне Святого Петра остается одним из самых тщательно хранимых секретов Ватикана.

Так о чем же рассказывает легенда? По одним источникам, Иоанна была молодой девушкой родом с Востока, возможно из Константинополя. Единственное, что несомненно, – она была любознательна и умна, хотела учиться, что в ту эпоху для женщины было не так-то просто – учебные заведения находились под эгидой церкви, а церковь была заинтересована в обучении мальчиков, которые в будущем могли стать священниками, а никак не девочек. Женщин на учебу не принимали. Согласно другой легенде, ее отцом был миссионер, с которым она постоянно разъезжала. Возможно, именно тогда он и понял, что мальчик – помощник и продолжатель его религиозной миссии – намного лучше, чем девочка. И Иоанна начала переодеваться в мужское платье. После смерти отца, по-прежнему понимая все преимущества мужского костюма, она больше с ним никогда не расставалась. Иоанна получила хорошее образование в области теологии и философии. Поэтому, приехав в Рим после долгих странствований, она выдала себя за монаха. Иоанна поразила своей эрудицией церковных мужей, и они – вероятно, после смерти Льва IV – помогли ей взойти на папский престол. Официально ее назвали Иоанном VIII.

Другие знатоки ватиканских мифов и интриг утверждают, что под именем папессы Иоанны скрывалась прекрасная особа благородных кровей и весьма высокого ума, родившаяся в Англии. Согласно легенде, получив начальное образование, она захотела продолжить учиться дальше, что было доступно во времена Средневековья только мужчинам, и опять ее выручило мужское платье. Именно в этом одеянии она попала в мужской монастырь, где сразу же стала выделяться среди общей массы полуграмотных монахов своей покладистостью и обширными познаниями. Предполагают, что здесь, в монастыре, она и познакомилась со своим будущим спутником по дальнейшим путешествиям, монахом из Фульды, влюбилась в него, рассказала правду о себе и стала его любовницей. Из Англии Иоанна и ее спутник перебрались в Германию, где и получили в лицее немецкого города Майнца хорошее образование.

По другой версии, влюбленные покидают монастырь, чтобы отправиться в Афины для продолжения учебы в духовно-теологической школе. Они путешествовали по Европе, посещали самые известные богословские и философские школы. Честолюбивый монах мечтал, набравшись знаний, поехать в Рим и стать кардиналом, а если судьбе будет угодно, то и самим папой. Но во время скитаний по Европе юноша заболел и умер от лихорадки, а его спутница, оставаясь в мужском обличье, поклялась на могиле друга осуществить его дерзкую мечту и отправилась в Рим, по-прежнему в мужском платье. Как уже упоминалось, это был единственный способ получить образование.

Итак, мужской костюм снова ее выручил. А может быть, у нее уже просто не было выбора. Ее никто и нигде не ждал. А монашеское одеяние, так удачно маскировавшее все особенно-

сти женской фигуры, открывало ей двери в многочисленные монастыри, где можно было переждать плохие времена и согреться, получить еду и питье. Здесь никто особо никем не интересовался, тем более что через несколько дней Иоанна уходила, чтобы найти приют в следующем монастыре.

Благодаря недюжинным способностям, ораторскому таланту и богатым знаниям чужеземке удалось получить кафедру в греческой школе. После Афин Иоанна попадает в Рим. Здесь ейгодились весь ее жизненный опыт и все знания. Она обращала на себя внимание благодаря своей эрудиции, хорошей памяти, изворотливому уму, умению работать с документами. Вскоре слава о высокопросвещенном монахе распространилась по всему Риму. «Джованни Англико» стал своим человеком при папском дворе. Иоанна успешно занималась не только церковными, но и государственными делами. Чуть позже она стала нотариусом при папском совете и заняла весьма почетную должность при дворе папы Льва IV. В то время нотариус был и юристом, и секретарем, и архивариусом, и советником в одном лице. В ее ведении были все наиболее важные документы папской канцелярии: финансовые, политические, религиозные. А в 855 году, после смерти Льва IV, Иоанна была избрана его преемником под именем Иоанна VIII.

Но природа взяла свое, и через год после избрания она обнаружила, что должна стать матерью. Молодая женщина, облаченная в папскую сутану, не выдержала зова плоти и вступила в любовную связь со своим управляющим. По другим источникам, Иоанна стала любовницей одного из весьма высокопоставленных служителей Ватикана. По самой же скандальной версии, которую высказал Эммануэль Роидис в книге «Папесса Иоанна», она забеременела от Флора – незаконного и единственного сына Льва IV. Широкие одежды понтифика скрывали последствия их греха. Но на праздник Вознесения 858 года случилась трагедия. Традиция требовала от папы обязательного участия в церемонии. Во время крестного хода папесса, одетая в свободную порфиру, была окружена сановниками и народом. В проходе между Колизеем и церковью Святого Климения (по другой версии – Латеранской базиликой) она упала, начались родовые схватки, и «папесса Иоанна» скончалась. Согласно другой легенде, ее и ребенка разъяренная толпа забила камнями. Убиенных похоронили в церкви Святого Климения (несколько лет спустя там были захоронены мощи славянского просветителя Кирилла (Константина)).

О том же, как на самом деле закончился путь Иоанны, не говоря уже о том, как прошла интронизация, источники также дают весьма сбивчивую информацию. Монах из Мальмесбури (1366) считал, что она осталась в живых, но вела жизнь затворницы, а ее сын выжил, был отдан в монастырь, принял постриг и сделал церковную карьеру: стал епископом в городе Остия. Этой же версии придерживается и Боккаччо.

Среди исторических гипотез есть и такая: в кафедральном соборе Сьены (Умбрия) в веренице бюстов римских понтификов между Львом IV и Бенедиктом III была поставлена статуя с подписью «Johannes VIII, femina ex Anglia» («Джованни VIII, женщина из Англии»). Но в 1276 году вроде бы папа Климент VIII заменил его бюстом папы Захария.

Весьма распространено мнение, что именно в интересующий нас период, примерно с X до начала XVI века, был введен занятный обычай, по которому вновь избранного папу проверяли на гендерную принадлежность. Претендента на папский сан усаживали в особое мраморное кресло (*Stella stercoria*) с отверстием в центре и деликатно обследовали, не женщина ли это. Получив подтверждение от специального служки (камерленгера): «*Testiculos habet! Mas nobis pominus est*» («Есть в наличии. Наш избранный является мужчиной»), – участники конклава устраивали «овацию» – от латинского слова «*ovum*» (яйцо) – «*Deo gratias!*» («Хвала тебе!»). Хотя более распространено мнение, что слово «овация» происходит не от *ovum*, а от *o vis*. Само слово «овация» означает принесение в жертву овцы. В Риме так назывался «малый триумф» (без колесницы и с овцой – для жертвоприношения вместо быка).

Говорят, что замечательное кресло много лет стояло в портике собора Сан-Джованни в Латерано, потом его оттуда убрали. Сейчас оно хранится в одном из римских или даже ватиканских музеев, но никто не знает, в каком именно. Скептики же утверждают, что артефакт в виде кресла с дыркой был пережитком времен Римской империи, когда великим мира сего подобало в целях личной гигиены восседать на такого рода креслах, и только. Учитывая обыкновение многих высоких особ принимать советников во время совершения «утреннего туалета» в узкофизиологическом смысле этого слова, это нормальное приспособление. Что же, возможно скептики правы, но обычай проверки пап на принадлежность к мужскому полу упоминается подозрительно часто.

Интересно, что придуманный в Ватикане ритуал проверки мужского естества очень понравился Петру Великому. Русские хроники того времени сообщают, что после смерти в 1718 году первого шутовского «князя-папы» («всешутейный патриарх», царский учитель Никита Зотов) царь, выбирая ему замену, «велел свидетельствовать вновь избранного “папу”». Он устроил прорезные седалища, на которые сажали кандидатов, и члены собора по очереди «ощупывали крепко их естество».

Рабле в своей книге «Гаргантюа и Пантагрюэль» тоже упомянул традицию щупать «яички Святого отца». По мнению некоторых источников, этот обычай просуществовал до XV века. Вероятно, Римская церковь не хотела допустить обмана. Значит, у нее были основания опасаться, как бы женщина не надела папскую тиару?..

А история папессы продолжала возбуждать писательские умы и перья.

Впервые эта необычайная история была опубликована в XIII веке, а потом она периодически вновь всплывала то у одного, то у другого европейского автора, почитавшего ее за чистую правду. «Библиография» дамы-папы обширна.

Один из первых источников, сохранившийся до наших дней, где упоминается об этой таинственной даме, – хроника Жана Мейли, доминиканца, у которого другой доминиканец – Этьен Бурбон (в некоторых переводах – Стефан или, по другой трактовке, Эстебан де Бурбон) заимствовал и поместил в своих хрониках историю тогда еще безымянной дамы, ставшей сначала нотариусом, затем кардиналом, а в довершение и папой, благодаря мужскому платью и своим способностям. Датирует эти события Э. Бурбон 1100 годом. Герой, вернее, героиня повествования «Семь даров Святого Духа» знала грамоту, много читала, начала переписывать книги. В ту эпоху, когда о книгопечатании еще никто не догадывался, перепись книг была доступна только людям, получившим духовное образование. Обладая почетным званием книжника, она становится нотариусом при дворе папы, а позже ее избирают папой. Автор не упоминает имени своего героя, но дает понять, что речь идет о женщине, так как по этой версии во время одной из ритуальных процессий папа «упала» с лошади и родила. Разъяренные церковники забросали новорожденного камнями, мать привязали к хвосту лошади и протащили по городу. Там, где она умерла, поставили часовенку со статуей красивой молодой женщины с папским атрибутом в одной руке и ребенком – в другой. Позже часовню снесли. Скептики парируют: да, был памятник «женщине», но его снесли, так как нездоровое воображение средневекового обывателя рождало, глядя на статую, еретические сказки.

Важное место занимает второй известный источник, упоминающий о папессе. Он появился в том же XIII веке – «Хроника пап и императоров» Мартина Троппау, капеллана и пенитенциария курии (ум. в 1278). Его еще называли Мартином Троппауским, или Опавским. В «Хронике» он подробно рассказывает о некоем Жанне (John of Mainz, Johannes Anglicus, natione Maguntinus, отсюда, видимо, и позднепроизводное – Агнесса), занимавшем папское кресло вслед за Львом IV (847–855) 2 года, 7 месяцев и 4 дня. Она была англичанкой, но родилась в 822 году в Ингельхайме близ Майнца. Автор предполагает, что ее родители были эмигрантами, покинувшими в свое время Англию. Далее он повествует, что Жанна влюбилась в ученого монаха-бенедиктинца. Он принадлежал к одному из самых влиятельных мона-

пешских орденов, причем слово «бенедектинец» было синонимом ученого, эрудита. Подталкиваемая любовью к мужчине и к знаниям, она сопровождает своего возлюбленного в Афины, переодевшись в монашеское платье. Приобретя обширные познания по истории, ораторскому искусству, философии, она едет в Рим, где вскоре избирается кардиналом, а затем и папой. О том, что она женщина, становится известно во время церемониального шествия от базилики Святого Петра к Латеранской – между Колизеем и церковью Святого Климения она родила ребенка. По этой версии, она умирает от родовых мук, т. к. ей не оказали медицинской помощи, и ее хоронят на том же месте. С тех пор церемониальные шествия пролегают по другому маршруту.

Кстати, горячая сторонница реальности этого персонажа Донна Вульфолк Кросс в своем романе «Папесса Иоанна» апеллирует к этому факту и предлагает взглянуть на карту. Старый путь по Via Sacra (дословно – «священная дорога»), теперь переименованной в Via St. Giovanni, гораздо короче! Правда, у скептиков свой аргумент: улица со временем просто перестала отвечать практическим потребностям – она стала узкой для прохождения участников процессии.

Другие, более поздние средневековые хроники называют папессу Агнессой, Гильбертой. Появляются красочные вариации на злобу дня. Например, в некоторых работах есть эпизод с ангелом, посланным папессе Богом с предложением выбрать из двух возможных вариантов: быть вечно проклятой или умереть быстро «в стыде» при большом стечении народа. Она выбрала второе.

В конце X века история женщины-папы докатилась до Руси. В 991 году, сообщала «несторовская летопись», киевский князь Владимир незадолго до Крещения Руси обратился с посланием к Папе Римскому Иоанну XV. Узнав об этом, Константинопольский патриарх отправил в Киев письмо, указав, что «недобро» иметь отношения с Римом, ибо там «баба была Анна папою, идучи со кресты в крещение, родила на улице и умерла... и по той улице папы со кресты не ходят. И вы того зловерия не принимайте и учению их не верьте».

В 1582 году английские купцы подарили Ивану Грозному памфлет о папе-антихристе, включавший рассказ Джона Бейля «Жизнь папессы Джованни». Царь тут же велел перевести его на русский.

В XVI веке писатель Марио Экикола утверждал, что Всевышний вознес папессу Иоанну на престол, чтобы продемонстрировать равенство между мужчинами и женщинами.

Книгу «Необыкновенная история папы, правившего между Львом IV и Бенедиктом III» в 1691 году написал Ф. Спанхейм, а в 1736-м в Гааге под заголовком «История папессы Иоанны (Жанны)» вышел ее французский перевод. «За сущую историю» считал эпизод с папессой русский историк XVIII века Василий Татищев. В 1745 году в России ходил лубок о «папе-бабе». Русский поэт Василий Капнист писал в эпиграмме 1810 года: «Чем черт не шутит? Дама там/ По райским золотым ключам/ К святым отцам/ Причлася...»

С историей папессы Иоанны созвучны происшествия, рассказанные Боккаччо в «Декамероне». К тому же знаменитой грешнице великий итальянец посвятил главу в книге жизнеописаний 106 известных женщин.

В 1464 году греческий историк Лаоникий Халкокондл подробно описал строение пролезного стула, изобретенного «по вине» авантюрной особы. В 1557 году вышел труд Верджерио «Гистория Папы Иоанна VIII, который оказался развратной женщиной и ведьмой».

26 ноября 1831 года римский поэт Джузеппе Джоакино Белли, друг Н. В. Гоголя, прочитал на вилле княгини Зинаиды Волконской в Риме сонет об Иоанне. Слышал ли его Гоголь в исполнении автора, неизвестно, но знаменательно, что вскоре к этой же теме обратился и Пушкин. В Болдинскую осень 1833 года Пушкин пишет «Сказку о рыбаке и рыбке». В ее первоначальной редакции была сцена, в которой старуха пожелала стать «Римскою Папой». В окончательном варианте Пушкин этот фрагмент опустил, а в черновиках сохранилось: «Отвечает

золотая рыбка: / «Добро, будет она Римскою Папой». / Воротился старик ко старухе / Перед ним монастырь латинский / И на стенах (латинские) монахи / Поют латинскую обедню...»

Тема «папессы» и на страницах пушкинской записной книжки в карандашном наброске, сделанном по-французски в начале 1833 года. Пушкин хотел написать пьесу в трех актах. Но вопреки всем предшествующим произведениям о папессе он переносит действие во времена инквизиции (XV–XVI вв.), придавая тем самым этой истории более трагический оттенок. Главная героиня – Иоанна (Жанна), «дочь честного ремесленника, который дивится ее учености». В плане упомянуты ее «страсть к знанию», визит ученого («демона знаний»), «честолюбие», бегство «из дому, чтобы отправиться в Англию (?) учиться в университете». Через рассказы других персонажей Пушкин собирался поведать о дальнейших событиях в жизни героини: Иоанна – «в университете под именем Иоанна Майнского. Она сближается с молодым испанским дворянином. Любовь, ревность, дуэль. Иоанна защищает диссертацию и становится доктором. Иоанна – настоятельница монастыря; она вводит строгий устав. Монахи жалуются». Пушкин подчеркивает «небывалое высокомерие» будущей папессы.

Второе действие: «Иоанна в Риме, кардиналом, папа умирает – ее делают папой. Иоанна начинает скучать». И в третьем действии – драматическая развязка: «Приезжает испанский посланник, ее товарищ в годы ученья. Они узнают друг друга. Она грозит ему инквизицией, а он ей разоблачением. Он пробирается к ней, она становится его любовницей. Она рождает между Колизеем и ***монастырем. Дьявол уносит ее».

Вот так Пушкин задумал рассказать историю папессы. Образ дьявола («демона знаний») позволяет говорить о сюжетной перекличке с «Фаустом». Жаль, что замысел еще одной пушкинской «маленькой трагедии» остался неосуществленным.

Из летописей и литературы история о папессе перекочевала в народные мифы и поверья. Легендарная Иоанна стала героиней лубка, куплетов и даже одним из важнейших персонажей гадальных карт Таро, популярных в средневековой Европе, на Ближнем Востоке, а поэтому добравшихся и до России. В Таро изображение папессы помещается среди 22 главных фигур (арканов) рядом с папой, императором и императрицей. «Папесса означает утешительница», – читаем мы в брошюре Дж. Галинари «Чтение Таро». А вот что написано в новейшем петербургском издании «Как предсказать свою судьбу» (2000): «Если при личном раскладе выпал аркан под названием «Папесса», то вам следует обратить внимание на излишнюю скромность, которой вы страдаете. Ваши способности к искусствам и науке не подлежат сомнению. Вы прекрасно разбираетесь в людях и умеете находить с ними общий язык, но вам не хватает настойчивости и уверенности в себе». Как раз тех качеств, добавим, которыми прославилась Иоанна.

Во Франции в главной библиотеке города Монпелье хранятся «Дневники снов», которые молва приписывает Иоанне.

Скандалный эпизод в «папской» истории ловко использовали лютеране при обличении Римской церкви, а потом вспоминали атеисты – от французских якобинцев до авторов антирелигиозных частушек первых лет советской власти.

Сегодня считается, что легенда о папессе Иоанне, вероятнее всего, возникла в Константинополе на почве вражды между православной и католической церквями. Теолог-кальвинист Дэвид Блондел и немецкий философ Вильгельм Лейбниц так же, как и многие французские энциклопедисты, заклеили эту историю как выдумку. Тем не менее в 1886 году греческий писатель Эммануэль Ройдиос снова пробудил интерес к этому сюжету, написав роман «Папесса Иоанна», который в 1939 году был переведен на английский язык писателем Лоуренсом Дюрелом.

В наше время старая легенда как и прежде будоражит творческую фантазию. Драматическую поэму «Песнь об Иоанне» выпустила в 1987 году россиянка Нина Локшина, в 1996 году вышел роман «Папесса Иоанна» американской исследовательницы римской истории Донны Вульфолк Кросс, горячей сторонницы реального существования женщины-папессы.

Как видите, наша героиня наделала много шума в мужском мире религии, завоеывая для женщины право на образование, а также доказывая, что и женщина может занять высокое место в обществе и в политике. Но захватывающая история о девушке, сумевшей благодаря необыкновенным талантам взойти на папский трон, не могла не появиться.

Однако сказку убивает самая прозаическая вещь – цифры. Дата на монетах папы Бенедикта III – 855 год. Тот же, в котором умер его предшественник. Между ними Иоанне просто нет места.

Или, например, монеты с портретами Бенедикта и императора Лотара, который умер 28 сентября 855 года. Значит, Бенедикт занял место папы до его смерти. Архиепископ Реймса сообщает в письме Николаю I, что его курьер в пути узнал о смерти Льва IV и передал послание его приемнику – Бенедикту III.

О Бенедикте III известно не так уж мало. Известно, что он был римлянином (а не англичанином) и что его избрание было абсолютно законным с точки зрения существовавших тогда норм. Его понтификат ознаменовался одним из первых раундов борьбы пап с императорами – выдвижением Людовиком II антипапы Анастасия. Последний известен своей деятельностью как при предыдущем папе, Льве IV, так и при одном из последующих – Адриане II. О деятельности Льва IV и Николая I, между которыми и затесался Бенедикт III, известно также достаточно. Места папессе здесь, увы, не находится.

Версия о 1100 годе как месте исторической локализации понтификата Иоанны тоже не подходит, так как здесь тоже все расписано – начавшимися крестовыми походами и борьбой за инвеституру.

Но все равно – все, что хранит память людей, живет своей странной жизнью в реальности. И сказка, которую не забывают уже столько веков, манит больше, чем скучные архивы. И вот что интересно: несмотря на, казалось бы, доказанность невозможности интронизации мифической Женщины с большой буквы, и без того немалое число желающих найти доказательства обратного только растет!

Так, может, эта история не о том, что было на самом деле, а о том, что люди очень хотят верить в то, что это было.

Балтазар Косса: пират на папском престоле

Занятно читать историю римских пап. Католические летописцы то прославляют «великих понтификов», то объявляют их злодеями, «слугами дьявола», или вообще стараются доказать, что того или иного папы не существовало. От всего этого произошла изрядная путаница в папском списке. До сего дня в нем числятся два Бенедикта IX, два Стефана II, два Гонория II... Зато где-то между 1033 и 1276 годами бесследно затерялся папа Иоанн XX! Иоанн VIII существовал дважды: как легендарная женщина на папском престоле, «папесса Иоанна», и как первосвященник, реально правивший в 872–882 годах.

А Иоанн XXIII попросту вычеркнут из истории понтификата! Его «номер» был присвоен как бы впервые кардиналу Джованни Ронкалли, избранному папой под именем Иоанна в 1958 году... Когда осенью 1958 года кардинал Ронкалли был избран коллегией кардиналов на папский престол и стал главой Западной церкви, он принял имя Иоанна (под этим именем с цифрой XXIII он и вошел в историю). Однако немногие, вероятно, знают, что задолго до наших дней уже существовал папа с таким же именем – Иоанн XXIII.

Вообще, папам по имени Иоанн особенно не везло.

Но наиболее «яркая» биография, безусловно, у «того самого», вычеркнутого из списков Иоанна XXIII (1410–1415). Его настоящее имя – Балтазар Косса, граф Беланте, владелец Искьи и Процинты. По семейному преданию Косса, их род восходил к эпохе Римской империи, и впервые имя Косса, а именно Корнелия Косса, римского полководца, упоминается в 459 году до н. э. Но к XIV веку род обеднел, а от прежних владений остался лишь остров Искья с несколькими деревнями. Доход от них позволял графам Беланте всего лишь сводить концы с концами.

Впервые будущий глава католического мира прославился как... один из самых смелых и удачливых пиратов Средиземноморья 80-х годов XIV столетия.

Старший брат Балтазара, Гаспар, был известен как «адмирал» пиратского флота, прославившийся своими многочисленными набегами на суда в Средиземноморском бассейне. Молва о нем гремела на весь Апеннинский полуостров. Слава Гаспара заставляла страдать честолобивого Балтазара. Младший брат тоже подался в пираты. В одной из операций своего брата тринадцатилетний Балтазар получил «боевое крещение». И в конце концов на этой стезе Балтазар преуспел даже больше, чем Гаспар. Он участвовал во всех крупных операциях на море и побережье и был в своей стихии, когда удавалось грабить, поджигать, угонять людей, брать пленных, в первую очередь женщин и девушек. Из них молодой пират выбирал себе все новых и новых любовниц взамен надоевших ему или отпущенных за выкуп. Братья облюбовали безлюдный остров в море и там хранили награбленные сокровища. Однако богатство, как и славу, трудно делить с другими. Став знаменитым пиратом, Балтазар Косса покинул брата и начал промышлять разбоем самостоятельно.

Но в один прекрасный день Балтазар внял совету матери, оставил пиратство и отправился в Болонью, в знаменитый университет на теологический факультет. В Болонье он быстро выделился среди студентов благодаря своим способностям. Их скоро заметили все: и преподаватели, и студенты. Он считался первым учеником на факультете, был непревзойденным фехтовальщиком и любимцем женщин. Студенты признали Балтазара своим лидером. Он был зачинщиком всех университетских авантюр и приключений.

И в любовных похождениях он был первым. За пять лет учения Косса состоял в связи со многими жительницами города. Одно из любовных приключений привело к тому, что ему пришлось бросить учебу и бежать из города. Спасаясь от погони, он вбежал в дом, принадлежавший кардиналу ди Санта-Кьяре, где увидел молодую женщину необычайной красоты.

Заметив раненого незнакомца, она не растерялась, позвала служанку и велела ей промыть и перевязать незнакомцу рану.

Женщиной этой была уроженка Вероны Яндра делла Скала. Ее дед и отец занимали пост правителя этого города, но в 1381 году в семье случилась трагедия: отца Яндры убил его брат, который захватил власть в Вероне. Спасаясь от преследования, семнадцатилетняя Яндра бежала в Болонью, где и прожила четыре года. Таким образом, в год встречи (1385) Балтазара и Яндры ей было около двадцать двух лет. Яндра с ранних лет интересовалась магией и чародейством, алхимией и астрологией, предсказаниями будущего. В те времена такие занятия считались еретическими и жестоко преследовались святой инквизицией. Яндра рисковала, но ее взял под тайную защиту кардинал ди Санта-Кьяре, поселивший девушку в своем доме и сделавший ее своей любовницей. В течение полугода кардинал укрывал от инквизиции обвиненную в чародействе Яндру делла Скала в своем доме.

Яндра спрятала Коссу от преследователей, и утром он ушел. Пораженный ее необыкновенной красотой, Косса решил добиться ее любви и на следующий день явился вновь. Однако его ожидала неудача. Инквизиция выследила «чародейку» и в то самое время, когда в ее в доме находился Балтазар, произвела налет. Косса отчаянно сражался, пытаясь вместе с Яндрой прорваться в город, где он рассчитывал затеряться в толпе. Но они были схвачены и посажены в тюрьму. Арестованных допрашивал сам великий инквизитор Италии Доменико Бранталино. Яндру обвинили в том, что она отреклась от Спасителя и поклоняется дьяволу, Коссу в том, что он ее пособник и любовник. Обоих ожидал костер.

Одной из любовниц Коссы (Име Давероне) удалось добиться свидания с ним. Она успокоила Балтазара сообщением, что казнь состоится не раньше чем через три месяца. Балтазар через Иму Даверону сумел передать весть брату Гаспару и своим соученикам. Не прошло и месяца со дня ареста, как он оказался на свободе, причем совершил побег с присущей ему дерзостью. Косса убил стражника и в его одежде вышел из тюрьмы, после чего затерялся на улицах Болоньи.

Балтазар встретился с Гаспаром, и они разработали план по спасению Яндры, предусматривавший штурм тюрьмы. Под началом Гаспара насчитывалось сто двадцать пиратов, которые могли захватить не только тюрьму, а даже весь город. Кроме того, пиратам вызвался помочь кондотьер Альберинго Джуссиано. За две тысячи эскудо он дал им в помощь сто своих наемников. В феврале 1385 года они захватили тюрьму, перебили стражу и освободили Яндру. У стен тюрьмы и внутри разыгралось настоящее сражение. Балтазар был в очередной раз ранен. Вскочив на лошадей, Косса и Яндра, сопровождаемые друзьями, вырвались из Болоньи. С группой ближайших сподвижников и Яндрой Балтазар бежал в Пизу и снова стал пиратом. Четыре года его корабли бороздили воды Средиземного моря, набрасываясь на все проходившие суда независимо от их национальной и государственной принадлежности, захватывая их экипажи и пассажиров. От нападений его флотилии страдали берега Франции, Испании и Италии, арабских стран Магриба.

Как-то возвращаясь после очередного налета, флот Коссы попал в сильный шторм. Погибли все суда и весь награбленный груз, в том числе пятьсот рабов. Вместе с Коссой в лодке спаслись только Яндра, Ринери Гуинджи и одноглазый гигант Гуиндаччо Буонакорсо. Более суток мотало их по морю, пока не выбросило, полуживых, на берег. В лодке Балтазар и Гуиндаччо дали обет, что в случае спасения станут священнослужителями. Купив у какого-то пастуха осла для Яндры, потерпевшие кораблекрушение тайно стали пробираться вдоль берега, но через три дня были опознаны жителями и, несмотря на отчаянное сопротивление, схвачены. Их поместили в подвале какого-то дворца. Случаю было угодно, чтобы во дворце в этот момент оказался папа Урбан VI, как раз ведущий борьбу с коалицией светских и духовных князей, противников его избрания. Урбану VI обманом удалось захватить нескольких карди-

налов, епископов и архиепископов и подвергнуть их пыткам, чтобы они «признали свою вину»; в этом случае можно было бы вместо них назначить своих приверженцев.

Источники не указывают имени человека, которому Урбан VI поручил следствие над кардиналами. В них говорится только, что «следствие... понтифик поручил бывшему пирату, ставшему священнослужителем». Варианты, конечно, возможны, но уж слишком бросаются в глаза совпадения. Итак, Косса, безмерно разбогатевший, отошел от беспокойной жизни пирата, а точнее – сменил ее на стезю папского тайного агента. Позднее Коссе довелось выполнять тайные поручения нескольких пап: он самолично пытал и казнил кардиналов, обвиненных в заговоре.

Вновь избранный после смерти Урбана VI папа Петр Томачелли, принявший имя Бонифация IX, был другом семьи Косса и ровесником Балтазара, но в отличие от последнего слыл безграмотным невеждой. Он немедленно назначил Коссу архидиаконом в собор Святого Евстафия для того, чтобы способный помощник был всегда при нем в Ватикане. По мнению современника и биографа Коссы секретаря Ватикана Дитриха фон Нима, Бонифаций IX не мог ничего решить самостоятельно, и всеми делами фактически заправлял Косса. Он составлял папские буллы и энциклики, писал тексты анафем, которые папа направлял своим врагам, устанавливал цены за должности, объявлял аукционы по ним и придумывал другие способы пополнения папской казны. Балтазар стал незаменимым человеком при папском дворе и пользовался выгодами своего положения. Его друзья, спасшиеся вместе с ним при кораблекрушении, а затем из крепости, получили выгодные должности, а Яндру Балтазар поселил в одном из роскошнейших римских палаццо и навещал ее по ночам, не упуская, впрочем, возможности встречаться и с другими женщинами. Он внимательно следил за изменениями в политической жизни. Когда один из противников Бонифация IX, Колонна, организовал против него заговор, Косса встал во главе папского войска. Заговорщики были разгромлены, главных зачинщиков повесили.

В благодарность за заслуги 27 февраля 1402 года Бонифаций IX возвел своего друга в сан кардинала. Уже упомянутый выше секретарь Ватикана Дитрих фон Ним писал: «Неслыханные, ни с чем не сравнимые «дела» творил Косса во время своего пребывания в Риме. Здесь было все: разврат, кровосмешение, измены, насилия и другие гнусные виды греха, против которых обращен был когда-то гнев Божий». И далее: «Только в Болонье Коссе удалось совратить более 200 женщин. Он поехал туда по поручению папы для решения различных вопросов, касающихся церкви и политики, но не забыл при этом и своих любовных дел. Любовницами его были замужние женщины, вдовы, девушки и монашки, жившие в монастырях. Некоторые из них любили его и добровольно становились его любовницами, но некоторые были грубо изнасилованы прямо в монастырях».

В начале 1403 года Косса отправился по поручению Бонифация IX в Болонью, чтобы выяснить политическую обстановку, и попутно попытался разыскать Иму Даверону, с которой не виделся восемнадцать лет. Но Имы в Болонье не оказалось. По словам ее бывшей служанки, она вышла замуж и переехала жить в Милан.

Из Болоньи Косса в начале 1403 года выехал в Феррару, где возглавил войско, которое вскоре заняло Болонью, Реджо и Парму, т. е. города, отпавшие от Папской власти и управлявшиеся местными феодалами. В этой операции Балтазар Косса проявил себя не только как способный военачальник, прекрасно разбиравшийся во всех тонкостях стратегии, но и как отличный политик и превосходный дипломат, ловко использовавший интригу, обман и предательство. В результате 25 августа 1403 года Болонья, Перуджа и Ассизи – самые богатые приходы Папской области – оказались в подчинении папского легата кардинала Балтазара Коссы. Продвигаясь к цели, Косса оставлял за собой море крови, но эта беспримерная жестокость только поднимала его в глазах Бонифация IX и кардиналов. Во всех военных походах Балтазара сопровождали двое его верных друзей, два старых пирата – Ринери Гуинджи и Гуиндаччо

Буонакорсо. Первый из них, знакомый с теологией, благодаря поддержке Коссы выдвинулся и стал епископом Фано. Ну, а Гуиндаччо Буонакорсо остался простым священником, так как даже Косса не решался дать ему более высокий сан.

В ноябре 1406 года Балтазара известили о том, что в Риме скоропостижно скончался «от апоплексического удара» папа Иннокентий VII, преемник Бонифация IX, правивший всего два года. Косса немедленно выехал из Болоньи в Ватикан. Эммануэль Фанчелли пишет: «Все знали, что папа Иннокентий VII постоянно завидовал политическим успехам своего легата и помышлял о том, чтобы лишить его управления Болоньей. И когда он умер, поползли слухи, что он отравлен Коссой и его единомышленниками. Со временем эти слухи подтвердились». Официальное обвинение в убийстве было предъявлено Коссе только в мае 1415 года на Констанцском соборе, а в ноябре 1406 года конклав по его совету избрал папой Анджеоло Коррарио, который принял имя Григория XII. Первым протокол об избрании папы подписал Балтазар Косса.

Григорий XII понимал свою зависимость от всемогущего кардинала. Он во всем советовался с ним, оставив его легатом в Болонье. Это был наиболее видный и значительный пост в папском государстве. Косса стал первым из кардиналов. Но постепенно Григорий XII стал тяготиться опекой Коссы и, чтобы ослабить его влияние в среде высших священнослужителей, назначил много новых кардиналов. Взаимоотношения папы и первого кардинала обострились. Григорий XII предал Балтазара Коссу анафеме и лишил звания и прав легата. Жители Болоньи и Романьи освобождались от клятвы верности Коссе. В ответ на это Косса объявил себя абсолютным и независимым властелином областей, которыми он ранее управлял от имени папы. Кроме того, он приступил к объединению священнослужителей и правителей государств, недовольных правлением папы Григория XII.

Известно, что 7 апреля 1378 года, впервые после семидесятишестилетнего перерыва, конклав собрался не в Авиньоне, а в Ватикане, чтобы избрать нового папу. Четыре кардинала-итальянца избрали папой архиепископа Бартоломео, принявшего имя Урбана VI, который обосновался в Риме, а кардиналы-французы, вернувшись в Авиньон, избрали папой Роберта Женевого, принявшего имя Климента VII. Так было положено начало расколу Римской церкви. Этот раскол католического мира внес необыкновенную путаницу в церковные дела: пап избирали сразу по двое, причем каждый из них называл соперника «антипапой». Так, в начале XV столетия в разных городах со своими конклавами восседали Григорий XII и Бенедикт XIII. 15 июня 1409 года двадцать четыре кардинала, десять из которых были сторонниками папы Бенедикта XIII, правившего в Авиньоне, и четырнадцать – папы Григория XII, собрались в Пизе, чтобы низложить этих пап и избрать одного. Большинство кардиналов высказалось за то, чтобы папой стал Косса. Но бывший пират считал, что его время еще не пришло, и, поблагодарив собравшихся, предложил кандидатуру критянина Петра Филарга, кардинала и профессора Парижского университета, известного своей образованностью и высокой моралью, принявшего имя Александра V.

Теперь, после Пизанского собора 1409 года, пап стало три, и каждый из них предал анафеме двух других! Григория признавали в Неаполитанском королевстве, в Венгрии, в части германских княжеств; Бенедикта – в Испании и Шотландии; Франция, Англия, Польша, Богемия, многие немецкие и итальянские государства называли «наместником Бога на земле» Александра V... Косса щедро обеспечивал Александра V средствами и при этом держал папу в полной зависимости, делая все, что хотел, и по существу управлял церковью.

В это же время Косса вновь встретил Иму Даверону. Узнав о соборе, она уговорила мужа приехать в Пизу и вот уже десять дней жила в городе, тайно приходя к дому, где поселился Косса, в надежде увидеть возлюбленного. Балтазар снял лучшее палаццо в городе, чтобы там встречаться с Имой. Их идиллия продолжалась почти месяц, пока Яндра не выследила любовников. Нанятый ею убийца четыре раза ударил Иму стилетом. Негодяя схватили и заставили

назвать имя заказчика убийства. Хотя раны Имы оказались несмертельными, биографы убеждены, что Косса отравил Яндру. Зная о человеческих качествах Коссы, в это легко поверить. Да, в общем-то, и в смерти Александра V, которая случилась по странному совпадению в один день со смертью Яндры (3 мая 1410 года), скорее всего от отравления, некоторые тоже обвиняли архиепископа Болонского. Коссе очень нужна была папская власть. После смерти Александра V теперь уже никто не стоял на пути Коссы к престолу апостола Петра. Требовалось лишь собрать кардиналов, которые утвердили бы избрание Коссы, но прежде он расправился с епископом Фано, своим старым другом Ринери Гуинджи. Он верно служил Коссе, но был любовником Яндры и сообщил ей, где живет Има, а этого Косса простить не мог. Он убил Фано в спальне его дома, после чего занялся своим избранием на Святой престол.

17 мая 1410 года собрался конклав, состоявший из семнадцати кардиналов, и большинству из них Косса обещал деньги, дома, виноградники, земли, а также самые высокие церковные посты, если они выберут его папой. После смерти Александра кардиналы сошлись на том, чтобы заменить умершего «человеком сильной руки» – бывшим пиратом, папским агентом и палачом Балтазаром Коссой. Он был избран единогласно и возведен на престол 25 мая 1410 года. В это время к нему приехала Има. Она ушла от мужа, чтобы никогда больше не покидать любовника. Теперь Косса добился, чего хотел, и занялся неотложными государственными делами.

Надо заметить, что Косса долго колебался перед тем, как принять новое имя. И в конце концов остановился на имени человека, оставившего яркий след в истории Западной церкви, человека хитрого и властного, занимавшего папский престол почти сто лет назад, – Иоанна XXII. «Именной» предшественник был энергичным, упрямым, неистовым религиозным фанатиком, мстительным, алчным стяжателем с душой инквизитора, с беспокойной фантазией мистика и мракобеса. Он был не только видным теологом, ему принадлежат также труды по медицине и алхимии. Но столь обширные знания не мешали ему, подобно многим его современникам, оставаться суеверным фанатиком. Он был абсолютно уверен в существовании Бога. Еще больше он верил в существование сатаны, считал его своим личным врагом и вел с ним упорную и бесконечную борьбу в течение 20 лет. И за это время отправил на костер, замучил пытками, обвиняя в колдовстве и служении сатане, множество людей. Имя этого папы и принял Косса.

Кресло понтифика Косса занимал недолго. Но надо отдать справедливость «джентльмену удачи», назвавшемуся Иоанном XXIII. Он попытался бороться за единство церкви. В ноябре 1414 года в вольном имперском городе Констанц под председательством папы Иоанна XXIII открылся церковный собор, где поставили вопрос об упразднении «троепапства». Однако созыв собора стал роковой ошибкой Коссы. Дело в том, что новый понтифик не утратил пиратских привычек: он накапливал огромные богатства, в частности, наладив грандиозный «бизнес» на индульгенциях – письменных отпущениях грехов, развязывал грабительские войны, предавался неимоверному распутству. В конце концов о чудовищных пороках папы заговорили и простолюдины, и князья, и короли. В ходе заседаний собора Иоанн XXIII понял, что его бурные похождения и неприглядные дела стали достоянием широкой гласности. Папский престол под ним зашатался, и он все больше и больше терял почву под ногами. Иоанн XXIII тайно отправил гонца к своему союзнику герцогу Фридриху Австрийскому с просьбой дать ему убежище в случае бегства из Констанца.

Собор в Констанце постановил, что отныне высшим церковным органом станет съезд церковных иерархов (то есть собор), которому будет подчиняться и папа. И папа решился на крайнюю меру. 20 марта 1415 года, почувствовав шаткость своего положения, Иоанн XXIII, переодетый конюхом, тайно выехал из города и направился в Шафхаузен, резиденцию Фридриха Австрийского. Приехав туда и расположившись в неприступной городской крепости, он отправил письмо императору Сигизмунду, в котором сообщал о своем бегстве. Иоанн XXIII

рассчитывал на то, что это известие приведет к роспуску собора, поскольку на нем отсутствовал папа. Но собор не распустили, а к папе направили для переговоров послов, которые должны были убедить его вернуться в Констанц, а также напомнить о том, что еще совсем недавно папа обещал отречься от престола, если это будет выгодно Церкви. В Констанце считали, что наступил именно такой момент.

Но Иоанн XXIII потребовал за свое отречение высокую плату: сохранить за ним Болонью и прилегающие к ней земли. Также он должен был остаться кардиналом с доходом в тридцать тысяч золотых дукатов в год, ему должны были выдать индульгенцию с прощением всех его грехов – не только совершенных, но и тех, которые он может совершить в будущем. Выслушав папу, послы тотчас отбыли в Констанц, где обо всем доложили императору Сигизмунду. Император, человек решительный, приказал немедленно готовиться к войне с Фридрихом Австрийским. Сигизмунда поддержали церковные иерархи, по настоянию которых собор предал Фридриха анафеме. А спустя некоторое время войско Сигизмунда, насчитывавшее тридцать тысяч воинов, выступило в направлении Шафхаузена. Иоанн XXIII и Фридрих Австрийский бежали из города, а сам город сдался на милость имперских войск, которые стали разорять и грабить владения Фридриха.

Тем временем в Констанце продолжались заседания собора, и два из них были посвящены допросам свидетелей по обвинению Коссы. Свидетели давали такие показания, что даже выдавшие виды следователи не решились внести их в обвинительный акт. Собор предъявил Иоанну XXIII обвинения из 72 пунктов, среди которых были: продажа церковных постов и санов, прелюбодеяния с женой брата, с собственной дочерью и внучкой, развращение тысяч женщин, в том числе монахинь (300 любовниц в одной Болонье!), мужеложство, угнетение бедняков, убийства, нарушение всех законов, неверие...

Однако эти обвинения предъявить было некому, поскольку Иоанн XXIII все еще находился на свободе. Обладая колоссальным состоянием, он привлек на свою сторону некоторых крупных феодалов, в том числе правителей Бургундии и Лотарингии. Но силы все же были неравны, и скоро союзники папы один за другим стали сдаваться Сигизмунду. 17 мая 1415 года Иоанн XXIII был пленен во Фрибурге, куда он бежал из Шафхаузена. А еще раньше, 14 мая 1415 года, на специальном заседании собора папа Иоанн XXIII был лишен всех прав и передан в руки правосудия. 29 мая суд вынес окончательное решение по делу Иоанна XXIII. В нем бывший папа назывался неисправимым грешником, безнравственным распутником, вором, убийцей, кровосмесителем, нарушителем мира и единства Церкви.

Коссу заключили в Готлебенскую крепость, находившуюся в швейцарском городе Тургау. Папу-расстригу ожидала камера-одиночка с единственным окном, выходившим в крепостной коридор.

Всякое общение с миром запрещалось, и единственным, кош теперь видел Косса, был тюремный надзиратель, приносивший заключенному пищу.

Новый папа Мартин V приказал перевести своего бывшего друга в еще более надежное узилище. 17 мая бывший папа был предан под неусыпный надзор давнего врага Коссы Людвига III, курфюрста Пфальцского, который заточил его в крепость Мангейм. Условия содержания в Мангейме были очень суровы. Коссу охраняли два немца. Узник же не знал немецкого языка, и заключение превратилось для него в пытку. Если бы не Има, которая, подкупая тюремщиков, навещала Коссу, он вряд ли бы выдержал обрушившееся на него испытание.

Отправленный в Тотлебен, Косса обнаружил, что там же содержится Ян Гус, преследование которого начал именно Косса. Но великого чеха сожгли заживо, а экс-папа через три года воспользовался политической ситуацией. Когда через несколько лет отношения между Сигизмундом и Людвигом III испортились, с помощью верной Имы Косса договорился с курфюрстом Пфальцским, что тот выпустит его на свободу за 38 тысяч золотых флоринов. Сумма

была громадная, но речь шла о жизни и смерти, и торговаться не приходилось. Это была лишь малая часть состояния Коссы.

Перед отъездом на собор в Констанц, где должна была решаться его судьба, папа побывал во Флоренции, где хранил свои сокровища. Он сдал богатства на хранение доверенному человеку, и отбыл в Констанц на суд кардиналов. Святые отцы католической церкви, как мы знаем, отлучили Балтазара от папского престола, но звание кардинала за ним сохранили. Вернувшись во Флоренцию, бывший папа потребовал сокровища обратно. Но доверенный человек сделал недоуменное лицо: «Мне сдал богатства на хранение Папа Римский Иоанн XXIII. Ты же – Балтазар Косса, которому я ничего не должен». Кардинал был сражен столь откровенным вероломством. Богатства он лишился. Воистину, что посеешь...

По некоторым сведениям, человек, к которому перешло огромное состояние, принадлежал к семейству Медичи. Впоследствии оно станет одним из влиятельнейших кланов Европы, вершивших судьбы многих государств и народов. А восхождение Медичи к вершинам власти началось с вероломного захвата богатства, награбленного бывшим папой во времена его пиратской молодости.

Вместе с Имой Косса сначала перебрался в Бургундию, затем в Савойю и только потом вернулся в Италию. Он остановился в одном из городов Лигурии и отправил верную Иму с письмом к своему бывшему кардиналу, теперь папе Мартину V. На тот случай, если папа по каким-либо причинам не прочитает письмо, Име был дан наказ просить влиятельных людей во Флоренции выступить ходатаями перед Мартином V. Има исполнила все в точности, и Коссе было дозволено приехать во Флоренцию.

Бывший папа Иоанн XXIII приехал во Флоренцию и был принят Мартином V. Косса на коленях просил у папы прощения, заверяя его, что он не имеет никаких претензий к новому папе и обещает никогда не претендовать на престол Святого Петра. Но, верный себе, он попросил у Мартина V откупного. И получил – красную кардинальскую шапку. И снова стал именоваться «кардиналом Балтазаром Коссой». Мартин V назначил его епископом Тускуланским и первым деканом коллегии кардиналов.

Балтазар Косса жил вместе с Имой в одном из прекрасных дворцов Флоренции. С этого времени никаких сведений о нем больше не имеется. Говорят, в последние годы жизни Балтазар каялся в своих грехах и писал философские стихи о бренности бытия...

Умер Балтазар Косса на свободе, во Флоренции 22 декабря 1419 года, и ему были устроены пышные похороны. На могиле Балтазара Коссы воздвигнута часовня – выдающееся произведение скульптора и архитектора Донателло. На могильной плите лежит позолоченная маска Коссы, ниже – герб Иоанна XXIII, под ним высечены из мрамора кардинальская шапка и папская тиара, надпись гласит: «Здесь покоится прах Балтазара Коссы, бывшего папы Иоанна XXIII».

Кровавые тайны рода Борджиа, или «Святое семейство»

Пожалуй, ни одна фамилия не оставила в сознании человечества такой след и не обросла столькими легендами, мифами, слухами и предположениями, как эта. Ни историки, ни современники так и не поняли до конца, что представляли собой эти Борджиа, один представитель которых был папой и заставлял пресмыкаться пред собой даже государей, другой казался настолько свирепым и опасным, что Людовика XII от одного его имени бросало в жар, как бросает в жар и теперь тех, кто читает повествование о совершенных им злодеяниях, а имя третьей – их дочери-супруги-невестки – стало нарицательным для обозначения роковой женщины, сочетающей внешнее совершенство с изощренным коварством.

Читая описание жизни Борджиа, вы на каждом шагу наталкиваетесь на труп, тайну, интригу, инцест и самый одиозный разврат и удовлетворение личных эгоистичных амбиций... Эти циничные и жестокие умы, холодные и страстные одновременно, возбуждали любопытство и интерес во все времена. Удивительная история семейства Борджиа интересна прежде всего тем, что раскрывает темные стороны человеческой жизни. Им приписывали всевозможные грехи, святотатство, кровосмешение, убийства. Многие из этих грехов, вероятно, были выдуманы политическими противниками всемогущего клана. Но, как известно, нет дыма без огня...

Вообще, так уж получилось, что сама фамилия Борджиа сейчас ассоциируется с одними убийцами и отравителями. Вспомним знаменитые перстни Борджиа – предмет вожделения и страсти коллекционеров. Эти ювелирные шедевры времен Ренессанса пользуются такой же мрачной славой, как и их владельцы. Сын папы Александра VI, знаменитый своей храбростью и жестокостью Чезаре Борджиа, носил перстень с огромным рубином под названием «Пламя Борджиа» и утверждал, что камень этот не раз спасал ему жизнь – видимо, потому, что под камнем находился потайной резервуар с ядом, который он и подсыпал в бокал с вином тому, кто осмеливался покуситься на жизнь хозяина перстня. Перстни, кольца, кулоны, эгреты эпохи Борджиа – не просто выдающиеся ювелирные изделия, часто это контейнеры для смертельных ядов, возбуждающих или одурманивающих веществ. Однако было бы несправедливо считать заказчиком этих смертоносных украшений только папу Александра VI Борджиа и его сына Чезаре. Любила такие игрушки и зловещая отравительница Екатерина Медичи, и герцоги д'Эсте, и клан Сфорца, и многие другие тираны, папы, кондотьеры, князья. Кстати, многие из исторических преемников Борджиа старались любыми путями добыть именно их перстни «с секретом». Что ж, видимо, и тогда была важна известность бренда. Эти драгоценные игрушки были редкостью и возбуждали не только страх, но и интерес, стремление к обладанию «полезным» украшением.

Американский писатель Чейз даже написал роман «Перстень Борджиа», в котором сюжет строится вокруг старинного кольца, принадлежавшего этой семье, кольца, из которого, в случае необходимости, выскакивала крошечная иголочка с ядом...

Фамильный герб Борджиа (Борхо) – красный бык – как нельзя более подходил для них: обуздать это мощное свирепое и похотливое животное не так просто. Согласно историческим хроникам, род Борджиа происходил из Испании, однако в этой стране никакими лаврами увенчан не был. Зато перебравшись в Италию в XV веке, стяжал громкую, хотя и неоднозначную славу: там эта семья «подарила» католикам двух римских пап – Каликста III и Александра VI.

По одной из версий, первый из них, именовавшийся в миру Алонсо, имел скандальную репутацию, поскольку много лет был гражданским мужем своей сестры Иоанны Борджиа, и якобы этой связи обязан появлением на свет Родриго Борджиа – будущий Папа Римский Александр VI, который родился в местечке Хатива, неподалеку от Валенсии, 1 января 1431 года.

Поэтому, когда Родриго появился на свет, муж Иоанны, Готфрид Ленсуоли, попросту не признал его своим законным сыном, ибо давно замечал, как

Иоанна относилась к своему брату Алонсо. Это привело к тому, что супруги разошлись, и Родриго, которому было отказано в фамилии Ленсуоли, стал называться Борджиа.

История рода Борджиа тесно связана с борьбой за папский престол, когда в мире сразу было по несколько пап, один из которых объявлялся истинным, а все остальные – ложными, антипапами. Духовная карьера Алонсо началась в 1416 году, когда ему было уже 36 лет. В то время, будучи делегатом Констанцского собора, где происходили выборы папы, он быстро почувствовал, что к чему, и проголосовал за низвержение своего благодетеля Бенедикта XIII. Действовал так Алонсо по тайному приказу короля Арагона Альфонсо V. Король Альфонсо в награду за предательство добился назначения Борджиа епископом богатой Валенсийской епархии.

Семь лет Алонсо верой и правдой служил своему королю, борясь против Бенедикта XIII, и наконец произошло то, чего он добивался: Бенедикта низложили, а Борджиа, доблестный и верный, получил от Альфонсо новую награду – должность канцлера его величества.

Спустя некоторое время Альфонсо счел нужным подружиться с очередным антипапой – Феликсом V, надеясь с его помощью посадить на трон Неаполя своего побочного сына Ферранте. Но Борджиа, уже осознавший собственную значимость, мечтал отдать это тепленькое местечко своему племяннику (а злые языки утверждали, что сыну) Педро-Луису. И как только представилась возможность, канцлер предал своего короля, за что папа Евгений IV возвел его в кардиналы.

Новый кардинал перебрался в Рим, куда к нему приехали два племянника. Один из них – Педро-Луис, второй, на год его постарше, – уже упоминавшийся выше Родриго. Итак, два молодых испанца приехали в великолепный Вечный город, шумный, более свободный и демократичный в нравах, нежели Мадрид. Племянники быстро вошли во вкус римской жизни.

Родриго изучал в Италии юриспруденцию и успешно занимался адвокатурой. Поначалу он решил специализироваться в этой области и, надо сказать, сразу же преуспел на этом поприще, стал признанным авторитетом по защите всяких сомнительных лиц и деяний. Однако адвокатура заставляла вести более строгий, чем ему хотелось бы, образ жизни. Для адвоката, который постоянно имеет дело с законом, очень много значила собственная репутация. Посему после не очень тягостных раздумий бравый и смазливый Родриго Борджиа сменил мантию адвоката на мундир военного.

Итак, в молодости он дрался, грабил, искал опасных приключений, но потом понял, что только Церковь может дать ему то положение, которого требовало его ненасытное честолюбие. Он бросает военную карьеру и вступает в монашеский орден, сея повсюду раздоры и становясь знаменитостью исключительно благодаря скандалам. Вскоре Родриго при помощи дяди возвели в сан архиепископа Валенсии, где когда-то служил Алонсо. Позже Валенсийскую епархию Родриго отдал своему сыну Чезаре, так что можно сказать, что Валенсия буквально вскормила этот знаменитый род.

Еще юношей Родриго сошелся с молодой вдовой Еленой Ваногци, подозреваемой в убийстве мужа, заставшего ее в объятиях любовника. В те времена подобные убийства случались часто и считались делом обычным. Более того, преступление Елены Ваногци скорее возвысило, чем унизило ее в глазах Родриго, для которого цель всегда оправдывала средства. Елена растила двух дочерей: старшую, очень некрасивую, имя которой неизвестно, и младшую – Розу (по одним источникам – Розу-Ванессу, по другим – Розу Ваногци деи Каттани, или Джованну, а может быть, также Елену), настоящую красавицу. Она хорошо знала о преступлении матери, но до поры до времени хранила тайну, выжидая момента, чтобы отомстить за смерть обожаемого отца...

Ждать пришлось не слишком долго. По мере того как Елена Ваногци старела и теряла обаяние, Роза с каждым днем становилась прекраснее. И сластолюбивый Родриго, сравнивая двух женщин, разумеется, отдавал предпочтение последней. Не привыкший обуздывать свои желания, он однажды потребовал, чтобы Роза стала его любовницей. Девятнадцатилетняя красавица, ничуть не оскорбившись требованиями любовника матери, загадочно ответила: «До тех пор, пока жива моя мать, я не могу отдаться тебе». Родриго понял ответ в желательном для Розы смысле и, не долго думая, поспешил уничтожить препятствие. На следующий же день Елена Ваногци скорпостижно скончалась, отравленная своим любовником. Старшую дочь сразу же насильно постригли в один из монастырей, а младшая отдалась отравителю в награду за убийство матери.

В течение дальнейших семи лет любовники, связанные преступлением, наслаждались безмятежным счастьем, не тревожимые ни малейшими укорами совести. Более подходящую пару трудно было бы найти. Когда Родриго сделал своей любовницей дочь Елены Ваногци, он был уже кардиналом, епископом Порто.

Но вот в 1455 году кардинал Алонсо Борджиа, дядя (а по слухам – отец) Родриго, воссел на папский престол под именем Каликста III и потребовал племянника к своему двору. Перед Родриго открывалась широкая дорога к достижению всех благ земных – в том смысле, как он их понимал. Он немедленно отправился в Рим, оставив Розу в Валенсии, так как опасался, что понтифик негативно отнесется к подобной связи. Однако, ощутив под собой твердую почву, папский племянник, получив звание кардинала, перевез любовницу из Валенсии в Венецию и все свободное время проводил с ней, тщательно скрывая от дяди свои похождения.

Молодой Родриго, приехав в Рим, показал всем, что он энергичный, амбициозный, жестокий и властолюбивый человек. Благодаря своим интригам он стал богатым и очень влиятельным кардиналом. Этому помогли и его многочисленные любовницы – кардинал пользовался большим успехом у женщин. Папы приходили и уходили, а кардинал Борджиа становился все сильнее, богаче и любвеобильнее.

Он не забывал о своих незаконнорожденных детях, особенно от Розы Ваногци, которая имела от Родриго четырех детей: Джованни, Чезаре, Лукрецию и Джифредо. Первый, родившийся в 1474 году, стал герцогом Гандийским. Второй, появившийся на свет в 1476 году, был любимцем кардинала, и через десять лет отец добился для него поста казначея Картагенского собора. В 1480 году родилась Лукреция, золотоволосая девочка, которая позднее приобрела ужасную репутацию, возможно, незаслуженную. Два года спустя родился Джифредо. А в 1492 году произошло событие, возведшее семью Борджиа на небывалую высоту: скончался Иннокентий VIII, и на папский престол взошел Родриго – под именем Александра VI.

Александр VI и Чезаре Борджиа вынашивают гениальные замыслы объединения Италии. Казну истощили непрерывные войны в Италии и оргии в стенах Ватикана, поэтому Александр VI в последние два года своей жизни решил расширить круг прибыльной торговли индульгенциями, чинами и кардинальскими шапками. Последняя статья была особенно доходна; здесь папа, как говорится, одним выстрелом убивал двух зайцев: получал деньги с нового кардинала и по закону наследовал имение его покойного предшественника.

Его святейшество приглашал кардинала к себе на завтрак или на ужин, пожимал ему руку или приказывал отпереть дверь, запертую на ключ, и дня через два или три кардинал отправлялся в жизнь вечную... У папы был золотой перстень, на внутренней стороне которого, если папа пожимал чью-то руку, появлялся крохотный стальной шип. Этот шип слегка повреждал кожу несчастного и выпускал каплю яда. Точно таким же механизмом были снабжены ключи у дверей или шкафов.

В каких бы феерических грехах не обвиняли Александра VI, нельзя забывать, что этот развратник, интриган и преступник был одарен ясным умом. Мы можем повторить вполне

справедливое изречение знаменитого французского писателя Жозефа де Местра, который сказал о нем: «Содержание булл этого чудовища вполне непогрешимо».

Был ли Александр VI таким чудовищем, как его описывают? Виновным в инцесте, беспринципным грешником, развратником, убийцей? Если этот человек и был таким, то он искусно заметал следы своих преступлений. Но один его грех несомненен, поскольку падре Родриго любил хвастаться им: он имел детей от своих многочисленных любовниц. Это, возможно, не было бы столь противоестественно, если бы человек, о котором идет речь, не был католическим священником, кардиналом и, наконец, папой. Однако в то время вряд ли бы нашелся какой-нибудь герцог, граф, барон или церковный деятель, который бы не имел наложниц и детей от них. Другое дело, что Борджиа не знал чувства меры. Он отличался от современников лишь количеством, а не качеством грехов.

Дети его святейшества оказались вполне достойными своего родителя.

Чезаре Борджиа – герцог Валенсии и Ромальи, принц Андрии и Венафра, правитель Пиомбино, Камерино и Урбино, гонфалоньер (т. е. главнокомандующий войсками Папской области) и генерал-капитан Святой Церкви. Его можно назвать одной из самых неоднозначных личностей в истории. В нем Александр VI нашел верного помощника и сообщника в делах государственных и любовных. Чезаре – его любимец – прославился на всю Европу оргиями, разбоем и террором по отношению к неугодным.

Чезаре Борджиа получил прекрасное образование и готовился к церковной карьере. В 1492 году его отец, взойдя на папский престол, сделал его епископом г. Памплона, в 1493-м – кардиналом и архиепископом Валенсии. В 17 лет, вопреки всем церковным традициям, он стал кардиналом. Чезаре возненавидел своего старшего брата Джованни, имевшего больше земельных владений. В 1497 году герцог Гандийский исчез. Его нашли с перерезанным горлом в Тибре. Молва сочла убийцей Чезаре, приревновавшего брата к сестре. Чезаре стал самым сильным и страшным человеком в Риме. Когда ему нужны были деньги, он просто вымогал их у какого-нибудь кардинала или аристократа, пользуясь именем своего отца. По всей Италии Чезаре оставил кровавые следы.

В августе 1498 года Чезаре Борджиа сложил сан, в октябре отправился во Францию в качестве посла папы и успешно посредничал между Александром VI и королем Людовиком XII в вопросе о разводе короля, за что тот даровал ему титул герцога Валентинуа. В 1499 году Чезаре вступил в брак с сестрой короля Наварры.

Чезаре Борджиа набрал во Франции и Наварре войско из 2000 всадников и 6000 пехотинцев и с этими силами приступил к осуществлению своей мечты – созданию в Средней Италии собственного государства. К концу 1499 года он стремительным броском взял Имолу, Форли, Чезену и ряд других городов в Романье. В 1500 году Александр VI сделал сына гонфалоньером Церкви, в 1501-м – герцогом Романьи. Чезаре наводил ужас на завоеванных территориях. Он был способен пригласить противника на переговоры, а затем убить его кинжалом или с помощью яда.

В 1503 году папа и Чезаре на пиру у кардинала Орсини намеревались дать хозяину дома отравленного вина, но то ли по ошибке, то ли из-за подкупа виночерпия вино это досталось самому папе и его сыну. Папа умер через несколько дней, а Чезаре долго и мучительно болел. Придя в себя, он скрылся с верными ему людьми в неприступном замке Св. Ангела в Риме и затем смог бежать в принадлежавший Испании Неаполь, лишившись всех своих богатств и завоеваний.

В 1504 году наместник Неаполитанского королевства арестовал Чезаре и отправил в Испанию, где король Фердинанд VI заключил его в тюрьму. Однако в 1506 году Чезаре бежал в Наварру, где поступил на военную службу к брату жены. В Наварре он быстро и жестоко подавил восстание против короля.

В 1507 году его преследовала инквизиция. Но его смерть, случившаяся в том же году, кладет конец этому процессу (он погиб при осаде замка Виана).

Макиавелли посвятил Чезаре свою книгу «Государь», надеясь, что именно Чезаре (пусть кровью, жестокостью, насилием) исполнит вековую мечту многих итальянцев – создаст сильное, свободное, единое итальянское государство.

Лукреция Борджиа... Кем она была на самом деле? Легендарной интриганкой, вершившей судьбы Европы, «вавилонской блудницей», которую обвиняли в убийствах и инцесте, и отравительницей? Или незаурядной личностью, дерзнувшей вторгнуться на территорию, куда вход женщинам был запрещен, – и поплатившейся за это? Эта золотоволосая итальянка была современницей Леонардо да Винчи, Франсуа Рабле и Христофора Колумба. Она не владела кистью, не писала романов и не открывала новых земель. И тем не менее осталась в истории на века. Историки до сих пор не могут сказать, какой в действительности была эта женщина. Да что историки, если даже современники Лукреции не имели однозначного мнения на этот счет, наперебой противореча друг другу.

Что же касается фактов, то и они достаточно противоречивы.

Лукреция родилась в 1480 году. Про нее много говорили. Так, например, ходили упорные слухи о ее кровосмесительной связи с собственными отцом и братом. Подозревали даже, что она, подобно Клеопатре, ставила любовникам ужасное условие, и за одну ночь, проведенную с ней, они расплачивались жизнью на следующее утро... Однако помимо этих сплетен, возможно, не имевших под собой реальной почвы, о Лукреции Борджиа известно еще и то, что она помогала бедным, была женщиной сердобольной и религиозной. Несколько раз она даже закладывала фамильные драгоценности, пуская деньги на благотворительность, за что в Ферраре ее уважительно прозвали «матерью народа».

О детстве Лукреции достоверных сведений мало. Очевидно, она получила хорошее образование, разбиралась в музыке, живописи и поэзии, чего, собственно, и требовало ее социальное положение. Что же касается увлечений историей и алхимией, то тогда это было модным поветрием и занимались этим практически все. Ну а владение несколькими иностранными языками (кроме итальянского и латинского) свидетельствовало не столько о широкой эрудиции, сколько об объективном положении вещей – в ту эпоху Италия, Франция, Португалия, Испания, раздробленные на отдельные княжества, существовали в смешанном языковом пространстве.

Главными же «университетами» Лукреции стали придворные интриги и дворцовая жизнь, насыщенная раблезианским колоритом. А яркая красота, горячая испанская кровь и рано пробудившаяся чувственность уже к 11 годам сделали ее желанной для многих.

Нравы в те времена были незамысловатыми и жестокими. Видимо, поэтому никто не удивился, когда два первых кавалера Лукреции один за другим отправились на тот свет. Имена убийц не являлись тайной, поскольку едва ли не всем было очевидно, что и Джованни, и Чезаре питали к своей сестре не совсем братские чувства. Быть может, поэтому кардинал Родриго поспешно отправил своих сыновей учиться подальше от сестры и друг от друга – одного в Пизанский, другого в Падуанский университеты. Но это не помогло...

В 1492 году Лукреция Борджиа родила от Джованни девочку, которую тут же отдали на воспитание в крестьянскую семью. А юную грешницу незамедлительно обвенчали хоть и с титулованным, но небогатым арагонским дворянином доном Эстебаном. Это «мероприятие» было также призвано положить конец разговорам о кровосмесительной связи Лукреции с собственным отцом, который и на шестом десятке умудрялся источать неумную жизненную энергию и сохранять живой ум. Когда же нашелся более выгодный брачный вариант, Борджиа просто откупились от сыгравшего свою роль бутафорского мужа.

По случаю превращения в том же 1492 году кардинала Родриго в Папу Римского Александра VI семья первым делом упрочила положение своих незаконнорожденных детей: Джо-

ванни получил герцогство Гандийское, Чезаре – Валенсию и Романью, а Лукреция – нового, куда более подходящего ей по положению жениха, брак с которым обеспечивал клану Борджиа необходимый политический союз с могущественным родом миланских герцогов. В то время как богатый вдовец Джованни Сфорца решил вновь жениться, Лукреции не исполнилось еще и тринадцати. Впрочем, это обстоятельство было не столь важным: будь она и постарше, ее желанием все равно никто не стал бы интересоваться. К тому же ходили упорные слухи о том, что отец выгодно использовал красоту своей дочери и, по всей видимости, далеко не всегда руководствовался в этом ее согласием. Свадьбу с Джованни Сфорца сыграли через год с подобающим событию размахом. Но уже через неделю сиятельного мужа и след простыл, а Лукреция, вопреки обычаю, за ним не последовала. Сама ли новобрачная разобралась с дражайшей половиной, или ее родня указала ему надлежащее место – неизвестно. Но Сфорца редко напоминал Борджиа о своем существовании, видимо, не желая иметь дела с семьей, за которой уже тогда тянулся шлейф недоброй славы. Пребывая в таком замужестве, Лукреция вела совершенно свободную и беззаботную жизнь. Отец обеспечил любимую дочь огромным состоянием, подарил ей дворец в дорогом квартале Рима. Дом Лукреции поражал роскошью. Был здесь и светский салон с целым сонмом поэтов, художников и музыкантов – меценатство считалось хорошим тоном во все времена.

Когда же отец семейства воцарился в Ватикане, приняв имя Александра VI, Лукреция фактически поселилась в покоях папы, ведь проживание в ватиканском дворце сулило самый большой соблазн – возможность властвовать. С тех самых пор святая обитель превратилась в эпицентр изощренного разгула, немалая роль в котором отводилась, по мнению современников, и Лукреции. Нетрудно представить, какое раздражение должны были испытывать подданные понтифика, когда, помимо прочего, его дочь принялась заправлять делами святого отца: читать папскую корреспонденцию, созывать кардиналов на коллегии, решать, кого награждать, а кого наказывать. Поведение Лукреции, равно как и попустительствовавшего ей папы, не могло не шокировать: каково было, скажем, послу иностранного государства или провинциальному епископу, добившимся приема у главы Церкви, увидеть вместо почтенного старца юную кокетку в вызывающих туалетах? Интересно, была ли Лукреция такой на самом деле? Почему отец доверял ей настолько, что позволял от своего имени решать самые сложные вопросы? Известно, что Александр VI назначил Лукрецию губернатором городов Сполетто и Фолиньо, поправ непреложное доселе правило, гласившее, что столь высокий пост мог занимать лишь мужчина с кардинальским титулом. Однако, если верить историческим свидетельствам, Лукреция показала на этой стезе весьма недюжинные способности. Например, когда вражда между городами Терни и Сполетто грозила перерасти в кровавое противостояние, она в качестве «посла доброй воли» нашла способ примирить противников. Очевидно, Александр VI направил свою дочь в бунтующие города не случайно – был уверен в уме и исключительных деловых и организационных качествах Лукреции...

Впрочем, качества эти были присущи всему семейству Борджиа. Собственные планы Александра VI – подчинить своей власти не только все земли Италии, но и ближней Европы – требовали золота. И в этом вопросе его фантазия была неистощима. Поначалу понтифик привычно пользовался опытом предшественников: объявлял новый крестовый поход против мусульман, дабы окончательно отвоевать Гроб Господень. Это давало возможность рассылать по всему христианскому миру монахов, в обязанности которых вменялось всемерно содействовать пожертвованиям на святое дело – понятно, что собранное золото оседало в кладовых семьи Борджиа. А потом папа изобрел собственное ноу-хау: на праздники приглашались знатные вельможи и богатые священники, для которых этот пир должен был стать последним: их попросту убивали, а имущество жертв конфисковывали. К тому же под рукой всегда находился виртуозно владевший кинжалом Чезаре. Однако справедливости ради нужно сказать, что предпочтение Борджиа отдавали все-таки «бескровным методам убийства».

Яд Борджиа стал притчей во языцех – сотни лет про него слагались легенды. Папские химики изготовили для Александра VI целый арсенал чрезвычайно сильных ядов. Тут и открытие Америки пришлось как нельзя кстати: во многих составах использовались неизвестные в Европе растения и корни, специально привезенные из Нового Света. Знаменитое вино Борджиа благодаря различной «дозировке» оказывало свое действие спустя разное время – от месяца до нескольких лет. Последствия отравления таким напитком по симптомам напоминали лучевую болезнь: у обреченного выпадали волосы и зубы, отслаивалась кожа, а смерть наступала в результате паралича дыхательного центра. В случае особой надобности в качестве быстродействующего и вернейшего средства клан Борджиа пользовался своим излюбленным ядом – без цвета и запаха и не имевшим противоядия. Особо же, как говорили, преуспели в изощренности обращения с отравой Чезаре и Лукреция. Чезаре носил смертоносный перстень, с внутренней стороны которого выступали два львиных когтя; вот они-то при необходимости и смазывались ядом. В момент рукопожатия Чезаре легко царапал руку собеседника внутренней стороной перстня и тут же его снимал. Утверждали, что помимо перстня Чезаре владел искусством разрезать отравленным ножом персик так, чтобы самому, съев одну половинку, оставаться невредимым, в то время как отведавший другую часть плода погибал в страшных мучениях.

Графу Джованни Сфорца, коему союз с юной красавицей принес сплошное разочарование и всеобщие насмешки, можно было только посочувствовать. Хотя судьба его хранила – он все еще продолжал жить, в то время как многим другим избранникам Лукреции везло гораздо меньше. А пять лет спустя некие высшие соображения снова побудили папу Александра VI выдать любимую дочь замуж – теперь ради упрочения связей с Неаполитанским королевством. Правда, на сей раз Лукреция совершенно неожиданно заявила, что в прежнем качестве возвращаться к отцу не намерена. Тогда он применил силу: ватиканские гвардейцы арестовали строптивницу и заточили в монастырь Св. Сикста.

С окончательно униженным графом Сфорца поступили еще более неприглядно, объявив его больным и вследствие этого супружески несостоятельным – причина для развода более чем очевидная.

Тем временем семнадцатилетняя Лукреция, ожидавшая официального расторжения супружеских уз в монастырских стенах, сошлась с камергером Педро Кальдесом, который был приставлен к ней для надзора. Любовникам довольно долго удавалось скрывать свои отношения. Связь их выдала лишь явная беременность Лукреции. Когда же ее заметил Чезаре, он в ярости набросился на совратителя с ножом прямо на глазах папы. Но, забрызгав кровью и ватиканский трон, и восседавшего на нем родителя, лишь ранил Кальдеса. И тем не менее шансов выжить у провинившегося камергера все равно не было: через несколько дней его труп выловили в Тибре вместе с телом любимой камеристки Лукреции, поплатившейся за недоносительство.

В мае 1498 года Лукреция родила мальчика, нареченного Джованни. На семейном совете было решено, что мать никогда не сможет взглянуть на сына, рожденного от презренного Педро Кальдеса. Но тем не менее младенца решили узаконить. Таким образом, на свет появились сразу две папские буллы: в одной Александр VI утверждал, что Джованни – сын Чезаре от связи с некой незамужней женщиной. Вторая булла – тайная – признавала, что в действительности «римский инфант» не кто иной, как ребенок самого папы. Этот документ Александр велел составить якобы с той целью, чтобы узаконить передачу внуку герцогства, на которое претендовал неумейный Чезаре. Когда стало известно о буллах, семья Борджиа в очередной раз подверглась всеобщему порицанию. А спустя год после развода с графом Сфорца Лукрецию выдали замуж за Альфонсо Арагонского, герцога Бисалью, из царствующего неаполитанского дома. Кроме политической перспективы породниться с арагонской династией, брак с 17-летним побочным сыном короля Альфонсо II сделал Лукрецию хозяйкой состояния, которому

могла позавидовать любая европейская принцесса. Известно, что с князем Альфонсо Лукреция жила в мире и согласии и, казалось, была к нему очень привязана.

Впрочем, так же, как и в прежние времена, герцог Бисалья отправился к себе в Неаполь, а его супруга... вновь осталась при папе, продолжая вести привычный образ жизни.

Получилось так, что выполнить задуманное – присоединить посредством очередного брака дочери Неаполь к римским владениям – папе не удалось. Тогда он объявил зятя изменником. Относительно плачевной судьбы очередного официального супруга Лукреции сообщения исторических хроник разнятся. По одной версии, Альфонсо был кем-то ранен и, заподозрив в покушении брата Лукреции Чезаре, в свою очередь попытался избавиться от опасного родственника. Но у него ничего не получилось. Зато Чезаре по какому-то малозначительному поводу придрался к Альфонсо на семейном приеме и тут же заколол его кинжалом. По другой – старший Борджиа послал к нему наемных убийц, но покушение не удалось: Лукреция несколько месяцев заботливо выхаживала супруга. И Альфонсо совсем уже было поправился, но вот окончательно выздороветь ему не удалось. Все тот же Чезаре, разметав охрану, ворвался в его покои и собственными руками задушил несчастного принца.

После неудачи с Неаполем интересы Александра VI сосредоточились на севере Италии. В связи с чем он в который уже раз подобрал для овдовевшей дочери новый брачный вариант – теперь ее мужем должен был стать герцог Феррары Альфонсо д'Эсте.

Очередная свадьба Лукреции состоялась в 1501 году. Действо было организовано вполне в традициях тогдашнего Ватикана, как свидетельствовали очевидцы, «с такой пышностью и развратом, какового не знала даже языческая древность». Спустя недолгое время Лукреция вместе со своим мужем Альфонсо д'Эсте покинула Вечный город и, как оказалось, – навсегда.

Покинув Рим, Лукреция вела в провинциальной Ферраре более чем скромный образ жизни. Словно в наказание, последний муж оказался жутким ревнивцем и постоянно вел за женой неприкрытую слежку: в герцогском дворце она жила безвыездно, как в почетном заточении. И хотя молва по-прежнему приписывает «кровавой Лукреции» жестокие деяния (например, смерть шестерых представителей знатных феррарских семей), фактами это не подтверждается.

Достоверно известно, что к новому мужу она была равнодушна, что сохранила прежнюю красоту. «Она среднего роста, с тонкими чертами, немного удлиненным лицом, у нее слегка вытянутый нос, золотые волосы, рот крупноват, сверкающие белые зубы; грудь белая и гладкая, но достаточно пышная. Все ее существо проникнуто добродушием и веселостью», – писал один из очевидцев приезда Лукреции в Феррару.

Известно также, что интереса к жизни Лукреция не потеряла – герцогский замок быстро стал одним из самых блистательных дворов Европы. Она по-прежнему щедро поощряла деятелей искусства, особенно художников, отдавая предпочтение тем, кто писал картины на религиозные темы. И похоже, что страшная слава, витавшая над кланом Борджиа и самой Лукрецией, пугала немногих – в ее доме бывали великий итальянский живописец эпохи Ренессанса Тициан и знаменитый Лоренцо Лотто (кстати, создавший прекрасный портрет хозяйки), известные поэты того времени Никколо де Корреджо, Пьетро Бембо и Лудовико Ариосто. Последний в своем «Неистовом Роланде» посвятил Лукреции хвалебную октаву.

За несколько лет до кончины Лукреция стала очень набожной, вступила в ассоциацию мирян при ордене Св. Франциска. Она перестала принимать гостей, вместо роскошных нарядов носила искупительную власяницу. И едва ли не сутками пропадала в городском храме – возможно, предчувствовала скорую смерть.

Весной 1519 года она почти не вставала с постели: очередная беременность забрала ее последние силы. Врачи решили вызвать досрочные роды, но у роженицы внезапно начались схватки и на свет появилась недоношенная девочка, умершая в тот же день. Из-за родильной горячки не удалось спасти и мать: 24 июня 1519 года Лукреция Борджиа умерла в возрасте

39 лет, последней из скандально известного дома Борджиа. Отпевал усопшую, как говорили, последний любовник Лукреции – кардинал, живший при дворе ее мужа герцога Альфонсо д'Эсте.

Лукреция – самая большая загадка семейства Борджиа. Мы никогда не узнаем, действительно ли она была организатором убийства неугодных людей, оставаясь при этом блестящей женщиной.

На ее могильной плите высекли такие слова: «Здесь покоится Лукреция Борджиа, дочь, жена и невестка папы Александра VI».

А сейчас власти расположенного на севере Италии городка Феррара, где Лукреция Борджиа провела оставшиеся годы жизни и где находится место ее упокоения, каждый год 5 февраля устраивают в ее честь торжества, сопровождаемые красочными представлениями, карнавальным шествием и танцами. Это факт может показаться странным, если учесть все вышеизложенное. Помимо этого, осенью 2004 года в римском палаццо Росполи открылась выставка, на которую фонды 54 музеев представили 234 экспоната, посвященных династии Борджиа. Организаторы действа признавали, что история этого семейства связана с различными заговорами, убийствами и инцестом, но при всем этом сама Лукреция, по их мнению, должна быть реабилитирована. Ибо скорее всего она никого не отравила и не состояла в кровосмесительных связях со своими ближайшими родственниками. Версий, призванных вернуть прекрасной итальянке доброе имя, было выдвинуто несколько. По одной из них, Лукрецию – в отместку за обвинение в супружеской несостоятельности – оклеветал ее бывший муж Джованни Сфорца, повсюду твердивший: Папа Римский потому расторг брак своей красавицы дочери, что намерен был оставить ее для себя. После чего слухи об этом пошли гулять по свету, обрастая немыслимыми подробностями. По другой – утверждалось, что у Лукреции было несколько неудачных беременностей и она вообще осталась бездетной...

Так это было или иначе, но даже сейчас, по прошествии пяти веков, вряд ли кто-то станет спорить с тем, что Лукреция, несомненно, была частью и орудием политических интриг папы Александра VI и ее брата Чезаре, распространившего влияние семьи Борджиа на всю Италию. Подлинных же документальных свидетельств, способных пролить свет на эту историю, осталось не очень много. И тем не менее жители Феррары не оставляют надежды на то, что в один прекрасный день им все-таки удастся доказать миру, что прекрасная Лукреция стала жертвой наветов, зависти, а также непомерного честолюбия и нечеловеческой гордыни отца и брата.

Таинственные суфии

*Где мудрость, утраченная нами ради знания?
Где знание, утраченное нами ради сведений?*

Томас Элиот

*Если человек с начала дня упражняется в суфизме,
он не достигает полуденной молитвы иначе как
идиотом.*

Имам Шафии

Стоит ли говорить, что человечество всегда влекло к мистике, особенно в чужой культуре! Когда мы встречаемся с упоминаниями о суфиях, приходят на ум факиры из восточных сказок. Они бедны, но могут в любой момент добыть уйму золота, излечивают все болезни, посредством своей магии вмиг переносят молодого искателя приключений в крепость, где дэв держит его невесту, и даже дают весьма дельные советы, как победить чудовище. Сказка, как известно, ложь.... Но в чем соль, если можно так выразиться, суфийских сказок? И вообще – кто такие суфии и чем вообще они так интригуют внимание человечества?!

Этот вопрос заинтересовал исследователей довольно поздно, когда расцвет мистической суфийской культуры уже прошел, большинство смогло увидеть лишь осколки ритуалов, такие как пляски дервишей «сама», хождение по углям, медитативные трансы и другие скорее экзотические, чем исторические феномены. В наши дни, когда на право духовного наставничества современного человека претендуют многочисленные религии и вероучения, слова «суфи», «суфии» и «суфизм» все еще остаются тайной за семью печатями практически для всех. Между тем, на протяжении тысячи лет сущность суфизма пытались постичь вначале ученые Ближнего и Среднего Востока, а затем и всего остального мира. Но даже сейчас утверждать, что мы знаем, кто такие суфии, мягко говоря, преждевременно. Поэтому любые попытки ответить на этот вопрос можно рассматривать как первый шаг на пути к постижению этой по-настоящему волнующей тайны...

Имеется несколько предположений относительно возникновения термина «суфи». Самое распространенное гласит, что слово «суфи» происходит от арабского слова «суф», что в переводе означает «шерсть», «власяница», «грубая шерстяная ткань». Возможно, этим словом называли людей, носивших грубые шерстяные плащи. А именно такое практичное одеяние предпочитали странствующие аскеты. Есть более изящное лингвистическое решение: термин «суфи» является производным от слова «сафо» – «чистый». Идея о том, что слово происходит от греческого «софия» – мудрость, не кажется такой уж неправдоподобной, во всяком случае, суфизм, в отличие от ортодоксального ислама, – терпимое к чужой мудрости учение. Есть также мнение, что слово «суфи» происходит от арабского слова «суффа» – «каменная скамья», где собирались сподвижники и друзья Мухаммеда. А некоторые исследователи полагают, что суфии – это племя, которое обитало в Каабе (место паломничества мусульман) и поклонялось священному камню в домусульманскую эпоху.

Мудрость, выработанную за века, суфии облекали в краткие, афористичные, легко запоминаемые притчи. Так, знакомые нам с детства сказки о Ходже Насреддине – подлинное собрание суфийской мудрости. Они легко запоминались и учили думать. Мудрость суфиев была зримой, яркой, зрелищной, не удивительно, что она привлекла огромный интерес европейцев.

Западные путешественники вплоть до начала XX века впечатлялись суфизмом, как правило, становясь свидетелями совместных молений (зикр) суфийских орденов-тарикатов или ритуалов «сама». «Сама» – это массовое действо, состоящее из чтения стихов, исполнения песен и ритуальных танцев под особую музыку. Суфии ордена Маулавийа (крутящиеся дервиши) пели, вращались на месте, впадая в экстатическое состояние. «Сама» собирали огромное число зрителей, которые, будучи захвачены происходящим, присоединялись к танцам и нередко тоже впадали в транс.

Современная наука очень серьезно относится к древним психотехникам суфизма, она до сих пор не может дать рационального объяснения их тайн, ни тем более воспроизвести результат. Суфии вылечивают болезни, от которых отказалась медицина, меняют сознание, едва ли не летают по воздуху...

В энциклопедиях суфизм определяется как «религиозно-философское учение (мистико-аскетическое течение), сложившееся в рамках ислама». Его еще называют «народным исламом». Говоря о том, что суфизм «вырос» из ислама, стоит помнить: взаимоотношения суфизма с ортодоксальным исламом отнюдь не так просты и безоблачны, как может показаться на первый взгляд. Суфии – вдохновенные мистики ислама. Они считают, что «суфизм есть переживание бытия». Отречение от мира, отказ от собственной малой личности и новое обретение ее во всеобъемлющем единении с Богом – такова основная цель суфизма, достичь которую человек может только в состоянии экстатического восторга после прохождения многих «стоянок» на «пути» к высшему совершенству. Суфии – это довольно пестрая по составу группа аскетов, отшельников, дервишей и фанатичных духовных подвижников, которые в своем религиозном рвении готовы отказаться от всего во имя веры и стремятся путем праведной жизни сблизиться с Аллахом, раствориться в нем, познать его высшую божественную истину.

Для суфизма характерно сочетание метафизики с аскетической практикой. Суфии в грубых шерстяных накидках – это своеобразные «мусульманские монахи». Появились они, как и их христианские собратья, далеко не сразу, а усиление суфизма было связано (как это было и в христианстве) с определенной реакцией ревностных поборников чистоты исламской идеи на извращение этой идеи властью имущими, в первую очередь халифами и их приближенными, уже к концу VII века далеко отошедшими от норм, завещанных пророком. Правда, сам Мухаммед к аскетизму и монашеству не призывал, считая, согласно хадисам, что монашество мусульман – это джихад. Однако он относился с уважением к аскетам и видел в воздержании едва ли не наивысшую добродетель.

Некоторые исследователи считают (об этом мы уже упоминали), что суфии как таковые существовали и до ислама, но само учение определенного названия не имело. Другие утверждают, что ранний этап развития суфизма приходится на VII–X века, в это время он, отделившись от аскетизма, сложился во вполне самостоятельное религиозно-философско-нравственное учение.

У истоков суфизма – наряду с догмами Корана – стояли и некоторые другие учения. Благодаря Мухаммеду и его последователям на обширных пространствах Востока главенствующей религией стал монотеистический ислам. И именно исламу было суждено стать мостом между христианским западным миром, впитавшим в себя эллинизм и иудаизм, и мирами Будды и Лао-цзы, откуда было заимствовано само понятие «Путь» и некоторые сопутствующие этому понятию взгляды, а также медитация, используемая суфиями. Суфизм шел от практики к теории, от чувственного опыта к канонам. Он базируется скорее на познании, нежели на доктринах, и первоначально его носителями были дервиши-странники, бродившие по необъятным просторам мира от Гибралтара до Ганга. «Ветер переносит свободные семена туда, где они прорастут, если для этого есть возможность. Постороннему наблюдателю действие ветра может казаться враждебным по отношению к семенам. Но в чем же тогда функция ветра, если не в том, чтобы обеспечивать семена движущей силой, в которой они нуждаются?» Эти слова

суфийского шейха Бахауддина иллюстрируют в каком-то смысле «космополитизм» суфийского знания. Так что нет смысла территориально привязывать или искать его в каком-то определенном регионе. Суфийские ордена или братства редко привязываются к месту или ко времени, ибо сама привязанность к чему-либо противоречит суфизму. Учитель может дать свою бараку (очень многозначное понятие – это и благословение, и жизненная эссенция; смысл бытия, дух; нечто, с чего все начинается) и отправить ученика за тридевять земель, и тогда идеи этого братства дадут ростки уже совсем в другом виде и месте.

Первые религиозные общины суфиев появились в Ираке (Куфа, Басра, Багдад) и Сирии, затем они быстро распространились от Испании до Индии. Но ни тогда, ни на дальнейших этапах своего развития (X – конец XII в.; XIII–XV; XVI–XVII вв.) суфизм не стал стройной, четко сформулированной и строго определенной системой взглядов. Особенно отчетливо это проявилось в период расцвета суфизма – после X века. Тогда он вобрал в себя и адаптировал идеи античной мистико-идеалистической философии и христианской теософии, соединив их с местными культовыми традициями и народными верованиями языческого толка. Среди учений, которые вобрал в себя суфизм, историки называют и неоплатонизм с его тезисом о божественной эманации, о предметах мира как зеркале, в которых отражается божественное. Несомненно также и влияние на суфизм индуизма, манихейства и буддизма. Наконец, сыграл свою роль христианский аскетизм, пример которого был столь ярким и живым, особенно в Египте и Сирии. Также суфизм был обогащен заимствованиями из иудаизма: существовали контакты между ранними аскетами Басры и еврейскими хасидим («благочестивыми мудрецами»), а в суфийской литературе вообще «благочестивцы из числа детей Израиля», частично действительно существовавшие, а частично выдуманные, были излюбленной темой поучительных рассказов. Малик Ибн Динар, глава второго поколения иракских мистиков, обильно цитирует еврейские источники. В свою очередь, отчетливые следы суфийского влияния обнаруживают стихи Шломо Ибн Габироля, написанный в 1075 году на арабском труд Бахьи «Обязанности сердца». Это произведение знаменует восприятие иудаизмом мусульманской «аскетической теологии». Переведенные на иврит «Обязанности сердца» стали самой популярной еврейской книгой о религиозном благочестии.

Все эти взаимовлияния, переработки на исламской основе породили синтез, ставший затем основой суфизма.

Таким образом, суфизм – не только продукт влияния других культур, он сам был серьезным фактором влияния на неисламскую цивилизацию. Вообще-то говоря, если присмотреться к европейской культуре, то многие значимые явления имеют восточное происхождение. XII–XIII века – время крестовых походов и Реконкисты в Испании являются также временем активного проникновения в Западную Европу культуры Востока. Следы исламского влияния отчетливо видны в архитектуре: так, например, стрельчатый, или готический, свод, давший название целому архитектурному стилю, по мнению некоторых историков, берет свое начало в арабской архитектуре. Решающее влияние на поэзию трубадуров оказала поэтическая традиция соседней арабской Испании. Великий Данте и многие из его литературных современников использовали в своем творчестве символы и выражения, заимствованные из персидской и арабской суфийской поэзии. Известный современный исследователь и интерпретатор суфизма Сейид Идрис Шах доказывает, что под явным суфийским влиянием находились Августин, Франциск Ассизский, тамплиеры, английский поэт Чосер и немецкий поэт и мыслитель Гете. Считается, что суфиями были многие великие персидско-таджикские поэты, такие как Саади, Хафиз, Омар Хайям. Сказки 1001 ночи, анекдоты о Ходже Насреддине, роман Сервантеса «Дон Кихот» – все это создано под сильным суфийским влиянием и имеет тайный, скрытый от непосвященных смысл.

Что касается науки, то некоторые из естественно-научных отраслей знания были в полном объеме заимствованы Европой у исламской цивилизации. Химия, например, до сих

пор сохранила свое арабское наименование. Алхимический (и шире – герметический) бум в Европе был подготовлен сочинениями, которые стали переводиться с арабского языка на латынь начиная с XII века. В 1085 году Геральд Кремонский даже основал в Толедо специальную школу, где арабские рукописи переводились на латынь и изучались.

Если взять астрономию, то ее технические термины во всех европейских языках по большей части свидетельствуют об их арабском происхождении. В астрологии же до нашего времени названия большинства небесных тел арабские. Через мусульманских посредников в Европу попадает также множество технических изобретений: водяные и механические часы, порох, бумага, магнитная игла, астролыбия и др. Относительно математики можно сказать, что не только употребляемые европейцами цифры, известные как арабские (хотя они индийского происхождения), но и целая математическая наука, неизвестная античности, – алгебра, имеют своим истоком мусульманский Восток.

Некоторые страницы произведения францисканского монаха XIII века Раймунда Луллия (по признанию многих математиков, он стоял у истоков современной комбинаторики и информатики) – причем одни из самых важных – кажутся цитатами из работ выдающегося мыслителя мусульманского Средневековья, богослова и суфийского философа Мухьи-ад-Дина Мухаммада ибн аль-Араби (1165–1240). Хотя вопрос о прямом влиянии или заимствовании идей «Величайшего Учителя» (шейх аль-акбар), как называли его исламские авторитеты, в научном мире до конца не решен и в наши дни. Но многие чертежи арабского мыслителя, да и само название его работы «Изображение окружностей, охватывающих подобие человека Творцу и сотворенному миру» явно перекликаются с содержанием работы Луллия «Великое искусство», в которой приведены чертежи и «правила пользования» логической машиной. Луллий знал арабский язык и большую часть своих трудов написал на нем, он испытывал сильное влияние суфизма. Как признавал сам Луллий, его «Повесть о любящем и любимом» написана по суфийскому образцу. «Луллий не только изучал суфизм практически, занимаясь определенными упражнениями, но и передал это знание дальше...» – отмечает Идрис Шах.

Идеи суфизма стремительно распространялись и по всему мусульманскому миру, несмотря на открытую, а порой и яростную борьбу с ним официального духовенства. Суфии пытались указать людям прямой путь к Богу, и это вызвало враждебное к ним отношение исламских богословов-ортодоксов. Суфии стали подвергаться преследованиям, и среди них появились мученики, пострадавшие и даже казненные за свои убеждения. Но, как это уже не раз бывало в истории человечества, репрессии только повышали интерес к запретному и преследуемому учению, оно становилось более массовым. В этих условиях ортодоксальные исламисты нашли единственно правильный выход: признали учение суфиев одной из ветвей ислама и таким образом легализовали его. Со временем к суфиям привыкли. За свою святость и преданность вере, за ревностное служение Аллаху и жертвы ради него они приобрели уважение мусульман, видевших в контакте с дервишами, в подавании и услужении им верное средство приобщиться к их святости, приблизиться к Аллаху. Постепенно суфии стали чувствовать себя в исламском мире более уверенно; официальные власти признали их и, более того, стали широко использовать их авторитет и призывы подчиниться воле Аллаха.

К IX веку суфизм обрел зрелые черты, появились весьма любопытные социальные образования – своеобразные центры суфизма в виде постоянных дворов для странствующих суфиев. Эти обители назывались ханака, или рибат, и служили неофициальным клубом по интересам. В ханака какое-то время жили и обменивались духовным опытом ищущие Знания, сюда же приходили отшельники-аскеты и ученики. Таким образом, разнообразные духовные практики становились доступными большому числу желающих и как следствие, происходила их систематизация и описание. Таким образом, община-ханака сочетала в себе одновременно несколько функций: мечети, караван-сарая, школы и базара.

Если ранний суфизм существовал как бы параллельно с жизнью обычных людей, то «развитой» суфизм – максимально этой обычной жизни бежал. Не отказываясь от традиционных общемусульманских практик, мистики сдабривали их экзотическими упражнениями вроде сорокадневного поста в могильной яме или моления вниз головой. Кроме того, желая посвящать как можно больше времени духовным упражнениям, мистики отказывались от создания семьи и активного участия в общественной жизни. Ученик не обучался в традиционном понимании, а овладевал в меру своих сил и способностей предлагаемым методом, внимая учителю, наблюдая за ним и повторяя его действия.

Но даже самым необычным людям понадобились некие правила, когда они стали проживать на одной территории. Скорее всего, первые правила общежития в ханака сначала имели хождение в устной форме, определяясь традиционными нормами сосуществования под одной крышей и отношениями «хозяин – ГОСТЬ». Но в XI веке появляется подробный кодекс, приписываемый знаменитому хорасанскому мистiku Абу Саиду Абу-аль-Хайру Майхани (967—1049). Каждый из десяти пунктов кодекса был подкреплён ссылками на Коран и касался повседневных мероприятий. Это рекомендации к совместному проведению всех мероприятий. Например, не рекомендовалось даже покидать ханака, не оповестив перед этим собратьев. То есть в объединении суфийских мистиков появляются характерные черты религиозного ордена. Вообще, сходство суфиев с христианскими монашескими орденами – или, точнее, рыцарско-монашеских орденов с суфиями – настолько бросается в глаза, что не заметить этого невозможно. Например, тамплиеры, будучи христианами, много почерпнув из восточной мудрости, не обошли своим вниманием и суфийскую систему. Считается, что помимо очевидных, декларируемых целей, как, например, защита христианских паломников, у тамплиеров были и некие тайные цели. Одна из них – делать все возможное для налаживания связей между христианством и исламом. Существует ряд документальных подтверждений того, что, несмотря на постоянные военные столкновения между войсками христиан и мусульман в Святой земле, существовали – и весьма тесные – контакты между тамплиерами и некоторыми исламскими братствами Востока. Известно, что тамплиеры подписывали тайные договоры с мусульманской сектой исмаилитов, что и было продемонстрировано несколько раз во время стычек между арабскими и тамплиерскими частями, в которых обеими сторонами было продемонстрировано истинно рыцарское отношение друг к другу. Также были контакты и с братством ассасинов, тайным братством, ответвлением исмаилитов, сформировавшимся около 1090 года под руководством Хасана ас-Саббаха – «Старца горы». И уж точно существовала определенная связь с суфизмом. Поэтому организация братства Нуасуфиев и его правила весьма походили на организацию и правила тамплиеров.

Расцвет суфийской традиции совпадает по времени с расцветом ордена Храма. Однако самые знаменитые суфийские братства возникли между XII и XIV веками. Истинным веком суфизма называют XII век. Поэтому весьма вероятно, что именно в этот период тамплиеры, выполняя миссию, о которой говорилось выше, тщательно собирали всю возможную информацию о духовных аспектах ислама. Теоретики раннего суфизма, как и многие другие восточные мудрецы, считали целью своего учения нравственное совершенствование человека, а не создание массовых организаций, участвующих в политической жизни стран и народов. И именно политическая «незаангажированность» учения привлекла к нему крупнейших интеллектуалов исламского Возрождения – ученых и поэтов. Также влекла их и глубокая терпимость этого учения, допускающего любой, лишь бы искренний, Путь к Богу! Этот сильный гуманистический порыв открыл суфизму путь к сердцам европейцев.

Тогда много говорили о наследовании традиций религии Авраама через Мелхиседека. Это наследие, как считают некоторые ученые, постепенно превратилось в основополагающие учения христианства, ислама и иудаизма. И именно св. Бернارد и тамплиеры якобы должны были воссоединить их. Однако успеха в воссоединении этих ветвей религиозного авраами-

ческого учения тамплиерам не было суждено достигнуть. Хотя им удавалось поддерживать постоянные контакты с исламом и воспринимать некоторые его положения, о чем уже говорилось выше. Через секты ессеев и каббалистов тамплиеры восприняли также некоторые элементы иудаизма – и все это, вместе взятое, определенным образом стимулировало духовность жителей Запада в течение всех последующих веков. Впоследствии много времени посвятили изучению суфийских практик и правил также мальтийские рыцари, но эта история принадлежит уже не Средневековью.

Постепенно на отношения внутри духовного сообщества ханака переносится модель патриархальных отношений внутри обычной семьи: старший по возрасту шейх – отец, ученики одного возраста – старшие братья, более молодые – младшие. Иначе говоря, в кругу общины происходит постепенное разграничение функций, как среди учителей, так и среди учеников, то есть формируется иерархическая лестница, основанная на послушании старшим.

Ханака меняется, ее устройство усложняется. Само духовное сообщество шаг за шагом все более обособляется, подчеркивая свою элитарность и избранность в обладании духовным знанием. Теперь в него так просто не войти. Чтобы стать его членом, нужно пройти испытательный срок и обряд посвящения. И теперь ханака начинает взаимодействовать со светской властью и во многих регионах получает от нее поддержку и финансирование. Но, несмотря на появление иерархии, напрямую называть суфийские объединения орденами не очень корректно. Суфизм создает иерархию во главе с шейхом, но учитывает существование неких скрытых духовных лидеров. В настоящем ордене Великий магистр один.

Кроме осевших в ханака остаются странствующие суфии, их-то, как правило, и знают как легендарных странствующих дервишей и бродячих мудрецов, у которых есть ответы на все вопросы. Всем известен суфийский термин «дервиш». Это слово обозначает нищего, который ходит от двери к двери, прося подаяние. Полагают, что первоначально слово производилось как «дарвиз» и происходило от «даравиз» – «тот, кто держится за дверь». Когда слово «дервиш» используют для обозначения духовной нищеты и нужды в Боге, оно синонимично словам «суфий» и «факир», и потому при переводе на персидский язык арабское «факир» замещается на персидское «дервиш». Суфийская традиция рассматривает странствующих дервишей как ищущих и минимально связанных с миром, а осевших в ханака – как нашедших и связавших себя с миром. Эти две категории как бы дополняют друг друга: странствующие суфии приносят в ханака новые методы мистического познания, а в ханака знания систематизируются и сохраняются. Путешествие является основной духовной практикой странствующего суфия и символизирует его отказ от привязанностей и потребностей. В пути с собой у него только необходимый минимум вещей: посох, молитвенный коврик и сосуд для омовения. Внешней целью его путешествия могут быть либо хадж, либо посещение ханака для встречи и обмена знанием.

Суфийские идеи внесли в ислам глубинную духовность, смягчив его жесткий рационализм, заставили по-иному взглянуть на человека, его роль и место в обществе и природе.

Помимо интеллектуального суфизма – этого царства теологической и теософской философии – в тесном взаимодействии с ним развивался суфизм прагматический, также представленный многими течениями и направлениями, которые, в принципе, сводятся к двум основным школам. Обе они разработали «на практике» и философски обосновали идею возможности интуитивного общения с божеством, воплотив ее в реальные психотехнические приемы.

В позднее Средневековье и потом отношение к суфизму нередко менялось от государственной поддержки к неприятию ортодоксальным мусульманством. Примерно в 1740 году Мухаммед ибн-Абд аль-Ваххаба, основатель ваххабистского движения, вновь начал кампанию против суфизма, обвиняя его в идолопоклонстве. Его последователи разрушили множество могил шейхов в Аравии. В Турции влияние суфизма было огромным, существовало множество

суфийских общин. В XX веке светское националистическое правительство Ататюрка запретило суфийские братства и проведение массовых обрядов у могил шейхов.

К 1920 году все мусульманские страны, за исключением Турции, Персии, Саудовской Аравии и Афганистана, были завоеваны и обращены в колонии. С разрушением структуры местного самоуправления суфийские братства начали играть важную роль и во многих местах стали очагами сопротивления. Отношение колониальных властей к ним было двояким: с одной стороны, они боялись влияния религиозных лидеров, с другой – осознавали, что, заключив мир с религиозной властью, получают относительно стабильную обстановку. Так, французские завоеватели укрепили суфийский орден Рахмани, чтобы он превратился в повсеместную церковь. А британцы широко взаимодействовали с многими суфийскими общинами в Пенджабе, тем самым закрепляя их власть.

Сегодня суфийский ислам, вобравший в себя мудрость еврейской Каббалы, духовную глубину брахманизма и Лао-цзы, тайные обряды европейских рыцарских орденов, противостоящим воинствующим радикалам-мусульманам, многие суфийские шейхи воюют с исламским фундаментализмом не щадя сил. Суфии понимают: либо что внешняя (со стороны немусульманских стран) борьба с фундаментализмом может привести к тому, что ислам будет запрещен, подобно нацистской идеологии, без различия теологических тонкостей. Если же победит ваххабизм, тогда будут запрещены суфийские ордена, как носители опасной ереси вольнодумства. Потому что суфизм в первую очередь учит верующего мыслить, а фундаментализм запрещает не то что самостоятельно мыслить, но даже изучать комментарии к Корану – чтобы лишние мысли не появились в голове.

Суфизм – это живая религия. Чтобы понять это, достаточно посетить, например, Пакистан в период какого-нибудь традиционного праздника. В этой стране очень лояльное отношение к суфизму со стороны властей, и нередко во время обрядов у могилы шейха присутствуют отцы города с губернатором во главе. Вполне здравомыслящие умеренные мусульмане в своих представлениях о мире во многом «совпадают» с суфиями.

Все сказанное относится к историческим судьбам суфийского учения, однако не дает ответа, как стать суфием. «Суфи нельзя стать – им нужно быть! И первая цель суфийского учения – помочь человеку, не знающему о том, что он суфи, постичь свою суфийскую сущность», – говорит современный суфийский мудрец Идрис Шах.

«Быть суфи означает быть таким, каким ты был до того, как появился в этом мире», – сказал по этому поводу знаменитый суфи, багдадский шейх Абу-Бакр ас-Шибли.

«Я никогда не принадлежал ни стране, ни государству, ни кругу друзей, ни моей семье. Еще юношей я уже ясно осознал бесплодность надежд и чаяний, исполнения которых большинство людей добиваются всю жизнь», – писал Альберт Эйнштейн, сам не догадываясь, как по-суфийски это звучит.

Иранский теоретик и историк суфизма ал-Худжвири из Газни еще в XI веке предвидел судьбу своего учения. Он писал в книге «Раскрытие скрытого за завесой», что на Земле во все времена жили и будут жить несколько тысяч «тайных суфи», причем многие из них даже не будут догадываться о совершенстве своего состояния.

Именно эти люди придают истории человечества определенную направленность, обеспечивая ее приближение к Истине.

Путь к своей цели «тайный суфи» может пройти с учителем, и тогда он, возможно, будет более легким, приятным и скорым. Но этот же путь может быть пройден самостоятельно, ибо великие суфийские учителя прошлого – Ибн-Араби, Манайи, Хайям, Саади, Аттар, Руми, Хафиз, Джами, Ансари и многие другие – оставили на нем свои знаки для идущих вослед. Но этот самостоятельный путь окажется, возможно, более трудным, отягощенным колебаниями и сомнениями... Когда же первая цель достигнута, и человек осознал себя, ему начинается откры-

ваться иной мир, иная Вселенная, та самая, что, по словам ал-Худжвири, скрыта за завесой людской суеты.

Вторая и главнейшая цель суфийского учения – помочь суфию в его восхождении к Истине. Путеводная звезда в этом движении едина для всех суфи, и имя ей Любовь. Значение Любви в суфийском мировоззрении так огромно, что великий шейх ибн-Араби и его последователи называли суфийское мировоззрение «религией Любви».

Мистические практики суфиев, их методы психотехники сейчас очень популярны в разных странах. Суфийская традиция обогатила мир своей поэзией, музыкой и притчами, наслаждаться которыми можно независимо от вероисповедания. Методы обучения суфиев популярны среди современных духовных искателей из-за своей динамичности и изящества. Трудно представить современного человека, живущего в пещере, не обремененного никаким имуществом. Но суфийская традиция дает широкую трактовку понятия «бедность». Очень хорошо об этом сказал Кушайри: «Суфий ощущает себя бедняком, когда богат, смиренным, когда могущественен и неприметным, когда знаменит». Он также замечает, что тот, кто не просто владеет вещами, а ценит их, рано или поздно станет их пленником и будет недоступен для божественного мира. Современный суфий не отказывается от благ материального мира, более того, во многих современных суфийских школах необходимый этап обучения – это достижение благосостояния. Потому что нет особой заслуги быть скромным, когда ты просто не можешь себе позволить роскошь. В суфийской традиции нет потакания слабостям, это путь для трудолюбивых и выносливых.

«Окруженный стеной сад Истины» – так назвал свою книгу Санайи, великий суфи и поэт из Хоросана. Нужно попытаться найти дверцу в этой стене и открыть ее. Удастся это не всем. Попав в конце своей жизни под мощное влияние суфийской поэзии, Сергей Есенин писал:

...В Хоросане есть такие двери,
Но открыть те двери я не мог.

Путь в сад Истины у каждого свой, и найти его непросто, но искать необходимо. И в завершение – современная суфийская притча. Возможно, она не столь изящна, как притчи эпохи аль-Газали, но поможет понять суть современных суфиев.

«Маленькая лягушка угодила в глубокую колею на дороге. Она долго прыгала, пытаясь выбраться, наконец обессилела. Ее старшая сестра сидела сверху, но ничем не могла ей помочь. На дороге появился человек, он склонился над лягушками и заговорил на их языке. Старшая лягушка поведала ему про их беду. Человек разогнулся и посмотрел вдаль.

– Скоро твои мучения кончатся, – сообщил он маленькой лягушке. – Вон едет огромный грузовик!

В тот же миг маленькая лягушка выскочила из колеи».

«Старец горы» и ассасины

*Рай покоится в тени сабель.
Хасан ас-Саббах, «Старец горы»*

Имя ассасинов, или хашишинов, секты таинственных убийц, некогда возникшей на мусульманском Востоке, во все времена внушало ужас. Они своим презрением к смерти и настойчивостью в достижении цели сумели внушить трепет правителям. Они расправлялись с любым, кто был противен их вере или ополчался на них. Они объявляли безжалостную войну любому мыслившему иначе, запугивая его, а чаще убивая, – язык кинжала красноречивее углов. Их имя с давних времен вызывало трепет, потому что означало скорую неминуемую смерть из-за угла. С жертвами ассасины расправлялись неожиданно, исподтишка. Секретная террористическая организация с жесткой внутренней иерархией и дисциплиной, фанатичной преданностью своим лидерам в результате своей деятельности и окружавшей ее мистической атмосферы приобрела влияние, совершенно не соответствовавшее ее численности. Лет двадцать назад авторы немецкой «Энциклопедии Бертельсмана» с удивлением отметили: «Некоторые военизированные подпольные организации в исламских странах, ведущие борьбу против «неверных», считают своими предшественниками средневековых ассасинов». Тысяча лет прошла, а дело их живо! Так кто же они, ассасины?

По отношению к традиционному исламу ассасины составляли секту внутри секты – низаритское ответвление исмаилитского крыла шиитского толка, секту, достаточно сильную, чтобы образовать собственное государство, существовавшее больше полутора веков (до 1256 года) на территории нынешнего Ирана. Во главе их стоял человек, носивший титул «Горного Старца», – Хасан Рашид ад-Дин ас-Синан ас-Саббах. Низариты, боровшиеся за свое существование во враждебном им (и притом исламском) окружении, стали применять жестокий террор, направленный на мусульман других толков. Кроме того, сирийские низариты участвовали также и в открытой, и в тайной войне с крестоносцами. Исполнителями терактов были «хашишийун» (употребляющие гашиш), которые прославились в Европе под именем ассасинов (во французском, а потом и в других европейских языках это слово приобрело значение «убийца»).

Ислам и Коран, в отличие от Библии, накладывают строгий запрет на употребление вина. Если в христианстве существует своего рода культ вина, доставшийся в наследство от иудаизма, то мусульманство, призывая к полному отказу от алкоголя, не отвергает наркотиков. В священных книгах ислама – Коране и других религиозно-философских источниках Средневековья наркотики (опиум, гашиш) не упоминаются. Так же как и в Ветхом Завете, речь там идет исключительно о ритуальных благовониях – шамм (*араб.*). Обращаясь к исламской истории, мы обнаруживаем употребление наркотиков в ритуальной практике суфиев – мусульманских религиозных мистиков – и среди членов террористического ордена ассасинов. У первых – приблизительно с XIV века, времени, когда достижение экстаза для суфиев из цели превратилось в самоцель. У вторых – с момента их возникновения в феодальной Персии XI века. Очевидно, что и в более раннее время в мусульманской бытовой культуре употребление наркотиков без алкоголя не осуждалось исламом.

Итак, само понятие «ассасин» неразрывно связано с именем исмаилитского проповедника Хасана ас-Саббаха, основателя и духовного наставника тайного братства убийц. Родился Хасан ас-Саббах около 1050 года в персидском городе Кум. Став сторонником исмаилитов, он знал, что выбирает долгую беспощадную борьбу. Враги будут грозить со всех сторон. Хасану было 22 года, когда его заметил глава исмаилитов Персии – и не ошибся.

Но кто такие «исмаилиты» и где корни конфликта между ними и прочим исламским миром? Еще в середине VII века среди мусульман появились «шииты». Так стали называть сторонников Али, двоюродного брата и зятя Мухаммеда. После убийства Али вокруг шиитов сплотились все недовольные властью. Теперь халифами становились лишь арабы из рода Омейядов. Их незаконная власть, считали шииты, была главной причиной неурядиц в стране. Лишь прямые потомки пророка могли быть стражами истины и закона. Вожди шиитов – имамы, являясь потомками Али по прямой линии и, значит, восходя к пророку, – имели право на власть.

В 765 году в шиитском движении наметился раскол. Когда умер шестой имам, сменивший Али, его преемником был выбран не старший сын Исмаил, а младший. Это привело к бунту. Недовольные считали, что традиция прямого наследования нарушена, и остались верны Исмаилу. Их-то и называли исмаилитами. Начиная от сына Исмаила Мухаммеда они вели отсчет ветви «скрытых имамов» и боролись за возрождение их власти. Совершенно неожиданно их проповедь снискала успех. К ним по разным причинам влекло самых разных людей. Правоведы и богословы были убеждены в правоте притязаний Исмаила и его прямых наследников. Люди ученые не могли пройти мимо изощренных философских толкований веры, предложенных ими. Беднякам же больше всего нравилась идея деятельной любви к ближним, которую провозгласили исмаилиты, и понятная программа действий.

Толкуя тексты Корана, проповедники то и дело смущали умы слушателей и разжигали их любопытство неприметными намеками и оговорками, повторяя раз за разом: «По сему поводу исмаилиты полагают...» То, «что они изрекали, противно религии», – признавал позднее Хасан ас-Саббах – один из самых рьяных их последователей. Возразить исмаилитам было невозможно, они умели вывернуть любую истину наизнанку и переиначить ее, готовы были произнести любую ложь, чтобы очернить собеседника. Как вспоминал в своей автобиографии Хасан ас-Саббах, таинственный проповедник, увлекший его новым учением, всякий раз «опровергал мои верования и подтачивал их».

В X веке исмаилиты основали свой халифат, названный в честь Фатимы, дочери пророка и вдовы Али. Со временем их власть настолько окрепла, что в 969 году армия Фатимидского халифата – он располагался в Тунисе – вторглась в Египет и, захватив страну, основала город Каир, новую столицу. В период расцвета этот халифат охватывал Северную Африку, Египет, Сирию, Сицилию, Йемен и священные города мусульман – Мекку и Медину. Впрочем, к середине XI века власть фатимидских халифов уже пошатнулась. Однако исмаилиты упрямо верили, что только они – подлинные хранители идей пророка, хотя все, кто боролся с ними, считали, что «цель же их была одна – во что бы то ни стало разрушить ислам».

Будущий основатель ордена ассасинов увидел в исмаилизме большой потенциал для реализации своих планов. Пройдя путь духовного воспитания под руководством опытных проповедников, Хасан ас-Саббах поднялся на достаточно высокую ступень в братстве. Но ему этого было мало. Он стремился к высшему руководству. И тогда Хасан принял решение создать свою собственную организацию, которая будет выполнять только его волю. В качестве плацдарма он выбрал горную крепость Аламут, которая находилась в горах Эльбруса, близ Каспия. Скала Аламут, что в переводе с местного наречия означает «Гнездо орла», на фоне гор казалась естественной природной крепостью. Подходы к ней были перерезаны глубокими ущельями и бушующими горными потоками. Выбор ас-Саббаха во всех отношениях оправдывал себя. Нельзя было представить более выгодного в стратегическом отношении места для создания столицы – символа тайного ордена. В 1090 году Хасан занял ее, сумев проповедью привлечь гарнизон на свою сторону. Он превратил Аламут в религиозный и политический центр будущего исмаилитского государства. Позднее хашашины также захватили ряд крепостей в горах Курдистана, Фарса и Альбурса, а также несколько замков на западе – в горных районах Ливана и Сирии.

Своей целью Хасан ас-Саббах провозгласил уничтожение власти сельджуков и освобождение Ирана от их господства.

Ас-Саббах установил в Аламуте для всех без исключения очень суровый образ жизни. Первым делом он демонстративно, в период мусульманского поста Рамадан, отменил на территории своего государства все законы шариата. Он наложил строжайший запрет на любое проявление роскоши. За малейшее отступление грозила смертная казнь. Ограничения касались всего: пиров, потешной охоты, внутреннего убранства домов, дорогих нарядов и т. п. Так богатство теряло всякий смысл. Зачем оно нужно, если его нельзя использовать? На первых этапах существования Аламутского государства ас-Саббаху удалось создать нечто, похожее на средневековую утопию, которой не знал исламский мир и о которой даже не задумывались европейские мыслители того времени. Таким образом, он фактически свел на нет разницу между низшими и высшими слоями общества. По мнению некоторых историков, государство исмаилитов-низаритов сильно напоминало коммуну, с той разницей, что власть в ней принадлежала не общему совету вольных тружеников, а жесткому авторитарному духовному лидеру-вождю. Сам ас-Саббах подавал своим приближенным личный пример, до конца своих дней ведя чрезвычайно аскетичный образ жизни. В своих решениях он был последователен и, если того требовало дело, бессердечно жесток.

Объявив о создании государства, ас-Саббах отменил все сельджукидские налоги, а вместо них приказал жителям Аламута строить дороги, рыть каналы и возводить неприступные крепости. По всему миру его агенты-проповедники скупали редкие книги и манускрипты, содержавшие различные знания. Ас-Саббах похищал или приглашал в свою крепость лучших специалистов из различных областей науки, начиная от инженеров-строителей и заканчивая медиками и алхимиками. Хашашины смогли создать систему фортификации, которая не имела себе равных, а их концепция обороны вообще на несколько веков опередила свою эпоху. Сидя в своей неприступной горной крепости, ас-Саббах отправлял убийц-смертников по всему государству Сельджукидов. Но к тактике этой – изолированию террористов-самоубийц – ас-Саббах пришел не сразу. Существует легенда, согласно которой он принял такое решение благодаря случаю.

Во всех концах исламского мира по поручению ас-Саббаха, рискуя собственными жизнями, действовали многочисленные проповедники его учения. В 1092 году в городе Сава, расположенном на территории сельджукидского государства, проповедники хашашинов убили муэдзина, опасаясь, что тот выдаст их местным властям. В отместку за это преступление по приказу Низама аль-Мулька, главного визиря сельджукидского султана, предводителя местных исмаилитов схватили и предали медленной мучительной смерти. После казни его тело показательно протащили по улицам Савы и на несколько дней вывесили на главной базарной площади. Эта казнь вызвала взрыв негодования и возмущения в среде хашашинов. Возмущенная толпа жителей Аламута подошла к дому своего духовного наставника и правителя государства. Легенда гласит о том, что ас-Саббах поднялся на крышу своего дома и громогласно произнес: «Убийство этого шайтана предвосхитит райское блаженство!» Не успел ас-Саббах спуститься в свой дом, как из толпы вышел молодой человек по имени Бу Тахир Аррани и, опустившись на колени перед ас-Саббахом, изъявил желание привести в исполнение вынесенный смертный приговор, даже если при этом придется заплатить собственной жизнью. Ранним утром 10 октября 1092 года вооруженному отравленным кинжалом Бу Тахир Аррани удалось проникнуть на территорию дворца визиря. Спрятавшись в зимнем саду, он терпеливо ждал свою жертву. Во время обычной прогулки визиря, окруженного приближенными, Аррани, увидев удобный момент, подскочил к визирю и нанес ему по меньшей мере три удара. Стража подоспела слишком поздно. Прежде чем убийца был схвачен, визирь уже умер. Стража практически растерзала Аррани, но смерть Низама аль-Мулька стала символическим сигналом к штурму дворца. Ассасины окружили и подожгли дворец визиря.

Смерть главного визиря государства Сельджукидов вызвала настолько сильный резонанс во всем исламском мире, что это невольно подтолкнуло ас-Саббаха к очень простому, но, тем не менее, гениальному выводу: можно выстроить весьма эффективную оборонительную доктрину государства и, в частности, движения исмаилитов-низаритов, не затрачивая значительных материальных средств на содержание большой регулярной армии. Необходимо было создать свою «спецслужбу», в задачи которой входило бы устрашение и показательное устранение тех, от кого зависело принятие важных политических решений; «спецслужбу», которой ни высокие стены дворцов и замков, ни огромная армия, ни преданные телохранители не могли бы ничего противопоставить, чтобы защитить потенциальную жертву.

Прежде всего следовало наладить механизм сбора достоверной информации. К этому времени у ас-Саббаха во всех уголках исламского мира уже действовало бесчисленное количество проповедников, которые регулярно сообщали ему обо всех событиях. Однако новые реалии требовали создания разведывательной организации качественно иного уровня, агенты которой имели бы доступ к высшим эшелонам власти. Хашашины одни из первых ввели понятие «вербовка». Имам – вождь исмаилитов – обожествлялся, преданность единоверцев ас-Саббаху делала его непогрешимым; его слово было выше закона, его воля воспринималась как проявление Божественного разума. Исмаилит, входящий в разведывательную структуру, считал выпавшую ему долю проявлением высочайшей милости Аллаха. Ему внушалось, что он появился на свет лишь для выполнения своей «великой миссии», перед которой меркнут все мирские соблазны и страхи. Благодаря фанатичной преданности своих агентов ас-Саббах был информирован обо всех планах врагов исмаилитов, правителей Шираза, Бухары, Балха, Исфахана, Каира и Самарканда. Однако организация террора была немыслима без создания продуманной технологии подготовки профессиональных убийц, равнодушие к собственной жизни и пренебрежительное отношение к смерти которых делало их практически неуязвимыми. В своей штаб-квартире в горной крепости Аламут ас-Саббах создал настоящую школу по подготовке разведчиков и диверсантов-террористов. К середине 90-х годов XI века Аламутская крепость стала лучшей в мире академией по подготовке тайных агентов узкого профиля. Действовала она крайне просто, тем не менее достигаемые ею результаты были весьма впечатляющими.

Из Аламута Хасан рассылал проповедников, которые вербовали новых сторонников. А вслед за проповедниками шли воины, силой ломая сопротивление непокорных. Когда же и воины терпели поражение, в путь отправлялись смертники – фид ай. Они проникали повсюду, неся смерть недругам «горного старца».

О Хасане ас-Саббахе уже при его жизни ходили легенды: говорили, что он постоянно пребывал в Аламуте, составляя письма и руководя военными и дипломатическими операциями. На протяжении всех этих лет он лишь дважды выходил из дома и дважды поднимался на крышу собственного дворца. До конца жизни – а умер он 90-летним стариком – ему удавалось скрывать от своих подданных свои болезни и немощи. В тяжелый момент ас-Саббах отослал своих дочерей и жену в отдаленную крепость, где они пряли пряжу, и уже не вернул их назад. Говорят, что этот поступок стал прецедентом: после этого исмаилистские вожди, руководя военными действиями, никогда не держали при себе женщин, что отличалось от обычной мусульманской практики. Своих сыновей он казнил одного за другим: первого по обвинению в убийстве, которое, как позднее выяснилось, оказалось ложным. Другой сын, Мухаммед, скорее всего был наказан на основании строгого хадиса, который осуждает на смерть за повторное нарушение. Когда приверженцы ас-Саббаха составили для него генеалогию, возводящую его чуть ли не к пророку, он выбросил ее в воду, заявив, что предпочел бы быть любимым слугой имама, чем его недостойным сыном.

Старец горы (вернее, первый из «старцев» – некоторых его преемников и вождей низаритов в Сирии европейцы называли так же) искренно считал, что захват и обращение в «истинную

веру» близлежащих к Аламуту городов, а также утверждение низаритской доктрины в Сирии – лишь начало всеобщей революции против суннитских ценностей. Являясь главой государства, Хасан ас-Саб-бах обладал неограниченной политической и духовной властью. Его учение «Дават – и – джад ид», лишенное сложных философских конструкций, свойственных исмаилитскому учению как таковому, и понятное людям всех сословий, стало официальной религией его последователей.

Более двухсот лет ассасины держали в страхе весь Ближний

Восток. Одетые в белые одежды, подпоясанные красными поясами, что символизировало готовность принять мученичество во имя веры, ассасины проникали повсюду, приводя в исполнение решения своего лидера.

Одним из первых от кинжалов ассасинов пал уже упоминавшийся здесь визирь Малик-шаха Низам аль-Мульк, который долгое время был другом «старца», а потом стал его злейшим врагом. Вернемся к дням юности ас-Саббаха. Жили-были трое подающих надежды юношей... Когда в молодости Хасан ас-Саббах учился в медресе города Нишапур, он подружился с двумя молодыми людьми. Однажды они поклялись друг другу, что тот, кто первым добьется успеха в жизни, поможет остальным. Никто из них не знал тогда, что один из трех друзей станет визирем, другой – предводителем религиозной секты, а третий прославится как великий поэт. Это были Низам аль-Мульк, Хасан ас-Саббах и Омар Хайям. Первым добился успеха Низам. Он стал визирем сельджукского султана Малик-шаха, правившего в Персии. Помня о договоре, Низам помог друзьям. Омара, который не стремился к высоким постам и богатству, он обеспечил достаточными средствами, чтобы тот мог безбедно жить в родном городе, заниматься науками и поэзией. Хасану Низам дал место при дворе. Но время и придворная служба накладывают свой отпечаток на людей и меняют их. В какой-то момент Низаму показалось, что Хасан претендует на его место. Более искушенный в придворных интригах, он добился от султана, чтобы Хасана отправили в ссылку. Неудачливый царедворец уехал в Египет, где стал последователем исмаилитов и вскоре организовал секту ассасинов. Султан Малик-шах, занятый борьбой с внешними врагами, достаточно долго не уделял должного внимания сепаратистам. Однако после убийства своего визиря он решил покончить со своими противниками и возглавил войско, двинувшееся на подавление восстания исмаилитов. Однажды утром, проснувшись в своем шатре, он обнаружил у изголовья воткнутый в землю кинжал. Султан понял намек и оставил исмаилитов в покое, что, однако, не спасло его впоследствии от гибели от руки убийцы-смертника.

Предание гласит о том, что по приказу Хасана ас-Саббаха на воротах крепости Аламут была прибита бронзовая табличка, на которой выгравировали имя Бу Тахира Аррани (первого погибшего адепта), а напротив – имя его жертвы: главного визиря Низама аль-Мулька. С годами эту бронзовую табличку пришлось увеличить в несколько раз, так как список составлял уже сотни имен: визирей, князей, мулл, султанов, шахов, маркизов, герцогов и королей.

С конца XI до середины XII века жертвами исмаилитов стали многие политические деятели, в том числе два аббасидских халифа – ал-Мустаршид и ар-Рашид. Ходили слухи, что Ричард Львиное Сердце нанял ассасинов для покушения на французского короля и Конрада Монферратского.

О покушении на Филиппа II историкам неизвестно, а смерть Конрада может служить примером феноменальной преданности и самопожертвования ассасинов, которые ужаснули современников. 28 апреля 1192 года маркграф Конрад Монферратский, один из вождей крестоносцев, король Иерусалима и соперник английского короля Ричарда I Львиное Сердце, заехал пообедать к епископу Бовэ Филиппу де Дре. На обратном пути, когда он возвращался домой верхом в сопровождении небольшого эскорта, на узкой улочке Тира в рядах менял двое мужчин нанесли ему множество ножевых ран. Один из них тут же был убит охраной. Второй скрылся незамеченным, но, узнав, что Конрад только ранен, пробился к нему и нанес смертель-

ный удар, а потом умер под пытками, признавшись, что заказчиком убийства был... Ричард Львиное Сердце. Но все летописи, доведшие до потомков подробности тех событий, не сомневаются, делом чьих рук было убийство влиятельного франка. Это были ассасины. Их глава якобы еще задолго до этих событий внедрил обоих в окружение Конрада, где они, как мнимые христианские новообращенные (причем именно Конрад был крестным отцом одного из них), из-за своей набожности пользовались всеобщей любовью. Речь идет о распространенной у шиитов практике, называемой *такыйя*. Ее принцип заключался в том, что внешне необходимо придерживаться взглядов окружающего тебя общества, но на самом деле полное доверие и подчинение необходимо выражать только своему лидеру. Убийство Конрада в столь важный момент истории государства крестоносцев на территории Палестины и Малой Азии можно считать показательным для ассасинов. Публичное убийство одного из вождей крестоносцев произвело неизгладимое впечатление на современников. Для раннего Средневековья практика тайных заговоров, в результате которых сильные мира сего погибали от яда или предательства на поле брани, была обычным делом. Однако открытое убийство, возведенное в политический принцип, – это было визитной карточкой ассасинов.

Информированные люди при дворах тогдашних властителей отнюдь не находились в плену средневековых предрассудков, предпочитая давать всему вполне логичные объяснения. В то время как полуграмотные крестоносцы испытывали суеверный ужас перед могуществом Старца горы, один из немецких летописцев изложил историю с убийством Конрада на вполне доходчивом для нас языке логики. Как оказалось, Конрад захватил торговое судно, принадлежавшее исмаилитам. Их вождь, Старец горы, дважды требовал возврата корабля и перевозимого им груза. На деле же баллы города Тир Бернар дю Тампль, сообщая Конраду о судне с богатым грузом, заверял, что мог бы завладеть им таким образом, что «никто никогда ничего бы не узнал». Тогда, добавляет хронист, «однажды ночью он приказал утопить матросов в море», а потом свалил это убийство на одного из многочисленных мелких правителей палестинских земель. Ярость Старца горы могла утолить лишь смерть Конрада. Любопытнее всего, что Старец... сам изложил всю эту историю в своем письме, адресованном герцогу Австрийскому.

До сих пор точно не известно, как Хасан добивался такой невероятной, можно сказать, абсолютной преданности. Один из самых известных источников – рассказ знаменитого путешественника Марко Поло, достоверность которого, правда, ставится под сомнение многими исследователями. Что же за историю рассказал своим читателям Марко Поло? Вот главы из его книги.

ГЛАВА XLI

Здесь описывается Старец гор и его ассасины

«В стране Мулект в старину жил Старец гор. Мулект значит: жилище арамов. Все, что Марко рассказывал, то и вам передам; а слышал он об этом от многих людей. Старец по-ихнему назывался Алаодин. Развел он большой, отличный сад в долине между двух гор; такого и не видано было. Были там самые лучшие на свете плоды. Настроил он там самых лучших домов, самых красивых дворцов, таких и не видано было прежде; они были золоченые и самыми лучшими на свете вещами разукрашены. Провел он там каналы; в одних было вино, в других молоко, в третьих мед, а в иных вода. Самые красивые на свете жены и девы были тут; умели они играть на всех инструментах, петь и плясать лучше других жен.

Сад этот, – толковал Старец своим людям, – есть рай. Развел он его таким точно, как Мухаммед описывал сарацинам рай: кто в рай попадет, у того будет столько красивых жен, сколько пожелает, и найдет он там реки вина и молока, меду и воды.

Поэтому-то старец развел сад точно так, как Мухаммед описывал рай сарацинам; и тамошние сарацины верили, что этот сад – рай. Входил в него только тот, кто пожелал сделаться ассасином. При входе в сад стояла неприступная крепость; никто на свете не мог овла-

деть ею, а другого входа туда не было. Содержал Старец при своем дворе всех тамошних юношей от двенадцати до двадцати лет. Были они как бы его стражею и знали понаслышке, что Мухаммед, их пророк, описывал рай точно так, как я вам рассказывал. И что еще вам сказать? Приказывал Старец вводить в этот рай юношей, смотря по своему желанию, по четыре, по десяти, по двадцати, вот как сперва их напоят, сонными берут и вводят в сад; там их будят».

ГЛАВА XLII

Как Старец гор воспитывает и делает послушными своих ассасинов

«Проснется юноша и, как увидит все то, что я вам описывал, поистине уверует, что находится в раю, а жены и девы во весь день с ним: играют, поют, забавляют его, всякое его желание исполняют; все, что захочет, у него есть; и не вышел бы оттуда по своей воле. Двор свой Старец держит отлично, богато, живет прекрасно; простых горцев уверяет, что он – пророк; и они этому поистине верят.

Захочет старец послать куда-либо кого из своих убить кого-нибудь, приказывает он напоить столько юношей, сколько пожелает, когда же они заснут, приказывает перенести их в своей дворец. Проснутся юноши во дворце, изумляются, но не радуются, оттого что из рая по своей воле они никогда не вышли бы. Идут они к Старцу и, почитая его за пророка, смиренно ему кланяются; а Старец их спрашивает, откуда они пришли. «Из рая, – отвечают юноши и описывают все, что там, словно как в раю, о котором их предкам говорил Мухаммед; а те, кто не был там, слышат все это, и им в рай хочется; готовы они и на смерть, лишь бы только попасть в рай; не дождутся дня, чтобы идти туда».

Марко Поло в своем рассказе о Старце гор, услышанном почти через 200 лет после описанных событий, ни разу не упоминает гашиша. Дважды он говорит, что юношей опаивают, вызывая сон: «их напоят, сонными берут и вводят в сад; там их будят», «приказывает он напоить столько юношей, сколько пожелает, когда же они заснут, приказывает перенести их в свой дворец». Таинственный напиток, быть может, и имел в своей основе каннабис (коноплю), и вызывал он сказочные сновидения: рай обещанный пророком Мухаммедом, – но кратчайшая дорога в рай, пролегла через героическую смерть в битве с неверными.

Так ли это все было на самом деле? После падения государства низаритов в XIII веке за изучение их истории взялись персидские историки. Один из них, знаменитый Ата Малик Джувайни (писал около 1260 года) смог в свое время ознакомиться с некоторыми книгами в низаритской библиотеке Аламута сразу после взятия монголами города, до того как был отдан приказ о его разрушении. То, что архивы низаритов практически не сохранились, а их историей занялись их традиционные противники, не могло не наложить отпечатка на последующую интерпретацию истории иранских и сирийских низаритов. Западные историки вначале приступили к изучению ассасинов с точки зрения крестоносцев. Автор одной из самых авторитетных летописей периода крестовых походов, Вильгельм Тирский, говорил, что ему еще неизвестно происхождение названия «ассасин». Постепенно рассказы европейцев дополнялись сведениями поздних арабских историков. В конце XVIII века Сильвестр де Саси окончательно определил место ассасинов в рамках мусульманской истории и отождествил их с исмаилитами.

В 1818 году венский писатель Жозеф фон Хаммер-Пургшталь опубликовал книгу «История ассасинов». Вскоре ставшая популярной в Западной Европе, она была переведена на французский (1833) и на английский (1835) языки. Легенда об ассасинах была использована фон Хаммер-Пургшталлем против тайных обществ вообще и в частности против иезуитов и масонов. Антиклерикализм XIX столетия нуждался в зловещих параллелях, и они были найдены. В 30-х годах XX века книга Хаммер-Пургшталля о средневековых убийцах-наркоманах еще оставалась главным источником сведений об этом религиозном течении. Связь ассасинов и гашиша с тех пор стала общим местом.

Слово «ассасин» имеет четыре разных толкования. Кроме «Иавав», что означает по-арабски «убийца», «хулиган», «буян»; «asas» – «фундамент», «основа», «последователи Хасана» и, наконец, «hashîshiyya» или, возможно, «hashîshiyyûn» – то есть человек, употребляющий одурманивающую коноплю, гашиш. Последняя трактовка является наиболее распространенной. Вот что утверждает известный английский арабист XIX века, переводчик «1001 ночи» Э. У. Лейн: «Слово *хашишаш* означает «курильщик (или пожиратель) конопли» – оскорбительная кличка. Так называют обычно шумных людей и скандалистов (мн. ч. *хашишашын*). От этого слова произошло наше английское «*asasin*» (наемный убийца).

Термин «ассасин» использовали не только христиане и иудеи, но и некоторые мусульманские писатели. Затем возник вопрос: почему, собственно, это название пристало к низаритам? Упомянувшийся выше Сильвестр де Саси, известный французский арабист начала XIX века, был первым европейским исследователем, который сначала связал гашиш с насилием и с «ассасинами». Тот самый де Саси, которого в группе других ученых Наполеон привез в Египет изучать обычаи и нравы мусульманского Ближнего Востока, тот самый де Саси, что испытал воздействие гашиша на себе. В 1809 году Сильвестр де Саси высказал идею, что загадочный «напиток» Старца гор из «Путешествия» Марко Поло, благодаря которому он вводил своих ассасинов в «рай» и тем самым делал их абсолютно послушными, и был гашиш.

Но вскоре де Саси отверг предположение, что низариты использовали гашиш, чтобы ввести фидаев в состояние, необходимое для совершения публичных убийств. Долгое терпеливое выслеживание жертвы и использование любой удобной возможности для совершения убийства исключает применение любого наркотика в качестве одномоментного стимулятора. Сегодня считается, что враги намеренно уподобляли низаритов наркоманам, подчеркивая низменность и иррациональность их действий.

Но все же гашиш имел место в подготовке фидаев на этапе «предварительной обработки» – для создания осязаемых райских видений фидаи должны были проникнуться мыслью, что рай есть и он доступен после выполнения воли Горного Старца. Мусульманские авторы были уверены, что фидаи должны были проходить какую-то особую подготовку. Ибн-ал-Джаузи писал, что Хасан ас-Саб-бах приглашает к себе простака и кормит его орехами, кориандром и медом, чтобы стимулировать его умственные способности. Затем Хасан рассказывает ему о страданиях семьи пророка, напоминает, как харииты (одна из ранних исламских экстремистских сект) приносили свои жизни в жертву, сражаясь с врагами, и говорит собеседнику, что тот должен по крайней мере столь же охотно пожертвовать жизнью за истинного имама.

Историк Абдель Рахман из Дамаска в своем труде «Искусство лжи» описывал еще один способ обмана последователей и запугивания врагов. В одном из залов Аламутской крепости над скрытой в каменном полу ямой было установлено большое медное блюдо с аккуратно вырезанной по центру окружностью. По приказу ас-Саббаха один из хашишинов прятался в яме, просовывая голову через вырезанное в блюде отверстие, так что со стороны, благодаря искусному гриму, казалось, будто она отсечена. В зал приглашали молодых адептов и демонстрировали им «отсеченную голову». Неожиданно из темноты появлялся сам ас-Саббах и начинал совершать над «отсеченной головой» магические жесты и произносить на непонятном языке таинственные заклинания. После этого «мертвая голова» открывала глаза и начинала говорить. Ас-Саббах и остальные присутствующие задавали вопросы относительнорая, на которые «отсеченная голова» давала более чем оптимистические ответы. После того как приглашенные покидали зал, помощнику ас-Саббаха отрубали голову и на следующий день выставляли ее на показ перед воротами Аламута.

Или другой эпизод: доподлинно известно, что у ас-Саббаха было несколько двойников. На глазах у сотен рядовых хашишинов двойник, одурманенный наркотическим зельем, совершал показательное самосожжение. Таким способом Старец горы якобы возносился на небеса.

Каково же было удивление хашишинов, когда на следующий день ас-Саббах представал перед восхищенной толпой целым и невредимым.

Неизвестно, так ли все было или это пропаганда врагов, но желающих вступить в братство исмаилитов было немало. Из них отбирались только самые убежденные. Ас-Саббах сделал процесс вступления в орден очень сложным. Примерно из двухсот кандидатов к завершающей стадии отбора допускали максимум пять-десять человек. Перед тем как попасть во внутреннюю часть замка, кандидату сообщалось о том, что, если он приобщится к тайному знанию, обратного пути из ордена у него не будет.

Одна из легенд гласит о том, что ас-Саббах, будучи человеком разносторонним, имевшим доступ к разного рода знаниям, не отвергал чужого опыта, считая его желанным приобретением. Так, при отборе будущих террористов он воспользовался методикой древних китайских школ боевых искусств, в которых отсеивание кандидатов начиналось задолго до первых испытаний. Молодых юношей, желавших вступить в орден, держали перед закрытыми воротами от нескольких суток до нескольких недель. Только самые настойчивые оставались у ворот, и их приглашали во внутренний двор. Там их заставляли несколько дней впроголодь сидеть на холодном каменном полу, довольствуясь скудными остатками пищи, и ждать, порой под ледяным проливным дождем или снегопадом, когда их пригласят войти внутрь дома. Время от времени на внутреннем дворе перед домом ас-Саббаха появлялись его адепты из числа прошедших первую степень посвящения. Они всячески оскорбляли, даже избивали молодых людей, желая проверить, насколько сильно и непоколебимо их желание вступить в ряды хашишинов. В любой момент молодому человеку позволялось подняться и уйти восвояси. Лишь прошедшие первый круг испытаний допускались в дом Великого Владыки. Их кормили, отмывали, переодевали в добротную, теплую одежду... Для них начинали приоткрываться «врата иной жизни».

Ряды также пополнялись за счет детей, которых покупали у нищих родителей и воспитывали в духе абсолютной преданности и беспрекословного повиновения. Ученик давал клятву, что никогда не предаст «братьев», не изменит тайным заповедям, открытым ему. Его тщательно проверяли и лишь после этого решали, станет ли он проповедником, тайным агентом или пополнит ряды смертников. Для того чтобы успешно выполнить задание, требовалось долго готовиться. Фидаи изучали иностранные языки, актерское мастерство, искусство изменения внешности. В зависимости от поставленной задачи они меняли вероисповедание, становились дервишами, солдатами, торговцами, врачами и даже монахами, проникая в самые охраняемые дворцы и замки.

Среди историков и сегодня основным предметом дискуссий остаются два вопроса: справедливо ли обвинять в том или ином убийстве исмаилитов и в чьих интересах совершались эти злодеяния? «За исключением редких случаев, мы никоим образом не можем быть уверены, что каждое отдельное убийство было в действительности делом рук исмаилитов, так как те же методы борьбы пользовались успехом и среди их противников. И даже в тех случаях, когда низариты открыто брали на себя ответственность за злодеяние, они могли поступать так исключительно из политических соображений», – писал выдающийся исследователь истории низаритов Маршалл Ходжсон. Случай с убийством маркграфа Конрада Монферратского, описанный выше, – яркий пример подобных сомнений. Историки могут спорить, осуществили ли ассасины это убийство в силу тех причин, о которых написал в письме герцогу Австрийскому Старец горы, или они действовали по наущению короля Англии, с которым ас-Саббах заключил соглашение.

Однако в любом случае «цивилизационной» подоплеку в практике убийств не было. Убийства представлялись низаритам эффективным способом ведения политики, не более того. Со многими христианскими правителями они поддерживали вполне дружеские отношения. Историки полагают, что в один момент сирийские низариты по договоренности с орденом там-

плиеров готовы были даже перейти в христианство. Король Иерусалима Анри граф Шампанский (1166–1197), которого по распространенной, но ошибочной версии сделали очередной жертвой ассасинов, не только не погиб от их руки, но и удостоился в 1194 году торжественного приема в свою честь в горной крепости Масйаф, центре сирийских низаритов. Там приемник Хасана ас-Саббаха, очевидно, демонстрируя дружеское участие в делах молодого христианского короля, предложил ему свои услуги, смысл которых сводился к устранению его врагов в порядке личного одолжения. В разное время низариты заключали тактические союзы и с суннитами, и с ортодоксальными шиитами, и с христианами, а на последнем этапе своего существования – и с монголами.

Хасан ас-Саббах умер в 1124 году в возрасте около 90 лет. Смерть основателя братства практически не повлияла на его дальнейшую судьбу, настолько продуманной и четкой была его структура. Последователи и преемники «горного старца» расширяли территорию влияния, захватывали и строили новые крепости. Между 1090 и 1256 годами в Аламуте сменилось восемь повелителей. Трое первых, возглавлявшие низаритов с 1090 по 1162 год, утвердили низаритскую общину в роли независимой силы: была предпринята неудачная попытка свержения суннитской власти в Иране.

Во второй период, с 1162 по 1210 год, низаризм подвергся радикальной перестройке со стороны имамов, которые отвергли мусульманское общество в целом и замкнулись в рамках собственного духа и учения, стремясь обрести внутренний мир и спокойствие с опорой на оригинальное эзотерическое толкование исламских ценностей.

В завершающий период, с 1210 по 1256 год, эта попытка потерпела полный провал, и низариты устремили все свои усилия на достижение другой цели: они пожелали влиться в суннитское общество как одно государство среди множества прочих держав. Это была последняя попытка выжить политически и организационно. К 1256 году иранские крепости низаритов были разрушены монгольскими войсками под предводительством Хулагу-хана. Монголы расправились с ассасинами. «От них не осталось более и следа», – радостно отметил историк Джувейни, пребывавший на службе у монгольских ханов. А в 1273 году укрепления в Сирии были уничтожены мамлюкским правителем Бейбарсом I. После того как были разрушены горные цитадели, сдавшиеся гарнизоны были поделены между монгольскими военачальниками. Однако вскоре пришел приказ уничтожить всех исмаилитов без разбора. Началось их поголовное истребление. В Кухистане монголы окружили 80 тыс. человек и перебили всех. Суннитские вожди и привезенные монголами ученые с любопытством обследовали уникальную библиотеку Аламута, прежде чем предать ее огню. Не следует думать, что жестокость монголов была обусловлена какой-то особой ненавистью к низаритам. Два года спустя участь Аламута разделил Багдад, который был восстановлен только в XX веке, а в начале XXI чуть было вновь не был разрушен.

Но секта исмаилитов уцелела, хотя с XIII по XIX век исмаилитская община находилась в рассеянии. Когда в 1841 году имам Ага Хан I вместе со своими единомышленниками навсегда покинул Иран, его последователи остались без руководства. Это привело к распаду многих исмаилитских общин. Центр имамата был перенесен из Ирана в Британскую Индию, где имам пользовался поддержкой государства.

Сейчас потомки исмаилитов-ассасинов мирно живут в Восточной Африке, Индии, Пакистане, Иране, а также составляют большинство населения Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана. Но методы, использовавшиеся древними ассасинами, живы и поныне. и сегодня мусульмане-фундаменталисты убивают ради того, чтобы побыстрее оказаться в раю, обещанном тем, кто примет смерть мученика за веру.

Ересь альбигойцев

В истории человечества есть немало страниц, которые со временем обросли тайнами и легендами, до сих пор будоражащими воображение. Плодотворнейшей почвой для всякого рода легендарности и таинственности, бесспорно, является существование различных течений, противостоящих официальным церковным догматам. Различные тайные общества, еретические течения и мистические доктрины порождают желание разгадать их загадки.

Со школьной скамьи мы помним, что самым, пожалуй, мрачным институтом в системе средневековой католической церкви была так называемая святая инквизиция. В ее истории немало мрачных тайн. Но каковы обстоятельства зарождения этой зловещей организации?

В действительности история инквизиции неразрывно связана с трагедией, разразившейся на юге Франции в начале XIII века. В огне крестового похода против катаров (больше известных под названием альбигойцев) – последователей ереси, охватившей на рубеже XII–XIII веков восток Пиренейского полуострова, юг Франции, Северную и Центральную Италию, – выкопался механизм уничтожения идейных противников средневековой духовной монополии.

Сложно не согласиться с тем, что феномен ереси катаров-альбигойцев все еще плохо известен широкой публике. Однако он представляет собой во многих отношениях уникальное явление в западной истории. Катары... Кто же они? Маги – колдуны? Хранители сокровенных тайн человечества? А может быть, это люди, осмелившиеся по-иному, не так, как того требовала официальная церковь, взглянуть на сущность мироздания?

Есть мнение, что «альбигойская ересь» была одним из первых политических движений в средневековой Европе – из разряда тех, которые в XX веке назовут сепаратистскими.

Сочинений на тему ереси альбигойцев много, однако дело сильно затрудняет то, что большинство из них включает значительную долю бездоказательных измышлений, либо принадлежащих непосредственно авторам, либо почерпнутых последними из народного фольклора. Между тем, подлинная история катаров достойна не только интереса, но, возможно, и восхищения. Она вряд ли нуждается в приукрашивании.

Сам термин «катары» – греческого происхождения, в переводе его можно истолковать как «чистые», или «просветленные». По мнению ряда исследователей, катаризм в форме учения попал в Западную Европу либо с Балкан, либо из Святой земли – Палестины, причем носителями этих идей выступали купцы, путешественники, паломники, ученые, возможно, даже рыцари-крестоносцы, возвращавшиеся из поездок и походов на Ближний Восток.

По всей вероятности, катаризм сформировался на базе еще более древнего учения – манихейства. Оно возникло в Персии, на территории современного Ирана. Само название происходит от имени создателя религиозной доктрины – мистика-проповедника Мани (216–276). Последний утверждал, что основу мироздания составляет борьба двух начал: доброго и злого. Человечество издавна является одним из важнейших объектов вечного космического поединка. В самом человеке удивительным образом сопряжены и Добро – человеческая душа, и Зло – материальная телесная оболочка. Задача праведного человека, по мнению Мани, – во что бы то ни стало порвать с материальным миром. Проповедник увлек за собой множество последователей. Его учение распространилось далеко за пределы Ирана. Однако пророк не смог порадоваться успеху своего дела: он был казнен. Но зерна учения и после смерти основателя продолжали давать обильные всходы, сторонники дуализма появились и в Европе.

На юге Франции, в Провансе и Лангедоке, последователи Мани – катары предприняли попытку создать организацию, влияние и мощь которой грозили уничтожить могущество католической церкви сразу в трех ипостасях:

во-первых, как монополиста в области вероисповедания; во-вторых, как величайшего коллективного феодала; в-третьих, в качестве самой могущественной в средневековой Европе

политической организации, способной действовать без каких-либо ограничений во всех странах католического мира. На первый взгляд, ситуация в Лангедоке в конце XII века представляется уникальной. Земли между реками Рона и Гаронна издавна славились светскими традициями, образованностью, жизнелюбием местного населения. Еще с римских времен здесь процветали литература и искусство. Жители приморских городов снискали славу удачливых и смелых купцов; провансальское рыцарство отличалось утонченностью манер и доблестью. Тем не менее, это пышущее оптимизмом общество стало почвой для крайне аскетического учения.

Что же произошло? Неужели игра судьбы? Случайность или происки неких тайных сил?

Случайность – вряд ли, в этом случае катары не смогли бы снискать широкой поддержки во всех слоях общества. Что касается второго предположения, то здесь следует признать существование определенных сил, которые обеспечили катаризму последующее триумфальное шествие. Как ни странно, подобной силой стала... сама католическая церковь. Ее представители – как высшего, так и низшего звена – зачастую потворствовали своим далеко не духовным чаяниям. До нашего времени дошли песни провансальских трубадуров, в которых бичуются пороки католических монахов и епископов: в них нашли отражение алчность, разврат, лицемерие, пренебрежение пастырскими обязанностями. Местные буржуа и гордые феодалы не желали терпеть подобного соседства, тем более они не желали безропотно сносить разнообразные церковные поборы.

Не последнюю роль в процессе распространения ереси сыграла давняя традиция веротерпимости, утвердившаяся здесь еще с римских времен. Крупные местные феодалы, такие как графы Тулузские, Фуа, Комменж, рассматривали покровительство инакомыслию как проявление собственной независимости от французской короны.

Ко всему прочему, катарская церковь имела в глазах прижимистых лангедокцев значительный плюс: она была чрезвычайно дешевой. Ее адепты не требовали внушительных пожертвований, не строили пышных храмов.

Наконец, искреннюю симпатию у современников вызывала сама подвижническая жизнь проповедников нового религиозного движения.

Что же представляла собой эта великая «неистребимая ересь катаров» (другое ее название – «альбигойская» – происходит от одного из ее центров на французском юге – города Альби)? Наши скудные знания о религиозных представлениях катаров-альбигойцев основываются на материалах инквизиционных допросов и на редких, часто неполных, произведениях самих «еретиков». Ядро веры составляли положения, близкие взглядам азиатских манихеев-дуалистов.

На рубеже новой и старой эры на Востоке с завидной регулярностью появлялись оригинальные философские системы и рождались новые религиозные воззрения (в том числе и христианство). При стабильной ситуации и отсутствии контактов на межэтническом и межконфессиональном уровне новые учения, вероятно, привели бы всего лишь к возникновению изолированных сект типа иудейской общины ессеев. Однако завоевательные походы Александра Македонского, последовательная и неумолимая экспансия Рима, бурное развитие международной торговли привели в движение огромные массы людей, и это имело далеко идущие последствия. Римляне попадали на чужбину в составе армий завоевателей, обитатели Восточного Средиземноморья и Малой Азии – в качестве рабов, многих свободных людей увлекала вперед погоня за выгодой, но были и те, кто совершал далекие путешествия в поисках тайных знаний и Истины.

Все это приводило европейцев к знакомству с эзотерическими воззрениями чуждых народов, а мистическая окраска восточных мифологических систем не только не отталкивала неофитов, но способствовала повышению их привлекательности и популярности среди завоевателей. Римляне были исключительно веротерпимы: богов завоеванных ими народов они немедленно включали в свой пантеон, и часто те имели в самом Риме не меньше поклонни-

ков, чем традиционные боги Олимпа (например, египетская богиня Исида или персидский бог Митра).

Христиане стали печальным исключением из правил: отказ признать богом правящего императора обрекал их на преследование римских властей. Бурные контакты победителей и покоренных народов имели своим неизбежным следствием появление новых синтетических философских систем, в которых тезисы иудейской Библии подвергались переосмыслению с позиций античной философии, а ученые раввины, оперируя понятиями и положениями своих оппонентов, пытались соединить ветхозаветную мифологию с учениями греческих стоиков, платоников и пифагорейцев. Так возникали многочисленные гностические течения христианства.

В Ктесифоне в семье последователей одной из таких сект («крестильников») и родился Мани (около 210 года н. э.). Будущий пророк был воспитан в атмосфере мистики и религиозного фанатизма, в молодости принимал участие в таинствах, посвященных персидскому богу Митре, а позже стал христианским пресвитером. Изучив современные ему философские системы, Мани сделал первую попытку создания собственной доктрины и под именем Параклета начал проповедовать при дворе персидского царя Спора (Шапура I). Затем он совершил путешествие в Индию и Китай, где познакомился с даосскими и буддийскими представлениями о мире. На обратном пути Мани попал в плен, но был выкуплен богатой вдовой. Отсюда происхождение прозвища, которое получили последователи нового пророка, – Дети вдовы. Результатом этого путешествия стала новая философская система, представлявшая собой синтез христианства с буддизмом и зороастризмом.

Дьявол в учении Мани признается силой, по могуществу равной Богу, его диалектической противоположностью, необходимой для существования Вселенной. Бог и дьявол сражаются за господство над миром, душа и тело человека являются полем этой великой битвы. Состоящая из света душа устремлена к Богу, но тело его тянется к дьяволу. Целью человеческого существования Мани объявил постепенное освобождение божественной сущности (души) от пут материи посредством самоотречения и воздержания. Христос же не является ни Богом, ни человеком, Он – ангел, явившийся, чтобы указать единственный путь к спасению через полное отрешение от материального мира. Прекрасный, сотканный из света облик Христа окружает и терзает беспросветный мрак. Эта скорбь божественного начала и является символом крестной муки, которую, конечно, не мог испытывать принявший человеческий образ бесплотный Ангел. Поэтому крест был для Мани не символом искупления, а орудием позорной казни, подвергнуться которой состоящий из света Христос не мог по определению. Крещение Мани объявил не имеющим смысла и бесполезным: ведь производится оно над несмышленными детьми и потому не предохраняет от будущих грехов.

В конце IV века манихеи появились в Испании, столетием позже – в Византии, где их называли павликианами. Однако жестокие гонения заставили манихеев уйти в подполье. Несколько веков спустя они вновь вышли на свет в Болгарии и Чехии. Там они приняли имя богомилов. В XI веке проповедники с Востока принесли манихейскую ересь в Ломбардию, Аквитанию, Прованс и Лангедок, оттуда идеи катаров («чистых») проникли в Орлеан и Фландрию.

Подобно своим историческим предшественникам-манихеям, катары утверждали, что весь материальный мир есть порождение

Демиурга (Сатаны) – Бога Зла. Бог добр, он не мог быть создателем столь несовершенного и порочного мира. Лишь невидимая человеческая душа – творение Доброго Бога, но она томится в оковах телесной оболочки, заключенная в нее опять же Дьяволом. Путь из неволи, по мнению еретиков, указал Христос. Не случайно сами катары называли себя «добрыми христианами», особо почитали Евангелие от Иоанна, послания апостола Павла, главной своей молитвой считали «Отче наш».

Еретики осмеливались утверждать, что Христос не является ни Сыном Божиим, ни настоящим человеком. Он – ангел, пришедший указать людям путь к спасению через полное отвержение всех связей с материальным миром. Поэтому, по их мнению, люди не могли причинить ему физического вреда, а значит, и распятия никакого не было, а Евангелие – вымысел чистой воды. Разумеется, альбигойцы отрицали и непорочное зачатие Девы Марии, которую вообще считали существом бесполом, как и всех святых.

Катары призывали: во имя жизни вечной следует пренебречь потребностями бренного тела. Они осуждали культ креста, который был в их глазах лишь орудием позорной пытки, не признавали Воплощения и Воскресения Христова во плоти, отвергали крещение водой, признавая крещение светом, не верили, что во время причастия хлеб превращается в тело Господне.

Таким образом, катаризм отвергал основные постулаты католической доктрины, содержащиеся в «Символе веры».

Что же касается самого института католической церкви, то он, как и всякое другое творение этого мира, признавался еретиками порождением Сатаны. По той же причине катары отвергали многие общепринятые нормы. Всякий труд объявлялся напрасным, поиск материальных благ – никчемным и даже опасным. В стремлении к материальным благам человек обрекает свою душу на очередное воплощение, но уже в другом теле; это значит, что душа лишается вечного блаженства и вновь претерпевает мучения этого мира.

Еретики были чрезвычайно воздержанны. Согласно наставлениям по их розыску, которые давались инквизиторам, катаров можно было определить по бедной темной одежде и истощенной фигуре. Альбигойцы отвергали брак, поскольку следствием его является умножение телесных оболочек – тюрем для бессмертных душ. Это положение еретического вероучения стало пищей для воспаленной фантазии монахов-инквизиторов. Те инкриминировали катарам «свальный грех», содомию (гомосексуализм), принуждение женщин к совершению аборт. Впрочем, такие же обвинения звучали в адрес почти всех сект. Более того, документы процессов свидетельствуют, что еретики, в массе своей, отличались чистотой нравов и оправдывали название своего братства.

О ритуалах альбигойцев известно немного. По всей видимости, сведения о них погибли в огне костров инквизиции вместе с их хранителями. Мы знаем, что главный обряд назывался *Consolamentum* (Утешение). Получивший *Consolamentum* объявлялся либо «утешенным», либо «облаченным». Инквизиторы особо охотились за такими, называя их «совершенными еретиками». По ходу обряда уже получивший «утешение» налагал руку на голову вновь посвящаемого и произносил соответствующую молитву. Тем самым дух новообращенного получал возможность впредь не воплощаться в телесной оболочке.

«Совершенным» запрещалось есть все продукты животного происхождения, кроме рыбы. Причиной такого отношения к животным была уверенность альбигойцев в том, что души людей после смерти переселяются в животных.

Обряд *Consolamentum* проводился днем в ясную погоду или в ярко освещенном помещении. Подобно манихеям Персии, катары рассматривали свет как проявление Бога Добра. Перед смертью все альбигойцы получали от «совершенных» обряд *Consolamentum*, перед которым они должны были непременно разорвать узы брака, если дьявол попутал вступить в него. А уж если предсмертное утешение получал «совершенный», то он должен был дать клятву, что никогда не касался женщины. «Облаченный» был обязан вести крайне аскетичный образ жизни. Поэтому многие принимали утешение на смертном одре. Известны случаи, когда принявшие *Consolamentum* в состоянии тяжелой болезни, в предвидении скорой смерти, неожиданно поправившись, сознательно умерщвляли себя: одни доводили себя до голодной смерти, другие добивались смертельного переохлаждения, растягиваясь на холодных каменных плитах после долгого сидения в горячей ванне.

На рубеже XII–XIII веков на юге Франции катары несмотря на то, что сами осуждали существование католической церкви, создали собственную «антицерковь». Катарское духовенство состояло из «совершенных» мужчин и женщин. Часто на дорогах Прованса можно было встретить двух бредущих бедно одетых путников. Они были истощены долгими постами и тяготами путешествия; лишь глаза лучились какой-то неземной радостью.

Дар убеждения был присущ проповедникам катаров, ибо они сами были доказательством правоты своего учения. Им удавалось донести сложные богословские положения до сердца и неграмотного виллана (крестьянина), и умудренного знаниями образованного горожанина. Силы внушения альбигойцев опасались даже самые стойкие и неподатливые католики. Один монах-инквизитор сказал, что он согласился бы лучше пробыть целый год между пятью сотнями чертей, нежели четырнадцать дней в доме, где есть хотя бы один катар. Суровая жизнь миссионеров редко перемежалась короткими периодами отдыха в мужских или женских моленных домах. Но и там «добрые христиане» оставались подлинными аскетами, проводя дни в постах и молитвах.

В XII веке в Европе сформировалась иерархия катаров. Их церковь имела свою структуру. В южной Франции к началу XIII века было, по крайней мере, три диоцеза (епархии): Тулузский, Каркассонский и Альбигойский. Уже в 1167 году в городе Сен-Феликс-де-Караман состоялся катарский собор, упорядочивший деятельность «антицеркви». Во главе каждого диоцеза стоял епископ из числа старцев – уважаемых пожилых «совершенных». Епископу в управлении помогали два священника, именуемые «старшим» и «младшим» сыновьями. Когда умирал епископ, его место занимал «старший» из сыновей, а «младший», соответственно, становился «старшим». Собрание старцев избирало нового «младшего сына» из своей среды. Следователи святой инквизиции верили в тайное существование катарского папы, резиденция которого, по смутным слухам, находилась где-то в Боснии. Однако бесспорных доказательств этого так и не было найдено. Никакие попытки не могли заставить еретиков дать по этому вопросу сколь-нибудь точную информацию. Вряд ли этот «папа» вообще существовал. Скорее всего, центральным органом «антицеркви» являлся собор епископов.

К концу XII века катаризм стал влиятельным религиозным движением. Раймонд V граф Тулузский писал: «Она (ересь) проникла повсюду, она посеяла раздоры во всех семьях, разделив мужа и жену, сына и отца, невестку и свекровь. Сами священники поддались заразе, церкви опустели и разрушаются. Что до меня, то я делаю все возможное, дабы остановить сей бич, но чувствую, что моих сил недостаточно для выполнения этой задачи. Самые знатные люди моей земли поддались пороку. Толпа последовала их примеру, и ныне я не осмеливаюсь и не могу подавить зло».

Действительно ли альбигойская ересь была столь ужасна и представляла серьезную опасность для всей западноевропейской цивилизации? В этом случае у папы и крестоносцев на самом деле не было выбора и жестокие преследования еретиков были жизненно необходимы. Стоит рассмотреть влияние, которое оказала ересь катаров на жителей Лангедока, Прованса, Аквитании и Тулузы.

Аквитания, Лангедок, Прованс – в то время это были очаги просвещения и изысканной культуры, самые цветущие области Европы, резко выделявшиеся на фоне всеобщего фанатизма и невежества. Здесь появились первые певцы любви – трубадуры и менестрели. Герцоги Аквитании и графы Пуату вставали с трона, чтобы встретить «короля поэтов» – трубадура Бертрана де Вентадорн, простолюдина, сына то ли пекаря, то ли истопника. Здесь родился воспетый в рыцарских романах культ Прекрасной Дамы, лицезрею которую (опасный для официальной религии прецедент!), герой испытывал райское блаженство и рядом с которой не оставалось места даже для Бога.

Лишь позовите – и помощь подам

Из сострадания к вашим слезам!
Платы не надо – ни ласк, ни речей,
Даже обещанных вами ночей, —

обращался к Прекрасной Даме Пейре де Барджак. «Я не думаю, что Любовь может быть разделенной, ибо, если она будет разделена, должно быть изменено ее имя», – сказал Арнаут де Марейль. А в старофранцузском «Романе о розе» описан сказочный замок, стены которого увешаны эмблемами, разгадать смысл которых мог только истинный поэт – певец любви. Перед ним и открывались ворота замка. Наиболее полное отражение рыцарские идеалы получили в романах Кретьена де Труа (жил в Провансе во второй половине XII века) – «Рыцарь телеги, или Ланселот», «Персиваль, или Повесть о Граале» и другие. Это был пример, страшный своей привлекательностью, и возможность принципиально иного развития западноевропейской цивилизации – без торговли индульгенциями, без инквизиции, без охоты на ведьм и без костров, на которых сожгли Яна Гуса и Джордано Бруно.

Цветущая и образованная Тулуза стала центром катаризма. В 1178 году горожане изгнали папских легатов, прибывших, чтобы восстановить позиции католической церкви в столице графства. В городе Кастельнодари альбигойцы совместно с католиками пользовались главной церковью. В Лораке еретики вступали в открытые диспуты со своими оппонентами. Эсклармонда, родная сестра графа де Фуа, самого влиятельного вассала графа Тулузского, приняла *Consolamentum*.

Средняя и мелкая знать, городской патрициат, все мыслящее население юга Франции было проникнуто симпатией к еретическому учению. Праведная жизнь еретиков, их зажигательные речи, а более всего – моральное падение католической церкви неуклонно делали свое дело. Уже Раймонд VI граф Тулузский часто появлялся в сопровождении нескольких «совершенных», хотя официально альбигойское учение не принимал.

В 1198 году папский престол под именем Иннокентия III занял тридцатисемилетний энергичный Джованни-Лотарио Конти. Это был в высшей степени незаурядный человек. Иннокентий III мечтал о безграничном могуществе католической церкви, себя же мыслил правителем христианского мира. Естественно, в силу своих убеждений, папа не мог мириться с существованием и процветанием явной ереси. Целые области Европы выходили из-под контроля Рима из-за секты, проповедовавшей какой-то не вполне христианский аскетизм. Самым страшным казался покров тайны, окружавший еретиков: «Клянись и лжесвидетельствуй, но не раскрывай тайны» – гласил кодекс чести катаров – альбигойцев.

Папа задался целью любой ценой покончить с этой ересью. При всем том Иннокентий III не был кровожадным монстром и поначалу пытался решить вопрос, как говорится, малой кровью. В Лангедок отправляются легаты с целью заставить местную знать встать на защиту церкви. Здесь пытаются действовать католические проповедники. Среди них – Доминик де Гусман, будущий основатель ордена братьев-проповедников, больше известного под названием Доминиканского ордена; члены этого сообщества впоследствии будут вершить жестокий суд инквизиции. Доверенный легат Иннокентия III отправился в Лангедок, чтобы личным примером укрепить авторитет католической церкви, – и начисто проиграл «совершенным» соревнование в аскетизме и красноречии. Озлобленный неудачей, Доминик доложил своему патрону, что страшную ересь катаров можно сломить только военной силой, и вопрос о вторжении крестоносцев в Лангедок был решен.

Однако знать либо смотрела на деятельность еретиков сквозь пальцы, либо открыто ее поощряла. В 1208 году, вскоре после гневной обвинительной речи в адрес графа Тулузского, был убит папский легат Пьер де Кастально. Его смерть стала последней каплей, переполнившей чашу терпения Рима. Иннокентий III решил применить силу.

Зимой 1209 года началась проповедь крестового похода против альбигойцев. Под его знамена вставали воины северной и центральной Франции, шли боевые дружины из германских земель. В конце весны 1209 года на Тулузу двинулись, по разным источникам, от 20 до 30 тысяч рыцарей, не считая горожан, вилланов и духовенства. Их вело не только желание искупить свои грехи и послужить делу торжества церкви – в большей степени они рассчитывали пожить за счет богатого края.

Во главе этого воинства встал аббат могущественного монастыря Сито Арно-Амальрик. В ходе экспедиции военное руководство было передано графу Лейчестерскому Симону де Монфору. Он славился безумной храбростью и доходившим до болезненности фанатизмом. Поход принесет ему мрачную славу одного из самых жестоких завоевателей в истории человечества. Гроза надвигалась.

Клятвенные заверения Раймонда Тулузского в верности католической церкви и французскому королю, унижительная процедура покаяния за совершенные и несовершенные грехи не смогли остановить крестоносцев. Если обнажен меч, должна пролиться кровь. И она пролилась – кровь виновных и невинных, молодых и старых, женщин и детей, католиков и еретиков.

Одним из первых нападению подвергся хорошо укрепленный альбигойский город Безье. 22 июля 1209 года огромное войско оказалось под его стенами. Жители отказались выдать «добрых христиан». Начался беспощадный штурм. До нашего времени дошло жуткое описание штурма Безье, которое оставил Цезарий Гейстербахский: «Узнав из возгласов, что там (во взятом городе) вместе с еретиками находятся и добрые христиане, они (воины) сказали аббату: «Что нам делать, отче? Не умеем мы отличить хороших от плохих». И вот аббат (а также и другие), боясь, чтобы еретики из страха смерти не прикинулись истинными католиками, а впоследствии опять не вернулись к своему суеверию, по преданию, сказал: «Бейте их всех, ибо Господь признает своих». Когда крестоносцы ворвались в город, началась самая настоящая резня. Согнав оставшихся в живых горожан к церкви Святого Назария, они перебили 20 тыс. человек. В слепой ярости завоеватели подожгли Безье. Альбигойцы предпочли умереть еретиками, чем сдаться на милость своих врагов.

Примечательно, что сопротивление армии крестоносцев сразу же приняло национальный характер. Люди, вставшие на пути северян, сознавали, что, защищая еретиков, они отстаивают свободу своей родины, жизни своих близких, тепло своих очагов от посягательств жестоких завоевателей, говоривших, кстати, на ином – не провансальском – языке. Поэтому на стенах крепостей плечом к плечу сражались и катар, и католик. Но как бы отчаянно ни сопротивлялись жители городов Прованса, силы были слишком неравными. Крепкие стены рано или поздно разрушались, непокорные жестоко истреблялись.

В августе 1209 года пал город-крепость Каркассон, который Монфор превратил затем в свою временную резиденцию. Пал Альби, давший название альбигойской ветви катаризма. Под давлением папы Иннокентия III король Арагона Педро II, чьими вассалами издавна были сеньоры Безье и Каркассона, утвердил Монфора в качестве нового виконта Безьерского и Каркассонского. Торжество завоевателя омрачалось решимостью местного населения продолжать сопротивление. Монфор был готов завалить Лангедок горами трупов, смести с лица земли десятки городов, лишь бы поставить эту страну на колени, лишь бы стереть саму память о катарах.

Напрасно Раймонд Тулузский, возмущенный неоправданной жестокостью крестоносцев, слал жалобы Иннокентию III. Папа не желал верить в то, что богоугодное дело превратилось в широкомасштабную резню, в которой вместе с еретиками гибли невинные христиане-католики. Римский первосвященник не хотел замечать, что воинство Христово превратилось в войско захватчиков – убийц, да и вряд ли был в состоянии остановить своих защитников.

Тем временем, в июне 1210 года крестоносцы взяли город Минерв. Попытка обратить еретиков в лоно католической церкви успехов не имела. Не желая дожидаться раскаяния аль-

бигойцев, Монфор приказал сложить гигантский костер. Жители города были согнаны на соборную площадь. Предводитель крестоносцев потребовал выйти вперед «совершенным». Из толпы вышло около полутораста человек: женщин и мужчин. Все они были сожжены на одном костре. Никто не молил о пощаде. Люди погибали молча, с улыбкой на устах, веря, что идут на встречу с Богом Света.

Религиозная война превратилась в национальную. Она никого не оставила в стороне. Каждый житель Лангедока должен был сделать свой выбор. Сам Раймонд VI Тулузский, который до сих пор оставался пассивным наблюдателем происходящего, терпя унижения от легатов, принял наконец решение возглавить сопротивление. Конечно, кроме патриотического долга им двигало стремление соблюсти свои вполне материальные интересы. Не следует забывать, что граф как сеньор имел определенные обязательства перед своими вассалами, которые подверглись нападению крестоносцев.

17 апреля 1211 года Раймонд, обвиненный в пособничестве еретикам Лавора, был торжественно отлучен от церкви. Но эта мера не остановила его и не лишила поддержки провансальцев. Вокруг восставшего сюзерена собираются все те, кто готов был сражаться за честь и достоинство своей отчизны. Раймонд призывает на помощь короля Педро Арагонского, которого уже давно тревожило усиление власти французского короля в Лангедоке.

IV Латеранский церковный собор лишил графа Тулузского как еретика и врага церкви всех его владений в пользу Симона де Монфора. Тогда же в Лангедок двинулось войско французского короля во главе с наследным принцем Людовиком.

Но в 1219 году будущий французский король Людовик не смог овладеть Тулузой. В сердцах южан затеплился луч надежды, которая, впрочем, оказалась призрачной.

Вожди ереси вышли из своих укрытий, но наступившее успокоение было лишь затишьем перед той бурей, которая положит конец вольностям юга и свободной проповеди катаризма.

В 1222 году Раймонд VI скончался отлученным от церкви, и его дело продолжил сын – Раймонд VII граф Тулузский. Этот человек грезил былым расцветом края, лелеял самые радужные мечты, которым, к сожалению, не суждено было сбыться.

В 1226 году Людовик VIII, сменивший на французском престоле своего отца Филиппа II Августа, вторгается в Прованс. Местное население еще не оправилось от прошлых сражений, а воля графа Тулузского была надломлена. Столица еще держалась, но французы неуклонно занимали остальные города края. Сотни и сотни костров снова запылали на земле Лангедока.

Раймонд не находил в себе сил для сопротивления, его уже не воодушевляли увещевания «совершенных». Он устал и слишком боялся потерять то, что еще имел. Поэтому в марте 1229 года в Шампани, в городе Мо, граф подписывает условия унижительного мирного договора. Графские владения сокращались, а после смерти его единственной дочери должны были перейти к французской короне. Граф обязался преследовать еретиков, то есть тех, кого недавно сам защищал.

Один из современников отмечал: «Этот договор таков, что даже издалека очень трудно считать его справедливым».

Вслед французскому воинству пришла черно-белая «армия» отцов-инквизиторов. 20 апреля 1233 года папа Григорий IX окончательно узаконил деятельность святой инквизиции. В застенки священного трибунала люди могли попасть по единственному бездоказательному обвинению в причастности к ереси.

Катары, те, кто выжил в многолетней бойне, либо пытались уйти в Италию, либо, скрывая свои убеждения, оставались в родных местах. Наиболее отчаянные и бесстрашные продолжали проповедовать, переходя ночами от города к городу, от села к селу... Их жизнь была полна тревог и лишений. Рано или поздно эти подвижники веры всходили на костер инквизиции, замученные пытками, но духовно не сломленные. В своих опасных странствиях они находили короткий отдых от постоянного напряжения душевных и физических сил только в одном месте

– в глубине Пиренейских гор, в замке Монсегюр – последнем оплоте катаризма. Именно этот замок стал прообразом мистического Монсальвата средневековой литературы. Замок располагался на крутой скале, охваченной кольцом гор, что делало его труднодоступным для регулярной осады и штурма. Сеньоры Монсегюра были давними и верными вассалами графа де Фуа, стойкого защитника ереси. Здесь в стенах твердыни укрылся последний епископ гонимой церкви Бертран Марти. Отсюда он напутствовал своих братьев-единоверцев, отправлявшихся в смертельные путешествия; здесь он давал благословение рыцарям-патриотам, которые уходили в партизанские рейды, наводя ужас на оккупантов и монахов-инквизиторов.

Смириться с таким положением дел новые хозяева Лангедока не могли. В мае 1243 года сенешаль Каркассона Гуго дез Арси осадил крепость. Поводом для экспедиции стало жестокое избиение инквизиторов, учиненное воинами Монсегюра в одном из близлежащих селений. На штурм с ходу дез Арси не решился. Началась долгая осада. Тайными тропами, известными только местным жителям, в замок доставлялся провиант, но именно этим путем пришел и враг. Возможно, среди горцев нашелся предатель, который под страхом смерти или, польстившись на обещанное вознаграждение, провел французов под самые стены крепости. Защитники Монсегюра держались еще несколько недель. За это время им удалось вывезти и спрятать в пещерах сокровища катарской церкви. Замок был обречен, и с полного согласия «добрых христиан, дабы не проливать напрасно кровь защитников», 28 февраля 1244 года его сдали.

Условия капитуляции требовали от катаров отречения от еретических убеждений, в противном случае им грозило сожжение. Поражает то влияние, которое имел катаризм на умы людей: многие рыцари, сержанты, простые горожане – мужчины и женщины принимали *Consolamentum* уже после оглашения этих условий, обрекая себя на мучительную смерть. Когда победители уже шли по переходам замка, комендант Монсегюра устроил побег четверем «совершенным», «дабы церковь еретиков не лишилась своих сокровищ, спрятанных в лесах: ведь беглецы знали тайник». Отсюда начинаются кладоискательские легенды. Мы не знаем дальнейшей судьбы бежавших. Мы не знаем, что случилось с сокровищами и что это были за сокровища. По легенде, катары обрели Грааль, что бы под этим ни подразумевалось, и этот Грааль катаров находился в Монсегюре. Наконец, неясно, почему «хранителям» потребовалось бежать в последний момент, когда можно было остаться возле тайника сразу после перевозки ценностей в горы. Возможно, их остановило что-то, чему, по мнению катаров, следовало было находиться в крепости до последней минуты сопротивления. На этот счет выдвигались и выдвигаются до сих пор различные гипотезы, среди которых хватает и совершенно фантастических.

Так или иначе, нам доподлинно известно лишь то, что ночью 16 марта 1244 года «добрых христиан», числом более двухсот, из которых ни один не пожелал отречься от своей веры, сожгли на гигантском костре. До сих пор это место называют Полем Сожженных. Вместе с этим костром угасло и сопротивление. Еретиков-катаров еще можно было встретить в XIV веке, но прежнего влияния и могущества движению достичь было не суждено.

Когда восстание альбигойцев было подавлено, то большая часть Тулузского графства присоединилась к королевскому домену. Несколькими годами позже рыцарь Бернард Сиккарт де Марведжольс и трубадур Каденет создали, независимо друг от друга, два великих произведения французской литературы: «Песнь об Альбигойском крестовом походе» и «Плач по альбигойцам». «Песнь об Альбигойском крестовом походе» считается во Франции второй по значимости после Песни о Роланде.

С альбигойской ересью связана одна из загадок романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Вот персонаж Коровьев-Фагот – состоящий при Воланде кривляка-регент, бывший запевала, в клетчатом костюме и треснувшем пенсне, говорящий голосом до противности дребезжащим, шут (ведь *fagotin* по-французски значит именно шут, правда, это только одно из значений этого многозначного слова). И Гелла, и Бегемот, и сам мессир обращаются к Коро-

вьеву не иначе, как рыцарь. И это удивительно, потому что сводит разом вещи несовместные. Как удивительно и то, что иногда, внезапно, фальшивый переводчик не нуждающегося ни в каких переводах иностранного консультанта начинает говорить громким и звучным голосом. Преображение совершается при помощи все той же луны, и «вот уже скачет, звеня золотой цепью повода, темно-фиолетовый рыцарь с мрачайшим, никогда не улыбающимся лицом...

– Почему он так изменился? – тихо спросила Маргарита под свист ветра у Воланда.

– Рыцарь этот когда-то неудачно пошутил, – ответил Воланд, поворачивая к Маргарите свое лицо с тихо горящим глазом, – его каламбур, который он сочинил, разговаривая о свете и тьме, был не совсем хорош. И рыцарю пришлось после этого прошутить немного больше и дольше, нежели он предполагал. Но сегодня такая ночь, когда сводятся счета. Рыцарь свой счет оплатил и закрыл!»

Что же это за шутка, если пришлось так расплачиваться за нее? Первое, на что нужно обратить внимание, – это на то, что все герои в лунном свете обретают свои истинные облики и становятся самими собой. И у нас нет причин не поверить Михаилу Афанасьевичу и усомниться. Так что принимаем на веру – Фагот и на самом деле был рыцарем в той части своей судьбы, которая не описана в романе, но подразумевается для имеющих желание уразуметь.

Обратимся еще раз к слову *fagotin*. И тут нас ждет сюрприз, ибо второе значение этого слова – «ветки» или «прутья, связанные в пучок»; а вот третье – и оно крайне интересно – это «еретик».

Какая же рыцарская шутка о свете и тьме может считаться ересью? С очень большой долей вероятности – именно шутка альбигойцев, среди которых действительно много было знати. И тема Света и Тьмы – альбигойская тема.

С идеями романа пересекается еще одна «шутка»: когда католическая церковь, обеспокоенная происходящим в Тулузе, послала послов по приказу папы, Раймонд VI Тулузский не принял заманчивых предложений, уверенный в своей победе. А когда послы собрались назад, он призвал придворных и с тревогой сообщил им о своем сне: он-де видел, как послы были зарезаны в лесу, недалеко от переправы, в безлюдном месте. Их убили ударами ножей, и теперь граф думает, что так оно и должно произойти. Говорят, что кто-то из вельмож возразил ему: такое невозможно, ибо личность посла неприкосновенна. Однако граф настаивал на своем: приснилось, и сон этот вещий, он уверен. Сон, кстати, сбывся – послы зарезали. Видимо, кто-то из придворных правильно понял своего повелителя. Точно так же, как начальник тайной службы Афраний в романе Булгакова правильно понял предчувствие Понтия Пилата:

– ...его зарежут сегодня, – упрямо повторил Пилат, – у меня предчувствие, говорю я вам! Не было случая, чтобы оно меня обмануло, – тут судорога прошла по лицу прокуратора, и он коротко потер руки.

– Слушаю, – покорно отозвался гость, поднялся, выпрямился и вдруг спросил сурово:

– Так зарежут, игемон?

– Да, – ответил Пилат...

Волею Мастера Иуда из Кириафа был убит так же, как папские послы в Тулузе – в безлюдном месте, ночью. И это вряд ли можно считать простым совпадением.

И еще одно. Средневековая рукопись с текстом «Песни об Альбигойском крестовом походе» хранится в Румянцевской библиотеке. Именно на каменной террасе этого, одного из самых красивых в Москве зданий, с балюстрадой из гипсовых ваз с гипсовыми цветами, Воланд и Азazelло сидели в ожидании неугомонной парочки Бегемот – Коровьев. И последний уже скоро предстанет перед читателем в своем истинном облике фиолетового рыцаря. Замечателен тот факт, что заглавная буква «Песни об Альбигойском крестовом походе» была выполнена в виде фигуры рыцаря в темно-фиолетовых одеяниях. Очевидно, именно это воспоминание заставило Михаила Афанасьевича назвать Фагота фиолетовым рыцарем. Ересь катаров-альби-

гойцев полагала весь материальный мир порождением дьявола; осуждала все земное, призывая к аскетизму. Наверное, поэтому рыцарь оплачивал свой счет, служа у князя тьмы.

Тайны тамплиеров

О тамплиерах написано немало, но тайн и загадок, связанных с ними, меньше не становится. Например, почему «бедное рыцарство Христово и храма Соломонова» (таково официальное название ордена тамплиеров) превратилось в крупнейшего землевладельца и обладателя несметных богатств, значительно превосходящих казну любого тогдашнего государя в Западной Европе? Основанный в 1118 году девятью рыцарями, орден тамплиеров спустя всего лишь полвека стал самой могущественной и богатой организацией в Европе. Тамплиеры строили дороги, вели войны, финансировали строительство готических соборов. Говорят, даже плавали в Америку задолго до Колумба. Но... в 1307 году они исчезли с исторической арены так же таинственно, как и появились на ней.

Вопросы множатся. Куда пропали материальные и духовные сокровища тамплиеров? Почему тамплиеры уделяли такое внимание возрождению легенд о короле Артуре и Братстве Круглого стола? Как связаны тамплиеры и Святой Грааль, были ли они действительно хранителями священной реликвии? Что давало духовную силу десяткам тысяч рыцарей в белых плащах? Кем они были? Вот уже сотни лет людей занимает вопрос: это слуги Господа или помощники дьявола? Невинно оклеветанные жертвы или злостные еретики, получившие по заслугам? Мы не будем углубляться в этот давний спор, в котором вряд ли можно обрести истину. Поговорим об исторических событиях, происходивших более 800 лет назад, и попробуем приподнять покров над тайнами ордена Храма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.